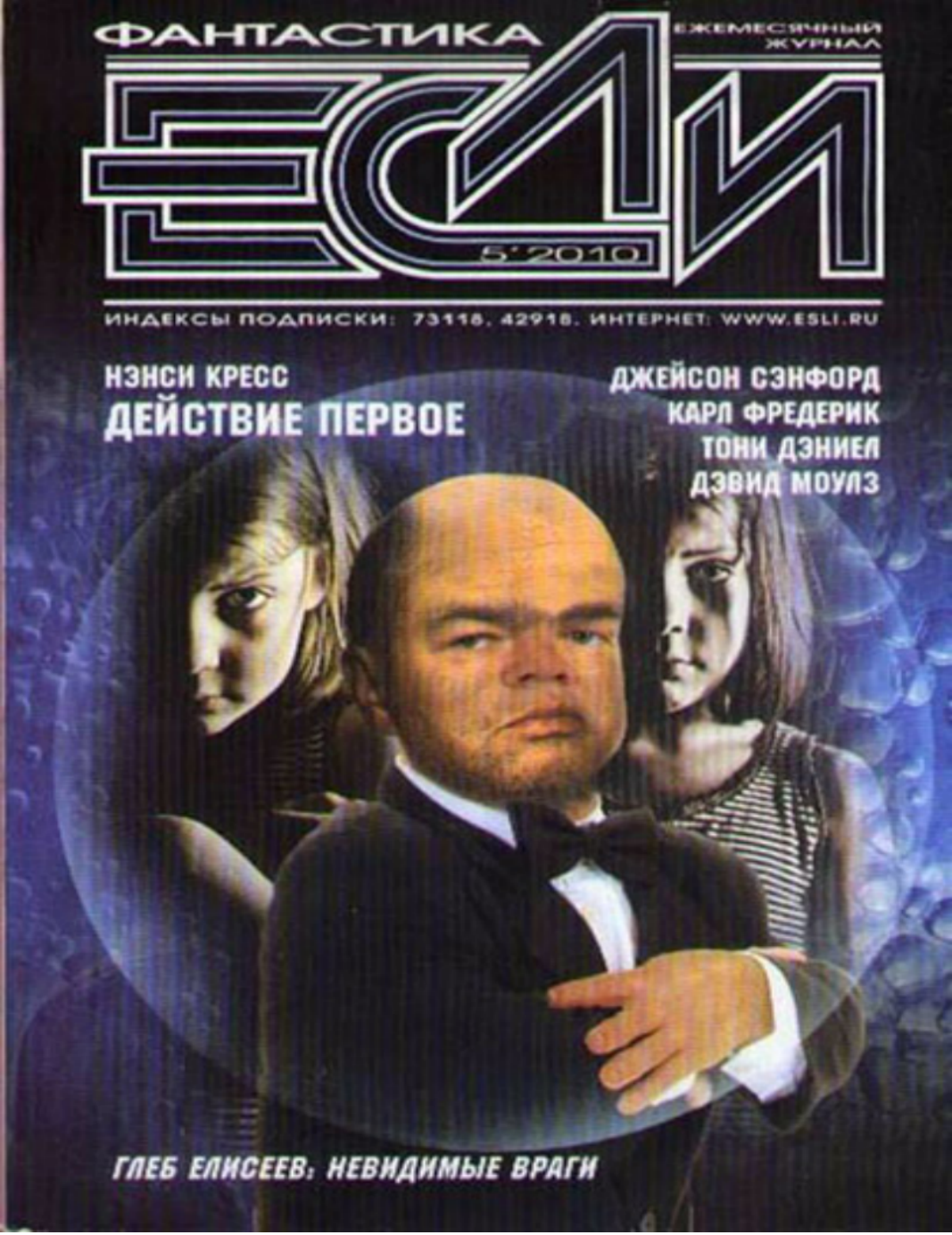
ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСЛИ
5'2010
ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

НЭНСИ КРЕСС
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЖЕЙСОН СЭНФОРД
КАРЛ ФРЕДЕРИК
ТОНИ ДЭНИЕЛ
ДЭВИД МОУЛЗ



ГЛЕБ ЕЛИСЕЕВ: НЕВИДИМЫЕ ВРАГИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В НОМЕРЕ:

Нэнси КРЕСС. ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Эмпатия — самый благородный дар матушки-природы. Однако, когда он «поддельный», последствия могут быть самые неожиданные.

Тим САЛЛИВАН. ПОД НЕСЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

«На лицо ужасные», эти создания вызывают страх у главного героя, но бояться ему следует совсем другого…

Карл ФРЕДЕРИК. ВСЕЛЕННАЯ ПО ТУ СТОРОНУ ЛЬДА

Ничто не порождает таких непримиримых споров и жестоких разногласий, как вопросы мироустройства.

Дэвид МОУЛЗ. ПАДЕНИЕ ВОЛШЕБНОГО КОРОЛЕВСТВА

Каких только «реализмов» не знало человечество — критический, социалистический, магический, — а теперь вот еще и «динамический» объявился.

Джек СКИЛЛИНСТЕД. НЕПОДХОДЯЩИЙ КОМПАНЬОН

Здесь все формализованно, бесчеловечно и некому излить душу — разве что электронному анализатору мочи.

Тони ДЭНИЕЛ. EX CATHEDRA

Бабочка с дедушкой давно принесены в жертву светлому будущему человечества. Но и этого мало справедливейшему Собору.

Крейг ДЕЛЭНСИ. AMABIT SAPIENS

Мировые запасы нефти тают? Фантасты найдут выход.

Джейсон СЭНФОРД. КОГДА НА ДЕРЕВЬЯХ РАСТУТ ШИПЫ

В этом мире одна каста — неприкасаемые.

А также:

Рецензии, Видеорецензии, Курсор, Персоналии

- Журнал «Если» № 5 2010
- Тим Салливан
- Карл Фредерик
- Дэвид Моулз
  -
  - Твинки обрушились на Дракон-сити
  - Королевство сдалось во вторник
  - В ту ночь профсоюз решил бастовать
  - Черепаха шла полным ходом
  - Юинь проснулась в своей постели
  - Когда в дверь позвонили
  - Юинь знала, что она сумасшедшая

    - МоГуо,
- Джек Скиллинстед
- Видеодром
    - Хит сезона
        - Космическое шулерство
        - Новое трио со старым напевом
    - Рецензии
        - Соломон Кейн
        - Книга Илая
        - Метеоидиот
    - Экранизация
        - Алиса В Заэкранье
- Тони Дэниел
- Крейг Делэнси
- Нэнси Кресс
-
- Джейсон Сэнфорд
- Глеб Елисеев
- Рецензии
- Вл. Гаков
- Давайте общаться! И не только в сети
- Курсор
- Personalia
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36

Журнал «Если» № 5 2010

Издательство «ЭКСМО»

НАГРАЖДАЕТ АВТОРОВ

за 10-летнее

непрерывное, продуктивное и успешное сотрудничество золотым памятным знаком 585-й пробы

Андрея Валентиновича Валентинова

Алексея Анатольевича Евтушенко

Юрия Александровича Никитина

Вячеслава Владимировича Шалыгина

ЛАУРЕАТЫ 2007, 2008 и 2009 годов:

М. С. Ахманов, В. В. Головачев, Д. Е. Громов, Е. Я. Гуляковский, В. Д. Звягинцев, В. Л. Ильин, О. С. Ладыженский, В. Д. Михайлов, Н. Д. Перумов, Н. Т. Чадович, А. И. Бессонов, Г. Гаррисон, А. Н. Громов, О. И. Дивов, С. В. Логинов, М. Г. Симонова, М. Ю. Тырин, А. А. Калугин, А. Л. Ливадный

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ АВТОРОВ И ЖЕЛАЕМ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ!

Тим Салливан
Под несчастливой звездой

Иллюстрация Евгения Капустянского

Волвертона чуть не раздавило.

Он отрезал маленький кусочек железной руды ручным лазером и потому не заметил приближавшуюся опасность.

— Берегись! — раздался в ухе голос Нозаки.

Волвертон почувствовал вибрацию почвы. Повернувшись, он увидел, как что-то огромное и черное надвигается на него в зловещей тишине.

— Прыгай!

Он прыгнул, не задумываясь о направлении. Приземлившись метрах в двенадцати, он понял, что все еще находится на пути гиганта. Тогда он снова прыгнул.

На этот раз при приземлении он споткнулся и, все еще держа лазер, перекатился на спину, лицом к звездам. Затем он приподнялся, упираясь локтями, и увидел, как горбатая громадина разрывает поверхность, проезжая мимо него. Объект походил на жука размером со стадион и перемещался на суставчатых металлических ногах. Он был настолько огромным, что заслонял звезды.

Волвертон подумал о том, чтобы выстрелить, но монстр уже удалился к изогнутому горизонту астероида, оставив после себя глубокую колею. Вряд ли лазер смог бы ему навредить.

Нозаки подошла и помогла встать. Волвертон задыхался, сердце его бешено колотилось. Чудовище уже вышло из поля зрения.

— Ты видела? — спросил у нее Волвертон, не совсем поверивший своим глазам.

— Конечно. Кто, по-твоему, велел тебе прыгать? — ответила Нозаки. — Ты в порядке?

— Да.

— Надо связаться с базой, — Нозаки переключилась на другой канал. Поговорив, она подтолкнула Волвертона к роверу, а сама села на место водителя и завела двигатель. Волвертон все еще тяжело дышал.

— Пронесло, а? — усмехнулась Нозаки, разворачивая ровер.

— Да, — Волвертон улыбнулся, в кои-то веки позабыв о том, что улыбка его не красит. Он просто радовался тому, что остался жив. — Откуда взялась эта штука?

— Из пузыря.

— Пузыря?

— Да, из аномалии. Ты назвал ее пузырем временного смещения.

— Я ее так назвал?

— Точно.

— Я даже не знал, что этот пузырь существует.

— Эту штуку по неосторожности прислали сюда из другой реальности.

— Реальности?

— Да, из той, в которой на этом астероиде никто не живет. Не думаю, что они специально хотели нам навредить.

— Ты говоришь так, будто знаешь их.

— Одного из них я встречала. Он вернул меня — ну, почти вернул, — после того как я случайно прошла через этот пузырь. Меня воссоздали настолько точно, насколько смогли.

— А кто-нибудь еще об этом знает?

— Да, конечно. Об этом знает вся база, хотя сначала они мне

не поверили.

— Почему? Что случилось?

— Как-то раз мы с тобой пошли собирать образцы, и я вернулась одна. Они считали, что я свихнулась, до тех пор пока не появилось неопровержимое доказательство. Поговаривали даже, что меня заменит Заремба.

— Ничего себе.

— Ему, впрочем, эта идея не нравилась. Он проработал со мной уже достаточно долго и понимал, что я сказала правду, как бы странно она ни звучала.

Нозаки поехала вдоль глубокой борозды, оставленной в железно-никелевой поверхности.

За те несколько дней, что Волвертон провел на LGC-1, он успел собрать весьма впечатляющую коллекцию руд — молибденит, марганец, кварц, железо и свинец. Их образование сотни миллионов лет подстегивала водородная оболочка Гаммы Южного Креста. Жук-рудокоп срезал все это, по крайней мере, на два метра в глубину и метров на сто в ширину, сделав всю сегодняшнюю работу бессмысленной.

— Это что-то вроде врубовой машины, — сказал он.

— Похоже на то, — согласилась Нозаки. — Консорциум рас заприметил здешние запасы руды.

— На тренинге мне ничего об этом не говорили, — Волвертон чувствовал себя так, будто попал в Зазеркалье.

— Просто мы все еще готовим отчет. Ты — единственный, кроме меня, кто видел их технологии… если это, конечно, действительно их технологии.

Она продолжала ехать у самого края борозды.

Волвертон наблюдал за тем, как уверенно она ведет ровер. Он едва знал Нозаки, но уже разговаривал с ней непринужденно. Ему не удалось завести друзей ни на Земле, ни на Марсе, но он надеялся, что здесь, на краю мира, все сложится по-другому. Нозаки хорошо относилась к нему с того самого дня, когда хоппер привез его на LGC-1, а теперь она еще и спасла ему жизнь. Он слышал, что кризис сближает людей, и это, похоже, были не пустые слова.

Нозаки ему очень нравилась, он даже начинал влюбляться в нее.

— А что если эта машина доберется до нашего лагеря? — спросил Волвертон.

— Она двигалась не в том направлении, — ответила Нозаки, на сей раз, впрочем, не очень уверенно. — Скорее всего, пройдет мимо.

— Скорее всего?

— Да ладно, Волвертон. Я же сказала, что они очень цивилизованные. Они не захотели бы нам навредить.

— Но поскольку здесь пересекается бесконечное количество реальностей, ты не можешь сказать с уверенностью, кто именно построил эту громадину?

— Не могу, — признала она. — Пожалуй, не могу. Как ты думаешь, каковы ее функции, кроме раскапывания всего на своем пути?

— Думаю, она ищет руду, как и мы, только в куда больших масштабах. Она должна зачерпывать камни, разделять их внутри себя и сортировать по объему.

— Похоже, им очень нужен металл.

— Что вообще такое этот пузырь? — поинтересовался Волвертон.

— Трудно сказать. Его центр находится в недалеком космосе, но параметры здорово изменяются. Иногда он спускается к самой поверхности астероида.

— Значит, так мы в него и попали? Случайно?

— Да. Эта машина может тоже наткнуться на него и исчезнуть или…

— Или она прожует нашу базу, проанализирует обломки и выплюнет все то, что сочтет бесполезным.

— Довольно мрачный прогноз.

— Но он может оказаться точным, — заметил Волвертон. — Учитывая маленький размер астероида, я бы сказал, что это весьма вероятно.

— Ладно, я поняла. Нам лучше поторопиться.

Она увела ровер прочь от борозды и направилась к лагерю. Волвертон понимал, что у него, возможно, уже не будет другого шанса побыть с Нозаки наедине, и потому пожалел о том, что они уже возвращаются.

Вскоре над крутой дугой горизонта показались прожектора базы. Команда Лабутуну занималась строительством — они прикрепляли к стене свинцовый лист.

Волвертон пообещал убрать ровер, позволив Нозаки войти и самой обо всем рассказать. Она созвала всех на совещание по открытому каналу, а он тем временем отсоединял батареи и возился с панелями ровера до тех пор, пока ему не удалось свернуть его и прикрепить к остальным.

Когда он закончил, строители уже вошли внутрь. Сам он на входе за один шаг нечаянно прыгнул почти до самого шлюза. Волвертон все еще не привык к здешней гравитации, и длинные ноги зачастую уносили его куда дальше, чем он ожидал.

Пройдя через шлюз, он быстро снял шлем и скафандр и

повесил их рядом со своей койкой. Он мельком глянул на собственное отражение в зеркале через открытую дверь ванной — худое тело, веснушчатое лицо, рыжие волосы. Затем Волвертон кинулся в зал заседаний — относительно просторное помещение, находившееся на пересечении двух главных бункеров.

В зале все уже собрались.

Шум множества голосов привел его в замешательство, а потом он увидел нечто и вовсе шокирующее.

Две Нозаки.

Одна из них, одетая в скафандр без шлема, говорила. Другая сидела и слушала вместе со всеми — она носила теплый синий свитер.

— Мы не знаем, где именно сейчас находится эта штука, — говорила Нозаки в скафандре — вероятно, та, которую он недавно оставил. — Через пузырь прошла очень большая машина, и она, возможно, не управляема. Она разрывает поверхность астероида.

Люди начали перешептываться.

— У меня есть одно предположение, — произнес Волвертон, дождавшись паузы. Когда присутствующие повернулись к нему, он немного смутился. — Что если ее цель — снять верхний слой со всей поверхности астероида?

В зале поднялся гул.

— Такое возможно, — громко и уверенно подтвердила Нозаки. — Если до этого дойдет, мы должны быть готовы эвакуировать базу.

Собравшиеся зашумели еще сильнее.

— Что мы будем делать, если эта машина уничтожит базу? — спросил астрофизик Джиоти, когда разговоры немного стихли. — Мы не сможем долго оставаться снаружи.

— Можно вызвать хопперы, чтобы нас забрали отсюда, — предложил Заремба. Его гладко выбритая голова отражала свет ламп. — Но это займет какое-то время.

— Лучше всего, — начала Лабутуну, — перенести строительные материалы и все, что нам нужно для выживания, на другое место. Мы построим временный лагерь и наполним его воздухом. Этого должно хватить до тех пор, пока мы не эвакуируемся с астероида.

— Я не понимаю, как эта штука сюда попала, — заявил доктор Лайнбаргер, поправив очки.

— Пузырь иногда опускается и проходит по поверхности, — пояснила Нозаки.

— Инопланетный художник делает широкий мазок, — добавил Дувич, главный минералог, проведя пальцем по своей

серой бороде.

Некоторые усмехнулись тонкому комментарию, немного развеяв скапливавшийся страх.

— Возможно, некоторые пузыри содержат в себе целые астероиды или даже целые планеты, — предположила Джиоти, широко раскрывая глаза. — Это невероятно увлекательно.

— Даже слишком увлекательно, на мой взгляд, — сказала та Нозаки, которая сидела без скафандра. Когда она встала, Волвертон восхитился ее стройной, атлетически сложенной фигурой.

С тех самых пор как прибыл на LGC-1, он часто замечал, что Нозаки встречается ему слишком часто. Теперь он понимал, почему и что она имела в виду под «неопровержимым доказательством».

— Давайте займемся делом, — предложила Нозаки в скафандре.

Все встали. Одни направились собирать вещи, другие пошли наружу, чтобы помочь Лабутуну с тяжелым оборудованием. Остальные назначили часовых и изучили снимки со спутника.

— Вот она, — сказала Нозаки в свитере, указав на полученную из космоса голограмму.

Машина упорно разрывала поверхность, направляясь навстречу малиновому рассвету. Она двигалась сквозь смертоносный жар, излучаемый водородной оболочкой звезды.

— Жесткое излучение ее даже не замедляет, — заметила Джиоти.

— Может, она использует этот жар как плавильную печь, — предположил Волвертон.

— Похоже, она собирается обойти весь астероид — ее траектория постоянно меняется, — заметила Нозаки в свитере. — Рано или поздно она наверняка доберется до нас.

— А значит, — продолжил Дувич, глядя на Волвертона, — твоя гипотеза превращается в сбывшееся пророчество.

— Похоже, ты спасешь пятьдесят две жизни, Волвертон, — сказала Нозаки в скафандре.

От ее похвалы ему стало тепло на душе, но расслабляться было не время.

Все, что могло им понадобиться, уже вытащили наружу — инструменты, еду, воду, надувные палатки, баллоны с кислородом. Им стоило поторопиться, пока не начался рассвет.

В какой-то момент Волвертон вдруг обнаружил, что работает с копией Нозаки.

— Не нужно так на меня пялиться, — сказала она.

— Прости, — ответил Волвертон. — Просто я…

— Никогда не видел одного и того же человека в двух местах одновременно, — закончила она. — Я знаю. Слышу это с тех пор, как вернулась и обнаружила здесь своего двойника. Честно говоря, я уже немного устала от таких разговоров.

Странно, но эта версия Нозаки, похоже, относилась к нему не так хорошо, как другая. Во всем остальном они казались абсолютно одинаковыми, вплоть до идентичных родимых пятен на шее. Разница, видимо, заключалась в том опыте, который объединял его с другой Нозаки.

— Эти ящики нужно сложить возле шлюза, — сказал Заремба, прерывая размышления Волвертона.

— Смотрите! — закричал Дувич. — Она движется сюда!

— И очень быстро, — добавила Нозаки. — На сборы времени не осталось.

— Инструменты… — в ужасе воскликнула Лабутуну. — Без них мы не сможем строить!

— Знаю, но мы должны двигаться.

Роверы развернули, затем к ним подключили батареи. Багажники заполнили тем, что попалось под руку. Волвертон запрыгнул в ровер Нозаки. Теперь, когда обе ее версии ходили в скафандрах, он уже не мог сказать с уверенностью, с какой именно Нозаки имеет дело.

Двадцать шесть роверов тронулись с места. Колонна направилась прочь от надвигающегося рассвета, пылавшего алой короной на фоне черной дуги горизонта.

— Господи, — сказал кто-то по рации.

Страх, прозвучавший в этом голосе, заставил Волвертона обернуться. Инопланетная машина, перемалывавшая поверхность, казалось, еще более выросла с прошлого раза, и с каждой секундой она все продолжала расти.

Как и показывали снимки со спутника, направлялась она прямо на их лагерь. Угловатые ноги взламывали поверхность, толкая машину вперед с угрожающей скоростью.

Большая часть лагеря находилась под землей, издалека виднелись лишь покрытые свинцом крыши. Волвертон увидел, как монстр сделал первый укус. На короткое мгновение, когда земля перед шлюзом просела, показалось брюхо чудовища, а затем огромные спиральные лезвия разрезали бункер.

Обломки всосало внутрь беззвучно — ощущалась только вибрация, настолько сильная, что она походила на землетрясение. Ровер сильно накренился, прежде чем Нозаки смогла снова справиться с управлением.

Машина выбросила отработанный материал — острые осколки лагеря проплыли на фоне черно-красного неба и

медленно упали на поверхность.

Тишина, воцарившаяся в шлеме Волвертона, сделала эту сцену еще более жуткой. Слыша только свое дыхание и сердцебиение — ничего больше, он наблюдал за тем, как лагерь уничтожают.

Караван свернул с пути страшной машины, и вскоре черный колосс скрылся из виду. Волвертон подумал о парочке сувениров, которые он привез с Марса. Теперь их уже не вернуть, как и то, что все они называли домом.

Его охватила паника. Куда теперь? Для того чтобы забрать всех с астероида, потребуются, по меньшей мере, три хоппера, но рядом их нет, а те, которые находятся далеко, не успеют вовремя.

— О боже, — пробормотал он.

— Расслабься, Волвертон, — сказала Нозаки. — Мы ведь еще не умерли.

— Это — всего лишь вопрос времени.

— Оставь свои пораженческие настроения. Именно из-за них ты и не смог вернуться из пузыря.

— Пузырь…

— Это наш единственный шанс.

— Думаешь, мы сумеем найти его вовремя?

— Сумеем, если нам повезет, — ответила Нозаки.

Волвертон видел ее губы через забрало шлема — она молчала. Это, должно быть, передала вторая Нозаки по открытому каналу. Или вторая Нозаки — та, с которой он сейчас ехал? Он знал только один способ их различить — спросить напрямую. Волвертон быстро переключился на закрытый канал.

— Э… какая из вас — ты?

— Я — та, которая не оставила тебя позади.

— Ох, — он сел в ровер не к той Нозаки. Пришлось напомнить себе о том, что они обе — одна и та же женщина.

Волвертон вернулся на открытый канал. Караван продолжал двигаться вперед, обгоняя смертоносный рассвет.

Желудок вскоре заурчал от голода, и этот звук оказался громче, чем грохот разрушения лагеря. Волвертон ничего не ел с тех пор, как отправился собирать образцы руд. Суждено ли им умереть с голоду на поверхности LGC-1? Вполне возможно, если только фильтры, обрабатывающие влагу в их скафандрах, не сломаются раньше — в этом случае они умрут от жажды. А если откажут батареи роверов, Гамма Южного Креста поджарит их заживо.

В наушниках раздался голос Джиоти.

— Нам не стоит ехать одним караваном. Мы скорее найдем пузырь, если разделимся.

— Разумно, — согласилась Нозаки. — Если увидите его, подайте сигнал.

Она наклонила джойстик влево и ушла от каравана под острым углом. Другие роверы тоже начали отделяться, направляясь в разные стороны. Вскоре они разошлись по всем направлениям, кроме того, где находился их лагерь. Никто не хотел возвращаться, даже несмотря на то, что гигантский жук наверняка уже покинул это место.

Двадцать минут спустя они увидели что-то над горизонтом. Объект был бы совершенно невидимым, если бы не заслонял звезды. Сначала Волвертону показалось, что это все та же машина, но вскоре он понял: этот новый объект куда больше.

— Нашли! — закричала Нозаки.

Когда она повернула ровер к аномалии, вверх взмыли сигнальные ракеты. Они преодолели слабую гравитацию и победоносно вспыхнули в нескольких километрах над поверхностью.

Волвертон волновался, хотя и не представлял, что они будут делать, когда доберутся до пузыря.

— Он удаляется от поверхности! — испуганно выкрикнула Джиоти. — Надо поторопиться, пока еще не поздно!

Волвертон выдохнул и осознал, что до этого невольно сдерживал дыхание.

Пока роверы неслись по бесплодной равнине, он разглядел то, о чем говорила Джиоти. Бесформенная черная граница пузыря находилась в нескольких метрах над поверхностью астероида и упорно продолжала подниматься.

— Как мы туда попадем? — спросил Волвертон.

Кто-то из ехавших впереди выпустил еще одну ракету. Светящийся след исчез внутри пузыря.

— Здесь слабая гравитация, — пояснила Нозаки. — Возможно, мы сможем догнать пузырь, если прыгнем, но сделать это нужно до того, как он поднимется еще выше.

Роверы собрались под аномалией, словно на пикник. Как только они остановились, Волвертон выпрыгнул со своего места и взмыл на метр над землей. Когда его ноги коснулись поверхности, он уже смотрел вверх, на пузырь. Снизу он видел находившиеся внутри него звезды — не те, которым следовало быть в этой части неба.

— Мы пойдем сквозь него? — спросил он.

— Если мы этого не сделаем, — ответила Нозаки, — нам конец.

— Край слишком высоко над землей.

— До него можно достать, если прыгать с багажника.

— Кто будет первым? — поинтересовался Заремба.

— Я, — тут же вызвался Волвертон, опережая Нозаки. Он хотел встретить ее на той стороне, чего бы это ни стоило.

— Молодец, — ободрила его Нозаки.

— Лучше поторопись, Волвертон, — сказала Лабутуну, заметно нервничая.

Волвертон отступил на пару шагов. Затем поднял голову к пузырю и побежал. Вскочив на багажник ровера, он оттолкнулся от него изо всех сил и прыгнул прямо во тьму.

Ожидая каких-нибудь изменений, Волвертон перевернулся в пустоте. Он ничего не почувствовал и боялся, что до пузыря так и не долетел. Хотелось, чтобы Нозаки летела рядом, держа его за руку.

Он посмотрел вниз, ожидая увидеть астероид, но в этот миг все изменилось. Поверхность покрылась кратерами, совсем не похожими на ту гладкую равнину, которую он видел из хоппера, впервые спускаясь на LGC-1.

Волвертон снова перевернулся — на этот раз пропали и солнце, и астероид.

— Нозаки! — позвал он. Ответа не последовало.

Он остался один. Волвертон не видел ничего, кроме тьмы и огоньков звезд. Инерция его движения ослабела. В какой-то момент он взглянул прямо на солнце, и стекло его шлема потемнело, отфильтровывая яркий свет. Эта звезда не походила на Гамму Южного Креста. Во-первых, она оказалась желтой с оранжевыми вкраплениями, а не кроваво-красной. Во-вторых, она была значительно меньше и являлась, похоже, звездой главной последовательности, как и земное Солнце.

Он что, оказался в другой звездной системе, или это — прошлое Гаммы Южного Креста? И почему его движение замедлилось?

Что-то тянуло его, пространство вокруг преобразовывалось в трубу. Его всосало внутрь, но не резко, а так, будто эта невероятная сила знала о хрупкости человеческого тела.

До тех пор пока в его баллонах остались кислород и азот, он будет жить. А потом…

За стеклом шлема неожиданно показалась поверхность зеленой планеты, местами затянутая полосками облаков. Тащившая его сила оказалась гравитацией. Его притягивало к поверхности планеты.

Или, по крайней мере, в том направлении. Несколько мгновений он болтался в трубе, а потом вдруг выпал на большую круглую платформу. Он упал на спину и посмотрел на трубу, змеей тянувшуюся сквозь облака.

Затем Волвертон медленно встал. Благодаря набивке скафандра он не пострадал, но его сильно трясло. Он попытался успокоить дыхание и замер, давая пульсу возможность замедлиться. А еще Волвертон удивленно таращился на проплывавшие над ним облака. Движения давались ему с трудом, но вскоре он понял, что просто привык к слабой гравитации астероида. Проанализировав свои ощущения, он решил, что по размеру и плотности этот мир должен находиться где-то между Землей и Марсом. А значит, адаптация не займет много времени.

Пошатываясь, Волвертон подошел к краю платформы и осмотрелся.

Он находился на вершине башни. Внизу простирался город, дороги которого сверху походили на паутину. Несмотря на размеры, город казался не хаотически расползающимся, а тщательно спроектированным. Внизу что-то двигалось, но с такого расстояния и к тому же сквозь завесу облаков невозможно было увидеть, что именно. Вдалеке виднелись неровная линия берега и темно-зеленое море.

Волвертон скорее почувствовал, чем услышал, какое-то движение за спиной. Обернувшись, он увидел, как в центре платформы образуется выступ. В выступе обнаружилась дверь, настолько большая, что в нее могли бы пройти три человека. Похоже, это был лифт.

Волвертон с содроганием ожидал, кто же из него выйдет. Однако ничего не произошло. Он подождал еще немного, надеясь, что из трубы выпадет Нозаки.

Ничего по-прежнему не происходило. Над платформой плыли голубоватые облака, похожие на рваный туман.

Волвертон подошел к двери лифта и заглянул внутрь.

Пусто. Обитатели башни прислали лифт исключительно для него? С уверенностью сказать можно только одно — судя по зеленоватой дымке, дышать здесь он не сможет. А значит, не сможет и долго оставаться на платформе — ему на это не хватит воздуха. К тому же ему нужны пища и отдых.

Как только Волвертон вошел в просторную кабину, дверь за его спиной закрылась, и лифт начал спускаться. Сначала он двигался медленно, но вскоре набрал скорость, да так, что желудок подступил к горлу. В конце, впрочем, сработали амортизаторы, и лифт мягко остановился.

Двери разомкнулись, словно веки. Его, похоже, никто не встречал. Волвертон увидел свет в конце коридора и вскоре оказался на улице. Сквозь шлем он услышал приглушенные звуки.

Один из жителей города чуть не наступил на него —

Волвертон едва доставал ему до колена. Голова казалась непропорционально маленькой для существа такого роста. Затем горожанин перешагнул через Волвертона и вскоре скрылся за башней. Кем, интересно, казался великану этот двуногий в скафандре? Волвертону еще повезло, что огромная нога не сломала ему позвоночник.

С другой стороны вышло существо о четырех ногах, каждая из которых имела по четыре сустава. Над туловищем, напоминающим по форме песочные часы, высилась бугристая голова на толстой шее, обрамленная конечностями меньшего размера. Голова повернулась к нему так, словно держалась на шарнире. Волвертон, тяжело дыша, поспешно уступил дорогу. Сердце его сильно билось.

Теперь от башни его отделяли десятки различных существ, сновавших туда-сюда. Большинство носило похожие на воздушные шары оболочки пастельных цветов, остальные использовали более хитрые защитные механизмы.

Прямо над головой пронеслось нечто каплевидное, двигавшееся более или менее параллельно земле. Волвертон побоялся, что этот объект утянет его за собой, и оступился, потеряв ориентацию.

В этом мире он не встретил ни одного существа, подобного себе. Смог ли кто-то еще пройти сквозь пузырь? Если да, то почему никто больше не спустился на платформу? Или людей рассеяло по пространству и времени, будто пыльцу на ветру?

Над ним навис очередной гротескный прохожий. Отклоняясь от извилистой дороги, Волвертон подошел к двери небольшого купола. Купол, по крайней мере, выглядел не так пугающе, как оживленная улица, и Волвертон решил зайти внутрь, чтобы жестами попросить помощи. Дверь была открыта, но с порога он мало что мог увидеть. Войдя, он различил в тусклом свете несколько угловатых форм.

Внутри его встретило существо, походившее на лишенного перьев страуса, голова которого держалась на длинной гибкой шее. Когда Волвертон вошел внутрь, страус сердито посмотрел на него и изогнул шею, желая посмотреть на гостя поближе.

— Я не хотел входить без разрешения, — сказал Волвертон. — Мне нужна помощь.

Зоб страуса зашевелился, ноздри раздулись, и Волвертон услышал скрипучий звук, приглушенный шлемом. Существо прошло мимо, показав ему фиолетовый зад. Прошествовав через комнату, оно сложило тонкие ноги, похожие на стебли бамбука, под пухлым телом и опустилось на подушку лицом к додекаэдру, установленному на постаменте.

Волвертон думал, что существо раскроет клюв, но вместо этого оно вытянуло крылья, на концах каждого из которых обнаружилось по шесть тонких пальцев. На внутренних сторонах запястий открылись глаза. Страус прикоснулся к потемневшему додекаэдру, который тут же начал вращаться.

Реагируя на взмах крыла, одна из граней спроецировала трехмерное изображение еще одного чужака — так, словно он стоял в той же комнате. Слово «стоял», впрочем, тут не совсем подходило — существо студенисто покачивалось, сверху его венчали шесть изогнутых рогов с небольшими впадинами, являвшимися, как решил Волвертон, органами чувств или дыхательными отверстиями.

Нелепое создание издало звук, похожий на отрыжку, а страус начал кудахтать в ответ. Их разговор длился примерно с полминуты. Волвертон собирался уже выйти наружу, но передумал, когда увидел, что уличное движение за это время ничуть не уменьшилось.

Страус в последний раз коснулся додекаэдра, и изображение исчезло.

Его собирались арестовать за незаконное проникновение в чужой дом?

Выгнув шею, хозяин издал свист. Сквозь разрез в стене в комнату вошло еще одно существо его вида. Несколько секунд они кричали друг на друга, затем оба повернулись к Волвертону. Невольный гость хотел сказать что-нибудь, но передумал. Сколь бы безумной ни казалась окружающая обстановка, Волвертон решил прислушаться к голосу разума и потерпеть еще немного. Эти создания жили напротив башни. Каждый день они видели представителей множества различных видов. Может, они и не встречали раньше таких, как он, но вряд ли его появление их шокировало.

Маленькие гребешки на клювах страусов находились почти в двух с половиной метрах от пола. Если он сделает что-то не так, они могут заклевать его до смерти.

Волвертон решил вести себя спокойно и изучить пока помещение, в котором находился. Назначение некоторых вещей, таких как подушка и додекаэдр, было вполне очевидно. А вот другие предметы оставались загадкой. Брызги на стенах, возможно, являлись своего рода украшением. Ветви, подпиравшие косые внутренние перегородки, казались просто результатом работы небрежного строителя.

В отличие от остальных существ, виденных им в этом мире, страусы не носили ни одежды, ни каких-либо специальных дыхательных приспособлений, а значит, они, скорее всего,

являлись коренными жителями этой планеты. По трещинкам на резном отполированном известняке Волвертон предположил даже, что они или их предки жили под этим куполом еще до того, как возникла башня. Логично, что здесь, рядом с морем, использовали для строительства осадочные породы.

Несколько минут спустя в комнату вошло еще одно существо — синего цвета, с головой, растущей из живота, и тремя руками. Его покрывал фиолетовый эластичный надувной шар, растягивавшийся, когда существо двигалось. Внимательно выслушав обитателей купола, оно повернуло к Волвертону все пять своих глаз, расположенных полумесяцем.

Махнув Волвертону средней рукой, существо покинуло купол. Когда гость, выходя следом, бросил последний взгляд на хозяев, те уставились на него глазами, находящимися на запястьях, и издали пронзительный визг, который вполне мог означать как «до свидания», так и «скатертью дорога».

На улице, в свете дня, обозначилась сеть розовых кровеносных сосудов, выступающих сквозь кожу синего существа. Конечности его двигались весьма причудливо, но грациозно, вразрез с обликом, производящим впечатление некоторой неуклюжести.

Существо произнесло что-то и снова махнуло рукой, предлагая присоединиться к потоку прохожих. Волвертон заметил, что его спутник, похоже, пользовался здесь уважением. Все встречные расступались так, чтобы они могли пройти и не бояться, что на них кто-то наступит.

Волвертон запрокинул голову, желая взглянуть на башню, но ее вершину скрывали зеленые облака. Из коридора, по которому он недавно вышел на улицу, выбрались два огромных червя. Их невыразительные лица раздулись и издали высокочастотный свист.

Спутник Волвертона повел его вокруг основания башни. С другой стороны стояло приземистое здание, в которое они и вошли.

Стены, поднимавшиеся под углом, сходились над головой. Синий привел Волвертона в просторное помещение.

Внутри обнаружились похожие на яйца надувные шары — бледно-фиолетовые, оранжевые, зеленые и голубые. Хозяин взялся за ближайший фиолетовый шар и подтащил его к отверстию, находившемуся между ног — видимо, к его рту. Затем он собрал еще несколько шаров и снял часть своего скафандра, после чего принялся втягивать в себя их содержимое, покачиваясь от натуги.

Своим извивающимся пальцем синий указал на один из

оранжевых шаров, предлагая Волвертону последовать его примеру.

Не тратя зря времени, Волвертон собрал в горсть несколько оранжевых шаров и натянул их на голову. Затем отключил подачу кислорода и осторожно снял шлем. Бледно-оранжевый шар покачнулся и устроился у него на плечах. Часть шара растянулась, словно паутина, пропуская шлем, а затем со шлепком вернулась на место. Волвертон вдохнул чистый кислород.

Жадно втягивая его вдох за вдохом, он почувствовал легкое головокружение. Откуда это синее создание узнало, что он дышит кислородом? Он что, один из тех, кого встречала Нозаки?

О Нозаки он решил пока не вспоминать. Это только расстроит его, в то время как он должен сохранять хладнокровие.

От чистого кислорода голова его пошла кругом. Стараясь не утратить внимания, он подумал о надувных шарах на представителях других встречавшихся ему видов и содержавших, очевидно, нужные им газовые смеси. Более сложные устройства, должно быть, поддерживали искусственную атмосферу и предназначались для тех, кто не привык двигаться при такой гравитации.

Изучить предстояло многое, но самое главное — землянин дышал и не использовал при этом остатки воздуха из баллонов. Позднее, вероятно, он сможет как-нибудь пополнить свои запасы. Кто знает, может, удастся даже найти азот, чтобы смешать его с кислородом.

Он успокоился, когда вспомнил о том, что учеба на Земле и работа на Марсе в социальном плане давались ему тяжело, но он всегда добивался своего благодаря аналитическому уму. Все, что он видел сегодня, прекрасно подходило для анализа.

Волвертон натянул на себя еще больше шаров, пока не покрылся ими с головы до пят. Без шлема, в своем колышущемся оранжевом коконе, он прекрасно слышал все, что происходит вокруг.

— Что теперь? — спросил он.

Синий, конечно же, не ответил.

— Вы ведь меня не арестуете? — произнес Волвертон, борясь с желанием поболтать. — Надеюсь, я не нарушил никаких законов…

Глаза синего расширились, как будто тот спрашивал о чем-то. А Волвертон вдруг понял, что находится полностью в его власти. Идти ему некуда — только туда, куда его поведет это существо.

Он посмотрел на синего сквозь бледно-оранжевый шар. Существо подняло среднюю руку и взмахнуло пальцами, давая

знак идти следом.

Волвертон вышел из комнаты, находясь почти в бреду из-за влияния чистого кислорода. Его наполнял трепет.

На этот раз они пошли другим путем, по извилистому коридору, который вывел их наружу. Волвертон обрадовался, увидев на сей раз всего нескольких пешеходов.

Их ожидал транспорт — весьма эфемерного вида. Полупрозрачная, без колес капля просто лежала на боку, тупым концом от них. Эта штука очень напоминала ту, что ранее пронеслась над его головой.

Синий жестом велел ему взобраться внутрь.

Волвертон, облаченный в оранжевый надувной шар, понятия не имел, как это сделать. Он не видел ни окон, ни дверей, хотя капля и просматривалась насквозь. Она казалась пустой, за исключением круглой топливной ячейки, присоединенной к переплетению нитей, отдаленно напоминающему мозг. Волвертон решил, что это двигатель.

Синий хлопнул его по спине, и Волвертон споткнулся. Поверхность машины разошлась под его весом, он продолжил падение и оказался внутри. Стенка машины сомкнулась за ним — гладко и без всяких швов. При этом он по-прежнему находился внутри своего оранжевого шара.

Существо обошло каплю с другой стороны и тоже плюхнулось внутрь. Оно откинулось, повернуло круглую голову к Волвертону, чтобы убедиться в безопасности гостя, а затем сконцентрировалось на управлении машиной. Нити выбрались из клубка-двигателя и коснулись извивающихся пальцев существа. Двигатель зашипел, машина оторвалась от земли и рванула вперед.

Волвертон попытался удержаться, но схватиться было не за что. Водитель продолжал работать с нитями, а инерция вдавила Волвертона в его надувной шар. Капля оказалась очень маневренной, она легко делала виражи вокруг шпилей и неслась с невероятной скоростью по прямым участкам пути. Желудок Волвертона вновь подобрался к пищеводу.

Он вскрикнул, болтаясь внутри машины, летевшей бог знает куда. По пути им встречались другие капли, управляемые разнообразнейшими существами. В городе кишмя кишели инопланетяне, вот только что они делали с незваными гостями вроде Волвертона?

Что если они проверяли, сможет ли человек жить среди них, и потому позволили ему остаться? Как убедить их, что это не входило в его планы? Он ведь просто разыскивал Нозаки. Как объяснить это без переводчика, и даже если он найдет ее — куда

они двинутся дальше?

Если бы в животе Волвертона оставалась хоть какая-нибудь пища, он непременно избавился бы от нее сейчас, когда трехрукий водитель сжал одну из нитей, заставив машину взлететь вертикально вверх. После этого они опустились на посадочную платформу, находившуюся метрах в ста над землей.

Синий отпустил нити, и те втянулись обратно, внутрь двигателя. Когда он махнул рукой, Волвертон пробрался сквозь стенку кабины, сжимая свой шлем через оранжевый надувной шар. После такого полета он чуть не упал на платформу. К тому же не спал он уже очень давно. Когда синий повел его к разрезу в крыше, находившемуся в нескольких метрах от машины, Волвертон едва стоял на ногах.

Разрез расширился, и они проникли внутрь, после чего стали куда-то спускаться. Что ж, вот оно. Его, возможно, ведут в тюрьму или даже на казнь.

Потолок сомкнулся над их головами. Волвертон, дрожа, приблизился к комнате, отделенной прозрачной мембраной, на которую указал его спутник. Когда он прошел сквозь нее, мембрана растянулась, а затем с хлопком встала на место.

Волвертон остался один в комнате с вогнутым потолком. На платформе перед ним лежало человеческое тело.

Не какое-то тело.

Его тело.

То самое, которое он видел каждый раз, когда с недовольством смотрел в зеркало. Рыжие волосы, бледная кожа, веснушки, глубокий прикус — верхняя челюсть перекрывала нижнюю даже после смерти.

Тело идеально сохранилось — Волвертон объяснил это слабым шорохом, который он принял за звук силового поля.

Это та его версия, которую оставила Нозаки на LGC-1? Или это какой-то другой Волвертон, выдернутый из реальности, о которой он еще и не подозревал? Как он умер? Разум принялся с ужасом перебирать возможные варианты, но его усталое тело хотело лишь лечь рядом с двойником и уснуть.

А может, этого они и добивались? Может, они хотели, чтобы он уснул, прежде чем сделать с ним нечто ужасное? Может, это камера для эвтаназии?

С другой стороны, зачем показывать ему его собственный труп, если убийство хотели совершить тихо? Усталость уже не давала ему ясно мыслить, хотя именно сейчас это, возможно, требовалось как никогда.

Волвертон развернулся и вновь прошел через мембрану. Синий ждал его, опершись о стену.

— Чего вы хотите? — в отчаянии прокричал Волвертон, чертовски усталый и ослабевший от голода. — Что вы собираетесь со мной сделать?

Существо взмахнуло пальцами, указывая еще на одну дверь. На этот раз Волвертон почти упал на мембрану. По его щекам текли слезы.

Внутри оказалась кровать. Также нашлись надувные шары с кислородом и бледные трубки зеленого и синего цветов. Еда? Вода? Он очень хотел это выяснить, но утомление заставило его сперва лечь, по-прежнему сжимая шлем. Может, ему уже не суждено было проснуться, но оставаться и дальше без сна он просто не мог.

Уснул он спустя пару секунд.

Во сне его преследовала гигантская черная машина. Она поглощала его, но не перемалывала. Он путешествовал по ее внутренностям до самого центра, отчаянно пытался остановить ее, но не мог пошевелиться. Он слился с точкой пространства, объединявшей в себе все бесконечное множество вселенных. Его бездействие станет причиной гибели пятидесяти двух человек… и одна из них — Нозаки.

Выбравшись из кошмара, Волвертон поначалу не мог понять, где находится. Комнату он видел будто в оранжевом свете. Прошло время, прежде чем он понял, что окраску давали остатки надувного шара, приклеившиеся к его векам. Шар потемнел и высох, Волвертон, оказывается, давно уже дышал через нос. И он был все еще жив. Хозяева, наверное, наполнили комнату кислородно-азотной смесью. Избавившись от остатков шара, Волвертон встал.

Засунув указательный палец в зеленую трубку, он решил осторожно попробовать ее содержимое. Внутри оказалась густая сладковатая паста. Если он поймет, как ее есть, она вполне сможет наполнить его измученный желудок. Осмотревшись, он обнаружил чашу, ложку и ковш.

Присев на край кровати, он принялся есть и пить.

Быстро насытившись, он задумался о том, что еще должен сделать. От него жутко пахло, поэтому он выбрался из скафандра, снял белье и кое-как ополоснулся, оставив на полу лужу.

Освежившись, он стал анализировать ситуацию. Является ли он заключенным? Сквозь прозрачную мембрану он не увидел ничего интересного, кроме стены коридора. Интересно, наполнили воздухом и коридор или он есть лишь в его комнате?

Будто вспоминая кошмар, он представил свой собственный труп, лежащий посреди коридора. Инопланетяне, наверное, построили это маленькое людское жилище после того, как спасли

его двойника с астероида. К счастью для него.

Что же убило того Волвертона? У него имелись еда, вода, воздух и даже жилье. Он что, стал жертвой одиночества? Мысль показалась ему ужасной. Понял ли его дубликат, что навсегда потерял ее и никогда не сможет вернуть?

Почему хозяева показали ему тело? Знали ли они вообще, что он — тот же самый человек? Или же все люди выглядят для них одинаково?

Скорее всего, он никогда этого не узнает. Поев и отдохнув, он решил попытаться вернуться, чтобы остановить машину, разрушившую базу. Здесь ему делать нечего, по крайней мере без Нозаки.

Стоило ему надеть шлем, как за мембраной тут же возник его давешний спутник. Он снова позвал его за собой.

Волвертон подключил кислородный баллон и вышел. Проходя мимо комнаты, где лежал его труп, он бросил хмурый взгляд на мембрану.

Синий снова вывел его на крышу. Солнце уже почти закатилось, дымка приобрела бирюзовый оттенок, а горизонт четко выделился на фоне сумеречного неба.

Их ожидал транспорт — со стороны пассажира внутри лежал оранжевый надувной шар. Волвертон забрался внутрь и снял шлем. Его спутник тем временем сел с другой стороны, и через пару секунд они взлетели.

На этот раз они направились по прямой к парившему над городом кораблю, напоминавшему большую раковину. Из нижней части корабля выдвинулась труба, которая втянула их, едва только водитель замедлил скорость. Они оказались в комнате, наполненной надувными шарами, пищевыми трубками, какими-то волокнами, свисающими с низкого потолка, и инструментами. Вспомнив о двигателе, походившем на головной мозг, Волвертон побоялся даже предположить, что питало этот огромный корабль.

Они, похоже, попали в рубку — отсюда открывался вид на облака, зеленое небо и городские шпили. Управлением занимались двое сородичей его спутника — они повернулись и издали приветственные булькающие звуки.

— Да, я тоже рад вас видеть, — сказал Волвертон. — Куда мы направляемся?

Выяснить это можно было только одним путем. Волвертон устроился поудобнее в своем надувном шаре и принялся наблюдать.

Корабль начал подниматься. Всего за несколько секунд и без перегрузок зеленая планета осталась внизу, а спереди, сзади и сверху вспыхнули звезды. Сила притяжения отпустила корабль, и

теперь синие существа плавали по кабине, занимаясь своими делами.

Они взяли курс на тьму, искажавшую пространство и время в нескольких тысячах километров от тропосферы планеты.

Корабль лег набок и скользнул по размытой границе пузыря, пройдя сквозь нее без каких-либо последствий. Затем он описал плавную дугу и нырнул навстречу кроваво-красному свету. Водородная оболочка Гаммы Южного Креста больно ударила по глазам своим смертоносным сиянием.

Один виток вокруг звезды — и ее масса швырнула корабль в недра Солнечной системы, словно большая рогатка. Это, казалось, заняло всего несколько минут — время как будто сжималось. Консорциум определенно подчинил себе многие законы физики и применял на практике то, что казалось чудом с точки зрения земных технологий.

Внизу показался пейзаж LGC-1, знакомая и милая сердцу картина. При ближайшем рассмотрении, впрочем, она оказалась не такой уж знакомой — на поверхности темнело множество кратеров.

Корабль пролетел дальше, и в поле зрения вновь появился пузырь.

Разговор пилотов напоминал шум вскипающего кофе — хотел бы Волвертон знать, о чем они говорили.

Оба существа, похоже, занимались управлением одновременно. Их пальцы вились вокруг выпуклостей панели, направляя корабль к пузырю.

Они снова влетели внутрь, прорываясь в другую реальность.

Теперь пилоты сосредоточенно вели корабль вниз, к поверхности астероида.

По пути им попался еще какой-то объект. Другой корабль?

Нет, это оказался спутник. Пилот разминулся с ним, искусно описав дугу над его орбитой.

Затем они прошли над лагерем — точь-в-точь таким, каким он был до уничтожения. Волвертон хотел, чтобы его опустили на поверхность прямо сейчас, но понимал, что не сможет объяснить это хозяевам корабля.

Снова выплыл пузырь — будто по гладкой, отражающей красный свет поверхности астероида разлили тушь. Волвертон представлял себе размеры аномалии весьма смутно — по звездам, которые она заслоняла.

Она казалась огромной, куда большей, нежели в других реальностях. Чем дольше он смотрел на нее, тем сильнее, казалось, она разрасталась. Аномалия, в два раза превышавшая размер астероида, висела в космосе, и они вновь направлялись

прямо в нее.

Волвертон не мог оторвать взгляд от растущего пятна — его край уже касался поверхности астероида.

А затем они прошли сквозь пузырь и вылетели с другой стороны.

Еще один виток вокруг LGC-1, и они достигли цели — внизу темнел исполинский жук.

— Получилось! — выкрикнул Волвертон. — Как вы узнали, куда меня привезти?

Его вопрос остался без ответа. К тому же их, похоже, опередили — рядом висел еще один корабль, напоминающий черную осу.

Жук не двигался, вдоль его корпуса раскрылась щель. Черный корабль нырнул внутрь, после чего щель закрылась.

По мере того как они опускались к чужой машине, Волвертон с тревогой осознал: та тоже собирается сесть на округлую спину. Он очень надеялся, что у пилотов найдется какой-нибудь способ скрыть собственное присутствие — на случай не слишком радушного приема.

Стоило им опуститься, как черный жук тут же пополз вперед.

— Нет! — простонал Волвертон. Слишком рано. Он еще не придумал план. Он понятия не имел, как замедлить движение этой машины, не говоря уже о том, чтобы остановить ее. Тем не менее корабль сейчас сидел прямо на ней, а три синих создания повернулись к Волвертону. На него уставились пятнадцать глаз.

— Чего вы от меня хотите?

О чем они думали? Хотели, чтобы он просто ушел — и они вернулись бы в свою реальность? Впрочем, чего еще он мог от них ожидать? Из всего множества вселенных они доставили его именно в ту точку пространства, где ему следовало быть. Не стоит винить их в том, что он не знает, как поступить.

Внизу раскрылась труба. Волвертон встал и посмотрел на блестящий черный корпус жука, находившийся всего в нескольких метрах внизу. Настала пора отбросить сомнения.

— Спасибо за помощь, — пробурчал он сквозь зубы, — даже если вы оставите меня здесь умирать.

Когда он надевал шлем, одна из свисающих с переборок нитей оторвалась, растянулась метровой кляксой по полу и встала на восемь конечностей, после чего направилась вниз по трубе. За ней последовала еще одна. Волвертон заметил, что эти своеобразные пауки отличались легкостью и проворством. Тем временем за первой парой последовали другие.

Мимо Волвертона проползла целая вереница пауков, направившихся вниз по трубе. Похоже, его первое предположение

о цели этой миссии оказалось ошибочным. Что он вообще знал о мотивах поступков этих существ?

Тем не менее раз уж синие привезли его сюда, они не могли не знать о том, что здесь произошло. Из всей бесконечности пересекающегося здесь пространства и времени они выбрали именно эту точку.

В трубу забрался последний паук. Как только он скрылся из виду, Волвертон прыгнул следом за ним.

Прокатившись по трубе, он шлепнулся на поверхность. Корпус жука оказался не мягче титана, но слабая гравитация LGC-1 спасла человека от травм.

Что теперь? Волвертон осмотрелся и увидел, как последние пауки забираются под изгиб корпуса. Опасаясь, что движение жука собьет его с ног, он опустился на колени. Затем обернулся и обнаружил, что корабль, как он и думал, стал невидимкой. Стараясь не отставать от пауков, Волвертон пополз вперед в надежде на то, что они знают, куда идти.

Уж он-то, по крайней мере, этого точно не знал.

Добравшись на четвереньках настолько далеко, насколько он мог, Волвертон посмотрел вниз. Стоит ему двинуться дальше — и он упадет с гладкого корпуса. Пауки же продолжали двигаться вниз, бросая вызов гравитации — почти так же, как это делали их земные сородичи. Куда бы они ни направлялись, он точно не сможет последовать за ними.

Забрезжил рассвет. Пока он являл собой лишь розовую дымку у горизонта, но времени оставалось не так уж много. Если Волвертон не успеет спрятаться вовремя, он поджарится до хрустящей корочки.

Ощутив какое-то движение за спиной, он повернулся и увидел, как высадивший его корабль поднялся над астероидом и сделался видимым — теперь он походил на мерцающую устрицу.

— Не улетайте! — крикнул он.

Даже если бы они услышали его, это бы мало что изменило. Корабль завис на мгновение, после чего рванулся к горизонту, оставив его одного на спине черного жука. Еще никогда за всю свою хрупкую жизнь Волвертон не чувствовал себя таким уязвимым. Поддаваться страху, впрочем, было бессмысленно.

В первую очередь ему следовало побеспокоиться о выживании. Он может либо спрятаться от солнца, либо остаться здесь и поджариваться.

Волвертон прыгнул. Медленно падая, он коснулся паука, казавшегося таким хрупким, что он даже боялся его повредить. Паук ухватил человека четырьмя тонкими лапками. Волвертон соскользнул вниз еще на пару метров, но паук его так и не

отпустил. Его сородичи пришли на помощь — дюжина лапок подняла Волвертона и понесла внутрь, словно гусеницу в муравейник.

Когда его занесли под выпуклость на боку гигантской машины, Волвертон свесился над землей. Пауки несли его лицом вниз, и теперь он завороженно смотрел на поверхность астероида, двигавшуюся под ним. Несмотря на темноту, он все же смог разглядеть бледно-красные отражения в нескольких метрах от своего лица. Это перемещались исполинские лапы жука. Волвертон находился очень далеко от земли и боялся, что пауки могут его уронить.

Его, впрочем, не уронили — лишь погрузили в полную тьму, царившую под брюхом чудовища.

Сердце Волвертона бешено заколотилось. Сейчас машина перемелет его вместе с пауками, а затем выплюнет останки на поверхность астероида. Ему конец.

Пауки неожиданно повернули вверх. По трубе они выбрались к люку, где собрались в кучу. Вцепившись в край люка, они заставили его открыться, после чего внесли Волвертона внутрь.

Несмотря на темноту, он разглядел пауков, выламывающих следующий люк. Похоже, он находился внутри шлюза. Шлем, впрочем, он снимать не стал — чем бы ни дышали строители этой машины, их атмосфера вряд ли походила на земную.

Внутренний люк распахнулся, и Волвертона поставили на ноги в узком коридоре. Он ждал звука тревоги, но услышал лишь тишину. Обернувшись, он увидел, как пауки закрывают люк.

Стоя в коридоре, Волвертон ожидал появления врагов. Он уже приготовился драться. Хозяева этого жука лишили его дома, друзей и женщины, которую он любил. Они принесли горе всем жителям лагеря, и теперь он собирался нанести ответный удар.

Коридор тянулся вдоль гроздьев каких-то устройств и механизмов — Волвертон двинулся вперед, надеясь найти способ уничтожить жука изнутри. Интересно, следили ли за ним? Он не видел и не слышал каких-либо признаков тревоги, вызванной вторжением, но это мало что значило. Органы чувств создателей этой машины вполне могли отличаться от человеческих.

Коридор проходил по обширным внутренностям жука. Волвертон поднялся на узкий мостик, перекинутый над огромным помещением, в котором двигались многочисленные конвейеры. Руда, поступавшая по конвейерам, отбиралась шустрыми механическими конечностями. Мостик дрожал из-за движения машины и из-за огромных вращающихся лезвий, разрубавших руду, прежде чем она попадала на конвейер. Впрочем, если учесть все факторы, вибрация была не такой уж и сильной.

Миновав еще один люк, Волвертон начал спускаться к сердцу жука. Судя по размеру коридоров, хозяева не отличались высоким ростом, но и карликами они не были. Если ему повезет, он сумеет добраться до источника питания, не повстречавшись ни с кем из них.

Надежда растаяла, стоило ему только открыть очередной люк и столкнуться нос к носу с двуногим, закутанным в странный защитный костюм с огромным непрозрачным шлемом. В одной руке это существо держало что-то металлическое.

Волвертон развернулся и бросился прочь по коридору. Добежав до развилки, он оглянулся и увидел, что двуногий его преследует. Спрятавшись за угол, Волвертон прижался к стене и стал ждать.

Когда шаги приблизились, он прыгнул вперед.

Его неожиданное нападение легко отразили. Вскоре он оказался на полу, не совсем понимая, что произошло. Он посмотрел на двуногого.

Забрало шлема сделалось прозрачным, и он увидел знакомое лицо.

— Нозаки!

Она помогла ему встать. Сняв шлем, девушка тряхнула темными волосами и улыбнулась ему.

— Привет, Волвертон, — сказала она. — Я увидела тебя на экране — надеюсь, никто больше тебя не заметил.

— Как ты?..

— Тут все герметично, — она жестом велела ему снять шлем.

— Как же я рад тебя видеть! — произнес он, едва освободил голову.

— Я тоже, — сказала она.

— Как ты здесь очутилась? — спросил он, все еще не веря своим глазам.

— Долгая история. А ты?

— Моя история короче, зато богата событиями, — ответил Волвертон. — И все-таки, что ты здесь делаешь?

— Смотря у кого ты спрашиваешь. Они думают, что я работаю на них, но у меня есть своя собственная цель.

— Такая же, как у меня, полагаю?

— Поверь мне, попасть на первый же рейс этой штуковины было непросто.

— Значит, это — последняя проверка, после которой ее отпустят?

— Да, и когда она попадет под жесткое излучение, тут уже никого не будет.

— Так вот почему она уничтожила наш лагерь — ею просто

никто не управлял.

— Точно. И зная здешних хозяев, они скорее спишут эту машину, когда она пройдет сквозь пузырь, чем признают, что облажались.

— Ты тут ориентируешься?

— Более или менее, — она подняла каплю из голубого металла, которую он принял за оружие. — Видишь эту штуку?

— Ага. Что это?

— Портативный генератор поля.

— Зачем он тебе?

— Пошли покажу, — предложила она.

Она подвела его к шахте и прыгнула внутрь, скользнув в недра жука. Волвертон последовал за ней. Слабая гравитация замедлила их падение, поэтому он плавно опустился рядом с Нозаки.

— Мы на месте, — сказала она. — Команда уже знает, что внутрь кто-то проник, так что нам лучше поторопиться.

Просторное помещение, в котором они оказались, насчитывало одиннадцать электромагнитов, установленных кольцом. Еще один стоял прямо под чем-то, висевшим в воздухе на уровне глаз и втягивавшим свет.

— Это то, о чем я думаю? — спросил Волвертон.

— Если ты думаешь, что это — первичная черная дыра, мой ответ: «да». Это именно она, — ответила Нозаки.

В горле Волвертона неожиданно пересохло.

— Это и есть источник питания?

— Да.

— Несколько безответственно, а?

— Такие уж тут хозяева, — Нозаки указала наверх. — Эти кабели передают энергию всем системам машины.

— Как нам ее остановить?

— Никак. Это же силы природы.

— Тогда как нам остановить этого жука?

— Это рискованно, — ответила Нозаки, — но мы можем попытаться перенаправить приливные силы черной дыры.

— Как?

— Ну, эти электромагниты испускают монополи, а значит, можно попытаться отклонить поток и изменить параметры границ доменов.

Прежде чем Волвертон успел задать следующий вопрос, в зале показались две фигуры. Он пригнулся, словно борец, собираясь броситься на ближайшего противника, но Нозаки схватила его за руку и удержала.

Она сжала каплю голубого металла, и их с Волвертоном

окружило мерцание — как раз в тот момент, когда один из врагов устремился к ним.

Нападавший наткнулся на поле и отлетел, согнувшись от удара. Волвертон прекрасно его разглядел — их противником оказался человек.

— Это же люди! — закричал он.

Женщина, стоявшая у люка, развернулась и побежала обратно.

— Она бросилась за подмогой, — заметила Нозаки. — Надо спешить.

Теперь он понял, как Нозаки здесь оказалась. Они приняли ее за свою, потому что она почти ничем от них не отличалась.

Следуя за ней, Волвертон встал между двумя монополярными электромагнитами. Генератор поля защищал их от тока, сдерживавшего энергию черной дыры.

Приглядевшись внимательнее, Волвертон заметил, что искажение света вызывал поток пыли, постоянно сыпавшейся сверху и обозначавшей границы горизонта событий. Сама дыра вряд ли превышала несколько микронов в диаметре, ее невозможно было увидеть невооруженным глазом. Ядро черной дыры находилось, похоже, в трех метрах от них.

— Не отходи от меня далеко, — предупредила Нозаки. — У этого поля ограниченный радиус действия.

— Хорошо, — согласился Волвертон. — Что теперь?

— Используем поле, чтобы отвести ток.

— А разве это не опасно? — засомневался Волвертон. — Мы можем уничтожить куда больше, чем эту машину, не так ли?

— Да, мы можем существенно развоpотить все окружающее пространство, — подтвердила Нозаки.

— И погибнуть.

— Да, но в этом случае машина не пройдет через пузырь, и известная нам реальность необратимо изменится. Наш лагерь выживет.

— Ага, только неплохо бы выжить и нам.

— Точно, — Нозаки указала на один из 5лектромагнитов. — Попытайся положить на него руку.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Поле отразит ток.

Волвертон с видимой неохотой попытался дотронуться до огромного электромагнита, но его пальцы не смогли коснуться поверхности.

— Вот видишь, — сказала Нозаки.

Волвертон и правда заметил изменения боковым зрением. Свет, проходивший сквозь пыль, показал существенное искажение

горизонта событий.

— Что-то меняется, но это, похоже, никак не влияет на машину.

— Значит, надо заблокировать больше электромагнитов.

— Но как? У нас же всего четыре руки.

— Не знаю, но мы должны найти способ.

Когда их дискуссия была в самом разгаре, из-за электромагнитов неожиданно выбежали три человека. Волвертон ожидал, что поле оттолкнет их, но этого не произошло. Один из них нес генератор поля — в результате поля слились, позволив нападающим сойтись с ними в рукопашной.

Двое кинулись на Нозаки с яростью, знакомой лишь тем, кого хоть раз предавали. Они быстро взяли верх, выкрикивая что-то на непонятном языке.

Человек с генератором поля встал напротив Волвертона, а затем сделал выпад. Волвертон упал на локоть и махнул ногой, сбивая противника с ног. Человек обрушился на пол и уронил генератор.

Вскочив на ноги, Волвертон кинулся на помощь Нозаки. Отпихнув одного из врагов, он замахнулся на второго, молотившего Нозаки, но в этот момент она уже ударила противника по колену.

Сражение казалось безнадежно проигранным. Человек, которого Волвертон сбил с ног, уже снова поднялся и направился к ним. Нозаки прыгнула ему навстречу и оттолкнула его на несколько шагов назад. Волвертон ожидал, что их противник сейчас упадет, но этого не случилось.

Он подошел слишком близко к горизонту событий.

Зрелище получилось не из приятных, но, к счастью, быстро закончилось. Черная дыра порвала тело в кровавые клочья и раздавила их. Красная плоть исчезла в ней в мгновение ока.

Волвертон остолбенел от ужаса, а Нозаки не стала терять времени даром — она кинулась к женщине и толкнула ее к горизонту событий.

Крик быстро оборвался, когда сверхплотность черной дыры сжала следующую жертву.

Теперь враг остался только один. Волвертон увидел, что этот человек испугался. Он упал на колени и закричал, умоляя пощадить его.

Нозаки ответила ему на непонятном для Волвертона языке.

— Сколько их еще? — спросил он, тяжело дыша.

— Нисколько. В команде было четверо, включая меня.

— Они воюют с консорциумом?

— Точно, в том числе и за права на добычу здешней руды.

— Теперь понятно, почему мои друзья действовали так осторожно.

— Люди доставляют им немало хлопот.

— Что будем делать с этим?

— Заставим его помочь нам.

— Как?

— Он инженер и знает, как выключить эту штуковину.

— Отлично!

— Пойдем, — сказала она, поднимая инженера на ноги и подталкивая его вперед между двумя электромагнитами. Она отключила свой генератор поля и указала на люк.

— Куда мы направляемся? — уточнил Волвертон.

— Центр управления находится наверху, — пояснила Нозаки.

Они вошли в лифт. Когда подъем закончился, инженер неожиданно ударил Нозаки локтем в грудь. Она упала на Волвертона и увлекла его за собой.

Инженер тем временем рванулся вперед и захлопнул за собой люк.

— Нет! — закричала Нозаки.

— Мы можем его сломать?

— Нет. Придется просто покинуть эту машину и пройти сквозь пузырь.

— По крайней мере, предупредим всех заранее. — Фраза получилась не очень-то утешительной, но ничего лучшего Волвертону на ум не пришло.

— Давай выбираться отсюда, — предложила Нозаки.

— Постой, — он взял подругу за локоть.

Ждать Нозаки не собиралась, но она замерла, когда увидела, почему он ее остановил.

— Ах, эти… — пробормотала она.

Паук сверзился на пол откуда-то сверху. За ним последовал еще один, затем еще и еще. Несколько мгновений спустя десятки пауков уже протянули свои тонкие лапки к крышке люка.

Они образовали круг — упираясь в потолок и переборки, они тянули за край. Люк стал поддаваться и в итоге распахнулся с громким лязгом.

Волвертон осторожно заглянул внутрь. На широком экране он увидел поверхность LGC-1. Часть звезд и линии горизонта закрывал приближающийся пузырь.

Инженер стоял у пульта. Выкрикнув что-то, он направил на Волвертона пистолет — а затем пуля с грохотом отскочила от металлической крышки люка.

Прежде чем враг успел выстрелить еще раз, Волвертон завалил его. Захваченный врасплох, инженер выронил пистолет,

после чего они оба перевалились через стул, задевший пульт.

Пока они дрались, Нозаки отчаянно пыталась разобраться с управлением.

— Я не знаю, как остановить эту штуку! — выкрикнула она.

— Тогда помоги мне!

Инженер сильно ударил Волвертона в челюсть. Когда Волвертон пришел в себя, его противник уже лежал на полу, а Нозаки стояла над ним, держа в руках пистолет. За ее спиной маячил пузырь.

Но Нозаки смотрела не на него.

— Волвертон! — она указала на голограмму.

Изображение показывало черную дыру. Пауки собирались вокруг электромагнитов, складываясь в цепь.

— Они хотят отключить ток! — вскричал Волвертон.

Пауки вовсе не собирались помогать ему. Их задача заключалась в том, чтобы освободить черную дыру, уничтожив тем самым и жука, и все вокруг него.

— Нужно убираться отсюда! — сказала Нозаки.

— Сюда! — Волвертон взял подругу за руку и повел к люку. Он выбрался в коридор и потащил ее следом.

— Нет, Волвертон! Сюда! — Нозаки указала на мостик над центром управления.

— Ты уверена?

— Да, скорее!

Жук неожиданно закрутился, чуть не сбив их с ног.

— Начинается реакция! — прокричал Волвертон. Вцепившись в поручни, они поднялись вверх по лестнице. За переборкой висели скафандры.

— Надевай, — приказала Нозаки.

— Но я…

— Не спорь. Эти баллоны наполнены, ими еще никто не пользовался.

Волвертон забрался в скафандр так быстро, как только мог — к тому же Нозаки помогла ему. Пол под ногами дрожал. Надев скафандр, Волвертон тут же подсоединил шлем, наполнившийся кислородно-азотной смесью.

— Готов?

— Да.

Нозаки хлопнула ладонью по выпуклости на переборке. Крыша раскрылась, и они вылетели наружу. На горизонте пылала красная корона Гаммы Южного Креста.

Полет получился медленным. Плавно опустившись на поверхность астероида, Волвертон протянул Нозаки руку. Повернувшись, они увидели, как гигантскую машину сотрясают

конвульсии. Над ней поднялся похожий на осу корабль.

— Он улетает, — заметил Волвертон.

Черная дыра начала втягивать материю, и жук изогнулся. Корабль поднялся над ним, но недостаточно быстро. Его движение замедлилось, остановилось, а затем повернулось вспять. Дыра втянула его обратно в сжимающуюся машину.

Мгновением позже она свернулась в ничто. Область сворачиваемого пространства быстро расширялась навстречу Волвертону и Нозаки. Красный пейзаж поплыл перед глазами, скручиваясь.

Они побежали к пузырю.

Он висел прямо перед ними, но сила притяжения стремительно возрастала. Вцепившись в руку Нозаки, Волвертон бежал изо всех сил. Перед ними распахивалась тьма.

Горизонт событий всасывал все большую часть астероида, словно вытягивая его из этой реальности.

Они прыгнули в пузырь.

Оказавшись на другой стороне, они еще пробежали вперед в темноте, прыгая с каждым шагом метров на десять. Наконец они остановились, чтобы посмотреть на пузырь, изменяющийся под воздействием черной дыры.

Волвертон положил руку Нозаки на плечо и впервые осознал, насколько она маленькая.

Они ждали конца.

Пузырь начал сворачиваться из-за анизотропии черной дыры. Размытые края сжались. Из огромной аномалии в ткани континуума пузырь превратился в точку, а затем вовсе исчез.

Волвертон и Нозаки стояли на темной, бесплодной поверхности LGC-1.

— Получилось, — сказала Нозаки.

Волвертон попытался перевести дух и неожиданно всхлипнул. Нозаки обняла его и посмотрела с сочувствием.

— Ничего, Волвертон. Я понимаю твое состояние.

Ничего она не понимала. Как он мог сказать ей, что это — слезы любви? Он знал, что она никогда не разделяла его чувств. Теперь, вернувшись в свою реальность, он вновь ощутил одиночество, хотя Нозаки стояла прямо перед ним.

— Придется пойти в обход, — заметила Нозаки.

— Да, — согласился Волвертон, успокаиваясь. — Чтобы не попасть под рассвет.

— Понесешь пока эту штуку? — предложила Нозаки, протягивая ему переносной генератор поля, оказавшийся удивительно легким. — Джиоти развлечется.

— Это уж точно.

Они направились к лагерю, легко отталкиваясь от поверхности, появившейся для них всего несколько минут назад. Ему стало немного лучше.

— Интересно, он вернется? — спросил Волвертон.

— Пузырь? — уточнила Нозаки. — Не знаю.

— Лучше бы ему не возвращаться. Не хотелось бы, чтобы нас втянули в войну.

— Об этом, думаю, говорить уже поздно.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы выбрали сторону, а я достаточно насмотрелась на их милитаристское общество, чтобы понимать: нас не простят. Давай лучше надеяться, что они не найдут дорогу сюда, иначе нам обязательно захотят отомстить.

— Да, будем надеяться. А что нам еще остается?

— Ничего, — согласилась Нозаки. — Я говорила им, что эта машина уничтожит наш лагерь, но они не пожелали слушать.

— И они — люди?

— О, более чем. Они произошли от нас.

Это замечание навело Волвертона на мысль, которую он все боялся озвучить.

— Когда мы вернемся, все ведь изменится, не так ли?

— Да. По крайней мере, Волвертонов будет двое.

— И появится третья Нозаки. — Волвертон вспомнил собственное тело, оставшееся лежать на зеленой планете. Он по-прежнему не понимал, как консорциум догадался доставить его сюда, если только информацию не извлекли из его разума, пока он спал. В любом случае, его использовали как приманку, чтобы пауки сделали свою работу, но он не мог их в этом винить. Челюсть, конечно, болела, но в остальном все закончилось довольно неплохо.

Над головой пролетел спутник, и они помахали ему. Некоторое время спустя у Волвертона возник вопрос.

— Ты — та, которая оставила меня?

— Только не на этот раз, — ответила она.

— Нозаки, — начал Волвертон. Он понимал, что если не скажет этого теперь, не сможет сказать уже никогда. — Я люблю тебя.

— Ну, я тоже тебя люблю, Волвертон, — ответила она, улыбаясь. — После всего, через что мы прошли, разве я могу тебя не любить?

Волвертон не был уверен, что они говорили об одном и том же, но все равно его переполняло счастье.

Как это прекрасно — вернуться домой!

Перевел с английского Алексей Колосов

© Tim Sullivan. Star-Crossed. 2010. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Карл Фредерик
Вселенная по ту сторону льда

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Дрожание льда возмутило ход похорон.

Не обращая внимания на скрежещущие звуки, доносившиеся из-подо льда, Джерик скрипнул Харшкету, Верховному жрецу народа Колышущейся стены. Жрец, чьи четыре ноги надежно упирались в лед, воздел две остальные конечности к небесам, предавая недавно почившего учителя Четвертой школы попечению Великого бога, владыки воды и всякого блага.

В нескольких ступнях от жреца недвижно лежало тело учителя Четвертой школы, и жизнепузыри по-прежнему прижимали его ко льду. Шестеро взбивающих-на-небо окружали жреца, расположившись по шести сторонам света. А позади них,

снаружи другого круга, теснилась толпа — весь народ, включая Джерика. Слушая слова жреца (иначе поступить было невозможно), он изредка свистоскрипел, поскольку не испытывал особого интереса к подробностям движений священнослужителя. А К'чир, приятель Джерика, стоявший позади него, даже не думал свистоскрипеть. Джерик то и дело слышал постукивание, когда К'чир от скуки последовательно поднимал и опускал ноги. Учитель Четвертой был учителем К'чира. Джерик знал, что особой любви друг к другу они не испытывали и что К'чир отнюдь не был сокрушен потерей. Джерик вздохнул: сам-то он до сих пор оставался в Третьей школе. Ему приходилось только надеяться.

Наконец жрец опустил на лед все шесть ног и обратился к внутреннему кружку.

— Взбивающие, — нараспев провозгласил он, — вершите ваше святое дело. Изгоните богоданные жизненные пузыри из усопшего. Хорошо бейте и взбивайте его, дабы он мог скоро всплыть навстречу Великому богу вод. Да поднимется покойный над злобами мира сего и над коварным присутствием бога льда.

— Наконец-то! — шепнул К'чир. — А я уже думал, что Харшкет никогда не заткнется..

Образовывавшие внутренний кружок простучали ногами, торжественно приближаясь к трупу. Все они подняли две передние ноги над телом и по приказному скрипу жреца обрушили их на покойного учителя Четвертой, принявшись молотить его.

Цепочка пузырьков выкатилась изо рта учителя и собралась в углублении на льду. Новые пузырьки — крошечные, но многочисленные — посыпались с шерсти на ногах, покрывая лед и приглушая посвистывания.

Свистоскрипя уже равномерно, Джерик взирал на взбивание. Можно было только удивляться тому, как мало жизненных пузырьков оставалось у учителя — все-таки он был уже очень стар. Жизненная сила определялась контактом со льдом, а он зависел от запаса пузырей. Струйка течения донесла до Джерика вкус трупа — жуткий вкус смерти. Джерик с отвращением выплюнул воду.

Жрец коротко скрипнул, и взбивающие-на-небо разом отступили, предавая ставшее более легким без пузырьков тело воле потока. Вокруг воцарилась почтительная тишина — если не считать скорбных поскрипываний и постоянного, доносившегося ото льда шороха. Свисты давали Джерику понять, сколько народу было недовольно скрежетанием и стонами внизу. Впрочем, было ясно и то, что К'чир никакого раздражения не испытывал — его волновало предвкушение события, способного нарушить

постоянную скуку.

Мастер Четвертой начал подниматься — очень спокойно и неторопливо.

Свистоскрипнув в знак уважения, Джерик принялся следить за подъемом тела, неторопливо поворачивавшегося в крутившем его потоке. А потом вздохнул с облегчением, так как вкус смерти рассеялся.

Затем он присоединил свой голос к стене звуков, которыми весь народ провожал усопшего на небо. Тело неспешно поднималось вверх, отзвуки скрипов становились все тише и наконец смолкли совсем, когда от учителя Четвертой на льду осталась только тонкая лужица воздуха, в которую слились все жизненные пузыри покойного.

— Ну, закончили наконец, — шепнул сзади К'чир.

— Не совсем, — возразил Джерик.

Кружок скорбящих сошелся теснее вокруг лужицы воздуха. И в порядке старшинства, начиная с Верховного жреца Харшкета, они принялись валяться в ней, захватывая мелкие пузырьки мехом ног. Лужица сокращалась, и когда пришел черед К'чира, воздуха не осталось совсем.

Джерик усмехнулся.

— Как плохо, К'чир, — проговорил он. — Вот была бы потеха, если бы ты сумел воспользоваться частью сущности твоего учителя — при том, как ты ненавидел его.

— Ни в какую сущность я не верю, — произнес К'чир. Отворачиваясь от исчезнувшей лужицы, он недовольно пристукнул ногой. — Этот воздух был пропитан моим учителем. Проживу и без него. — Он весело скрипнул: — Да, это воздух. Животворящий воздух, конечно, но не более того.

— Это дар бога, — возразил Джерик.

— Да ну тебя! — буркнул К'чир. — Не верю я ни в каких богов.

Джерик вздрогнул. Он тоже не верил, во всяком случае не находил в себе никакой веры, но говорить такое вслух было неразумно.

— Пойдем отсюда, — предложил К'чир. Вместе с Джериком они собрались скользнуть в сторону, однако Верховный жрец поднял вверх две ноги.

— К'чир, прошу тебя подождать, пока разойдутся все остальные, — в голосе жреца, несмотря на любезность, слышались грозные нотки. — Я хочу поговорить с тобой.

К'чир остановился, но Джерик насколько возможно тихо и плавно продолжил движение.

— И ты тоже, — рявкнул жрец. — Джерик, стой, клянусь

запахом твоей плоти.

Джерик замер на месте.

— Да, господин?

— Стой!

— Да, господин. — Джерик скользнул назад к Харшкету и, полный тревоги, вместе с К'чиром принялся ждать, пока удалятся скрипы народа.

Затем Харшкет без каких-либо предисловий спросил:

— К'чир, ведом ли тебе Шестеричный путь?

— Конечно. Каждый ученик Первой школы узнает его сразу, как только…

— Произнеси его требования, — потребовал Харшкет.

— Зачем?

— Слушаю тебя. Живо!

Джерик услышал, как К'чир недоуменно притопнул ногой.

— Хорошо, — произнес К'чир голосом, в котором вежливость мешалась с недовольством. — Жителям Колышущейся стены надлежит соблюдать повиновение…

Как велит закон, он притопнул о лед ногой.

— Верность… — Он топнул правой передней ногой. — Честность… Знание… Мудрость.

Называя каждое качество, он по очереди притоптывал следующей ногой.

— И праведность, — завершил он, топая шестой ногой.

— И ты считаешь себя образцом этих священных качеств? — спросил Харшкет.

К'чир промолчал.

— Судя по твоим речам, которые кроме меня слышали многие из народа, — продолжил Харшкет, — я бы сказал, что тебе изрядно не хватает праведности, высшего из качеств.

— Ну, не могу назвать себя таким уж убежденным верующим, — ответил К'чир. Джерик отметил, что друг его проявляет, пожалуй, не слишком-то свойственную ему нерешительность.

— Не можешь? — Харшкет воздел вверх две ноги и скрипнул глухим старческим голосом: — Неужели ты не способен видеть ту сладостную манну, которую посылает с небес наш добрый и всемогущий бог?

— Но, может быть… — пробормотал К'чир голосом острожным и даже испуганным. — Но, может быть, эта самая манна — просто разложившиеся останки наших покойников.

— Какая чепуха!

Возмущения потока доносили до Джерика гнев Харшкета — и вдруг бурление улеглось.

— И кто же, К'чир, по-твоему, делает это? — проговорил Харшкет с интонацией учителя философии, которым по сути дела и являлся.

— Тот же, кто посылает вниз вот их, — проговорил К'чир, скрипнув в сторону цепочки серных пузырьков, спускавшихся с высоты. — Зачем вообще богу посылать нам эти вонючие, несъедобные пузыри, обжигающие наши тела?

— Чтобы проверить нашу веру, конечно же! Тебе это известно, — проговорил Харшкет, как на занятии с малыми детьми.

Джерик чуть шевельнул мандибулой, выражая легкую и непередаваемую скрипом усмешку. Конечно, старику Харшкету кажется, что все вокруг дети.

— Ты учишься в Четвертой школе, школе коллективной философии, — усталым тоном продолжил Харшкет. — Коллективной! И какой пример ты подаешь своему юному другу, который, насколько я помню, учится только в Третьей школе, школе дедуктивной философии?

— Думаю, господин, что хороший. Во всяком случае, я стараюсь делать это.

— Тогда ты ущербен еще в одном качестве — в мудрости.

Джерик почувствовал, как ощетинился друг.

— Да, я принимаю Шестеричный путь, — проговорил К'чир. — Но есть качества, которых он не учитывает. Как насчет обновления? И предприимчивости? — Он вздохнул. — Мне скучно.

— Ах, вот как. — Харшкет усмехнулся, и у Джерика полегчало на душе. Он уже начинал думать, что друг его переступает рамки допустимого.

— Предприимчивость, — в задумчивости промолвил Харшкет. — У нас есть ледокатные гонки, борьба, наконец, дебаты. Соревнуйся! Соревнуйся и разгонишь скуку. Или усерднее возьмись за занятия.

— Мне скучны все наши обряды и традиции, — проговорил К'чир. — Я хочу созидать, хочу новизны.

— И я тоже, — проговорил Джерик, стремясь вступить в игру, поскольку Верховный жрец Харшкет явно склонялся к беседе и более не казался раздраженным.

— Джерик, ты всего лишь юнец, — проговорил Харшкет, уже едва ли не с гневом. — Ты еще такой ребенок, что голос твой почти столь же тонок, как твой свистоскрип.

— Да, господин. — Джерик счел за благо принять самый почтительный вид.

Харшкет вздохнул:

— Что касается тебя, К'чир… придется подождать до Шестой школы, школы трансцендентной философии. Твое время еще придет.

— Может быть, наша культура слишком состарилась. — К'чир опустил голову и принялся ковырять лед свистоскрипом. — Во время нашего созидательного периода, когда нам следовало бы двигать вперед искусство, мы все еще зубрим то, что было сделано раньше: изучаем философию, запоминаем стихи. — Он с разочарованием скрипнул.

— И даже потом мы изучаем все более и более узкие специальности, пока не перестаем наконец видеть целое. Истинное новаторство невозможно.

— Это известно, — спокойно ответил Харшкет. — И служит знаком того, что труды бога на благо своего народа почти завершены.

Джерик испугался было, что слова эти сделают разговорчивым его друга, заставят наговорить такого, о чем придется потом сожалеть. Однако К'чир просто произнес:

— Мне хотелось бы в жизни чего-то большего.

— Большего? — в голосе Харшкета угадывалось недовольство. — Ну и чего же это вам, молодежи, нужно?

— Ну, например, — начал К'чир, — подлинного знания.

— То есть?

— Ну… — начал К'чир непринужденным тоном. Он также различил едкую нотку в голосе Харшкета и понимал, что она может предвещать опасность. К'чир свистнул в сторону льда. — Ну, мне бы хотелось понять, что там скребется во льду.

Очевидным образом К'чир стремился сгладить напряжение.

— Предметам случалось проникать сквозь лед и прежде, — голос Харшкета обнаруживал легкое беспокойство.

— В самом деле? — проговорил К'чир уже с любопытством и без тени вызова.

— На следующий год ты узнаешь об этом в Пятой школе.

— Пожалуйста, господин, — принялся упрашивать К'чир, — расскажи мне об этом сейчас?

Харшкет хрипло чирикнул в сторону льда и проговорил:

— Это случилось много великих приливов назад, — голос его сделался отстраненным. — Эта вещь поднялась к нам через трещину… трещину во льду, возникшую после неботрясения. И вещь эта пришла в мир вверх тормашками. У нее было четыре ноги, а не шесть. И ноги эти указывали вверх — давая знак, что явилась она от бога зла и льда.

Харшкет медленно и в великих подробностях проскрипел облик предмета. У Джерика захватило дыхание. Вещь из трещины

имела тонкие ноги — стержни с пластинами вместо ступней. А из тела во все стороны несимметрично торчали другие стержни. Она казалась живой: небольшой, похожий на раковину предмет на ее голове то и дело сновал взад и вперед, буквально источая бурю электромагнитных волн. Все это Харшкет передал через свисткарту, четкую и ясную, как если бы жрец видел этот предмет во время последнего прилива.

— И он немедленно вознесся к небу, — продолжил Харшкет. — Быстро. Напористо. Это мог быть только демон ледяного бога, стремящийся бросить вызов Великому богу.

Джерик ощутил трепещущие токи от дрожащих конечностей Харшкета.

— Ледяной бог, Великий бог, — проговорил К'чир насмешливым тоном. — Что-то не верится в это.

— Заигрываешь со святотатством, юнец, — промолвил Харшкет. — А ведь тебе, конечно, известно, что некоторые из народа попадали в трещины, откуда их затягивало вниз, в область бога льда.

— То есть вниз, в лед. Согласен.

— Они не возвращались назад, — продолжил Харшкет, подняв передние ноги. — Никогда не возвращались!

К'чир усмехнулся, и Джерик подивился отваге — или глупости — своего друга.

— Так значит, скрежет подразумевает именно это? — спросил К'чир. — То, что ледяной бог собрался к нам в гости?

— Можно выразиться и так, — проговорил Харшкет. — Лишь противобог может пытаться пробиться к нам благодаря злу и разврату, воцарившимся среди нас.

— Ну, а я сказал бы, — проговорил К'чир, покручивая ногой в воде, — что там, подо льдом, другой мир.

— Смешно, — Харшкет пренебрежительно скрипнул. — Но ты все поймешь, когда перейдешь в Шестую школу.

— Я никогда не пойму этого. Я просто верю в существование другого мира.

— Если ты настолько уж пренебрегаешь философией, то скажи: как иначе, чем пройдя через трещину, могут достичь неба усопшие того, другого мира?

— А что если, — проговорил Джерик, пытаясь заслужить одобрение и жреца, и своего друга, — мы назначены богом хранителями неба?

К'чир и Харшкет неодобрительно заскрипели.

— Или же, — добавил К'чир, — нет никакого неба, а на нем — никакого бога.

Джерик затаил дыхание.

— Святотатство! — Харшкет взбудоражил воду и подождал, пока струи улеглись. — Вынужден хорошенько подумать, — произнес он голосом, полным холодного гнева. — С первым приливом явитесь ко мне. Пора покарать вас обоих за прегрешения перед богом. Обоих. Ясно?

Не говоря более ни слова, Харшкет повернулся и спешно удалился восвояси.

Со слышным недовольством К'чир скользнул прочь, и Джерик последовал за ним.

— И что он с нами сделает? — спросил Джерик.

— Побьет нас, конечно, — скрипнул К'чир в сторону Колышущейся стены, и оба они направились к ней. — Меня за святотатство, а тебя за то, что водишься со мной. — По прошествии нескольких секунд К'чир добавил: — Меня он будет бить сильнее, чем тебя. — Джерик ощутил токи, исходящие от тела встревоженного К'чира. Тот поежился и ускорил ход: — Много сильнее.

— А куда это мы направляемся? — Джерик попытался удержаться рядом с приятелем.

— Не хочу торчать здесь и ждать, когда меня отлупят перед всем народом.

— Не собрался ли ты сбежать к другому народу, а? Ничего хорошего это не даст. Там будет точно так же.

Тело Джерика раскачивали волны, производимые движениями К'чира.

— Нет, — ответил К'чир, не замедляя хода. — Я намерен доказать, что философия — это бред, а практика — критерий истины.

— О чем ты говоришь?

— Я докажу: все, что нам говорят о богах, — сущая ерунда, — заявил К'чир. — Я намереваюсь взобраться на так называемое небо и оглядеться по сторонам.

— Что?! — Джерик ухватил своего друга, и их развернуло по льду, как в пляске. — Ты шутишь?

— Я серьезно.

Джерик впился грубыми сторонами ног в лед, и вращение остановилось. Он обратился к своему другу — мандибула к мандибуле:

— Тебя же убьют за это!

— Если бог существует на самом деле, — проговорил К'чир с досадно логичной интонацией, — то, когда я снова спущусь на лед, меня действительно могут убить. Но тогда я просто всплыву назад, к богу. Наверное, он накажет меня. Но его называют благим и добрым. Поэтому я могу рассчитывать на то, что

наказание будет не слишком тяжелым. Потом, мне в любом случае хочется знать: существует на самом деле бог или нет?

— Ты серных пузырей насосался?

К'чир скрипнул слабую улыбку и отправился дальше.

— Но тогда, если бога нет, как я полагаю… ну, Харшкет умеет видеть, когда мы врем, и он поймет, что я говорю правду, поэтому бить меня ему будет не за что.

К'чир с довольным видом щелкнул мандибулами.

— Но взобраться на небо? — Джерик взволнованно присвистнул вверх. — Это невозможно!

— Почему же? — К'чир свистнул в сторону Колышущейся стены, однако они были уже слишком далеко, чтобы услышать эхо. — В плохие времена народу приходилось лазить и выше за съедобными наростами на камнях. Но это было задолго до того, как ты родился… ну, и я тоже. Так случалось до того, как народ научился стабилизировать свое число за счет распределения жизненных пузырей. — Он вновь заскользил к стене. — Итак, я подплываю к стене и взбираюсь повыше… на небо, чтобы посмотреть, как там и что.

— Как там и что? — Джерик вновь заставил себя сдержаться. — Это же небо! Ты настолько хочешь умереть?

К'чир вздохнул:

— Мне и так до смерти скучно.

— Ладно… ладно, может быть, этот скрежет во льду обернется чем-нибудь интересным. Может быть, это снова та вещь, о которой говорил Харшкет.

— А может, и нет. Я не хочу ждать ни мгновения. Лезу.

— И я с тобой, — твердым тоном сказал Джерик.

— Что? — К'чир притормозил. — Нет. Закончи сперва школу. Может быть, Шестая школа научит хотя бы тебя.

Джерик напряг ноги, подняв свое тело на полную высоту.

— Я иду с тобой!

— Но это очень опасно, — заметил К'чир. — Я предпочел бы, чтобы ты этого не делал.

— Не заставляй меня повторять, — возразил Джерик.

Потратив несколько секунд на обследование Джерика свистами, К'чир согласно скрестил передние ноги.

— Отлично. Тогда пошли. — Он начал было движение, но повернулся: — А вообще спасибо. Твое общество мне приятно.

И К'чир возглавил их путь к Колышущейся стене, руководствуясь сперва магнитными полями, после отражениями свистов и, наконец, запахом камня.

Свистом и когтем они принялись обследовать основание стены, разыскивая в ней расселину — место, куда можно

поставить ногу.

— Может быть, эта? — предложил Джерик.

К'чир перебрался к нему.

— Хороша, очень хороша.

Джерик полез вверх.

— Нет, подожди, — окликнул его К'чир. — Давай сперва оботрем наши тела и ноги, чтобы изгнать жизненные пузырьки из меха.

— Зачем? — Идея Джерика не прельщала: жизненные пузырьки считались драгоценностью.

— Чтобы сделаться легче, — ответил К'чир с ухмылкой. — Но не настолько, чтобы сразу вознестись на небо. Для этого нужно сперва умереть. — К'чир начал отряхивать пузырьки. — Но если мы упадем, то неторопливо опустимся на поверхность и не ударимся о лед.

— Будем надеяться… — Джерик также пригладил мех, оставив на льду небольшую лужицу воздуха. — Но надо будет как следует покататься на пузырьках, когда вернемся. Правильно?

— Конечно! — К'чир полез вверх. Джерик последовал за ним.

— Я бы сказал, — проговорил он, просвистывая поверхность скалы, — что если бы бог не хотел, чтобы мы взобрались на небо, то не оставил бы нам столько опор.

— Если только он не испытывает нашу веру, — проговорил К'чир. Уже по одному голосу Джерик мог сказать, что мандибулы К'чира были весело выдвинуты вперед.

Пользуясь трещинами в скале и опорами, которые предоставляли густые наросты съедобной плесени, К'чир и Джерик продвигались довольно быстро.

— Голодать нам, по крайней мере, не придется, — проговорил Джерик, отхватывая кусок-другой со стены. — Но до неба, друг мой, далеко!

— Не называй это небом.

— И как же прикажешь тогда называть? — пыхтя, переспросил Джерик.

Одолев еще несколько футов по вертикали, К'чир ответил:

— Другого слова, пожалуй, нет. Но когда произносишь его, постарайся изгнать почтение из своего голоса.

— Ага. Конечно. Хорошо.

— Становится теплее, правда? — спросил К'чир. — Или мы просто хорошо потрудились.

— А по-моему, действительно становится теплее. Считается, что на небе тепло. — Джерик выставил ногу в течение. — Ага, вроде бы потеплее, но и течение здесь посильнее.

По мере подъема растительность сделалась реже.

— Конец обеду, — вздохнул К'чир,

Стена сделалась глаже.

— Интересно, не плесень ли проедает в скалах ямки для ног, — спросил К'чир. — Не стало плесени, и ямок не стало.

— Неплохо было бы, если бы бог вновь начал испытывать нас с помощью этих ямок, — едва выговорил Джерик, изо всех сил старавшийся приникнуть к стене.

Подъем сделался очень трудным и медленным, и стена начала загибаться внутрь.

Джерик вскрикнул.

— Не свисти вниз! — скомандовал К'чир.

Но Джерик уже свистнул вниз, и им завладело муторное головокружение. И тут прихлынул поток… начался прилив. Какой-то частью ума он понимал, что это первый прилив — тот самый, с началом которого Харшкет ждал их к себе. Несколько растерявшись, Джерик отлепил от опоры одну из ног и неторопливо провел ею по туловищу. Тело его изменило положение, и он начал падать.

К'чир протянул ногу вниз и крикнул:

— Держись!

Свистнув в его сторону, Джерик рванулся к предложенной конечности и вцепился в нее двумя передними ногами.

К'чир застонал от натуги. Тут Джерик снова ощутил, что падает, хотя не выпускает ногу К'чира.

— Ого! — довольным тоном воскликнул К'чир. — Отлично! Мы стерли жизненные пузыри, и вот что получилось…

После короткой и нервной паузы Джерик проговорил:

— Ага, действительно получилось!

Ужас превратился в восторг, как только он ощутил, что не падает, а медленно опускается вниз, на лед. Теперь, уже без страха, он свистоскрипнул вниз:

— Ого!

— В чем дело? — спросил К'чир.

— Там, на льду, — поговорил Джерик, — три, а то и четыре шестерицы наших.

— И уже первый прилив, так ведь? — спросил, не скрывая тревоги, К'чир.

— Боюсь, что так.

Джерик еще раз свистоскрипнул и скорбно вздохнул:

— А вот и он сам, Верховный жрец то есть.

— Тогда делаем так, — проговорил К'чир, начиная свистоскрипеть тревогу во всех направлениях.

— Что ты делаешь?

Прервав свистоскрип, К'чир проговорил:

— Собираю народ, во всяком случае молодых… надеюсь, выйдут.

Джерик и К'чир опускались вниз, но течение сносило их в сторону. Собравшиеся внизу расположились кружком, передвигавшимся так, чтобы парочка диссидентов находилась прямо над его центром. В центре же кружка устроился сам Верховный жрец Харшкет.

Джерик и К'чир ударились о поверхность, несколько раз подпрыгнули, а потом укрепились на льду. Джерик ощущал себя легким, невесомым и нематериальным. Он пожалел, что у них нет времени покататься в жизнепузырях, как предусматривал план К'чира.

Кружок сошелся на обоих школярах.

Когда Джерик и К'чир оказались на ногах, Харшкет подошел к ним.

— Гм… — начал Джерик, — ну, мы явились… как ты и требовал, господин.

— Ты! — молвил Харшкет, указуя на учащегося Третьей школы. — Ты был низвергнут с неба!

— Нет, господин. Мы просто упали со стены, — ответил Джерик. За спиной его негромко простонал К'чир.

— Как я и подозревал, — изрек Харшкет. — Вы попытались осквернить святой край бога.

Джерик повесил голову. Невозможно было обмануть Харшкета, да и любого другого жреца, наученного видению истины. В наступившей тишине Джерик услышал далекое и басовитое гудение целой толпы: вполне очевидным образом К'чир сумел собрать народ.

— Ты должен понимать, Джерик, — продолжил Харшкет обманчиво тихим и мягким тоном, — насколько серьезное преступление против бога вы совершили. Ты должен понести наказание за свое страшное злодеяние.

Джерик не ответил, и за него вступился К'чир:

— Если он оскорбил бога, то почему бы не позволить тому наказать его самому?

Джерик понимал, что К'чир пытается помочь ему, однако лучше бы друг промолчал.

— Однако, Джерик, ты не являешься вдохновителем преступления, — продолжил Харшкет, не обращая внимания на К'чира, — и потому будешь наказан, а после прощен.

— Спасибо тебе, господин, — ненавидя себя самого, Джерик дал назначенный законом ответ.

Возмутив телом воду, жрец повернулся к К'чиру:

— Но тебе, К'чир, земного искупления не будет.

Джерик ощутил, что друг его буквально окаменел на месте. Кто-то среди народа уже скрипел, составляя картообраз события, однако по большей части вода пребывала в спокойствии — если не считать постоянного скрежета, доносившегося из-подо льда.

— В наказание за преступное святотатство, — провозгласил Харшкет, — пузыри твоей жизни будут исторгнуты из грешного тела, и оно вознесется к небу. Таковой исход будет для тебя легче, чем предание бессмертной души противобогу.

— Нет! — донесся из толпы возглас. Голос вполне мог принадлежать школяру Четвертой.

— Пузыри жизни нашей дарованы народу богом! — Харшкет возвысил голос, чтобы заглушить протесты. — Ты не достоин их. И в качестве искупления твои драгоценные пузыри станут принадлежностью народа, позволив родиться еще одному из нас. Мы — я и весь народ — благодарим тебя за эту жертву.

Теперь из толпы донесся уже дружный ропот молодых голосов:

— Нет!

— Это — важный урок для всего народа, — рявкнул Харшкет, заглушая протесты. — Важный настолько, важный в такой мере, что наказание и жертва будут совершены в присутствии самого противобога… — он умолк для вящего эффекта, — чтобы показать наше презрение к нему.

Подобно приливу, полное ожидания молчание легло на народ — молчание, нарушаемое лишь скрежетом внутри льда.

— Там, где адские звуки будут громче всего, — выкрикнул жрец, — там встанем мы против бога зла. — И нараспев он провозгласил после паузы: — Мы не боимся его! — И снова примолк, словно бы ожидая, что народ подхватит напев, однако в толпе только свистоскрипели. Негромким голосом Харшкет сказал обступившим: — Приглядите, чтобы эти злодеи не ускользнули от правосудия.

Джерик ощутил, как многочисленные конечности вцепились в него и поволокли навстречу скрежещущим звукам. Судя по запаху тел, это были старики. Путешествие к центру шума сулило отсрочку наказания, и Джерик был благодарен за это. Он хотел бы сказать что-нибудь утешительное К'чиру, однако не смог придумать ничего такого, что не показалось бы тому банальным.

В точке, где вибрации сотрясали лед и скрежет уже превратился в подлинный грохот, Харшкет велел всем остановиться.

— Здесь, — провозгласил он, стараясь перекричать подповерхностный грохот, — выкажем мы свое презрение богу зла.

Харшкет повернулся к Джерику.

— Начинаем с тебя. — Он скрежетнул покровительственную улыбку. — Радуйся, что в твоем случае дело ограничится одними побоями. — Удовлетворенно прокашлявшись, он повернулся к К'чиру: — А потом можно будет перейти к более серьезным вопросам. — После чего снова обратился ко всему народу: — Да усвоит этот урок вся наша молодежь!

Харшкет отдал приказ, и шестеро из народа растянули Джерика на льду. Своими стонами и содроганиями лед как бы предвещал участь Джерика, и предчувствие это заставило его на миг потерять уверенность. И вдруг Джерик ощутил возмущение: нечего просто лежать, покоряясь наказанию. Довольно покорности. Он будет биться, метаться, пытаться вырваться на свободу.

Однако едва он начал брыкаться, раздался великий треск. А затем взбудораженная вода охватила его тело. Ноги его высвободились сами собой, или, быть может, их просто выпустили. Джерик поднялся на все шесть ног, свистоскрипнул — единственный голос в целом море свистов — и обнаружил, что нечто проломило лед. Он тут же взялся скрипом составлять один за другим картообразы, жертвуя пространственным разрешением в пользу временного, и различил объект, поднимающийся посреди осколков льда. Объект этот казался тождественным тому четырехногому, которого Харшкет объявил демоном, посланным ледяным богом. Джерик поежился. А что если Верховный жрец все-таки прав?

Ровно поскрипывая, занятый картообразами Джерик все-таки не мог в точности сказать, действительно ли у непонятного предмета есть четыре ноги, так как он остановил свое продвижение и застыл во льду. Но в любом случае предмет был огромным — куда большим, чем та штуковина, которую видел Харшкет. И потом он явным образом был обдуман и имел предназначение. А еще — был окутан электромагнитными полями.

Джерик услышал звуки приближения К'чира, ставшего рядом с ним.

И вдруг странная вещь испустила громкое шипение, а затем Джерик услышал звук падения пузырей, и запах их достиг его носа: жизнепузыри, чистые и сладостные на вкус. Шипение сделалось сильнее, и цепочка пузырей превратилась в бурлящий поток. Джерик заскрипел чаще, и картообразы сообщили ему, что пузыри рвутся из трещины в боку объекта, образуя воздушное озерцо у его основания. Осознав значение происходящего, он охнул. Тут рядом зашевелился и К'чир.

— Смотрите! — вскричал К'чир, обращаясь к народу. — Раз жизнепузыри исходят только от Великого бога, этот предмет не может быть связан со злом. Он не может быть созданием противобога.

Джерик услышал согласное поскрипывание.

— Но какое предназначение он имеет, хотелось бы знать, — прошептал Джерик.

— А если, — начал К'чир осторожно, — а если некто из другого мира решил поздороваться с нами. И если так, то я, конечно… Но что это? Предмет открывается.

На глазах Джерика тонкая пластина льда в боку предмета поехала в сторону. Внутри предмета есть нечто вроде пещерки…

Как показал картообраз, из пещерки появилось какое-то сферическое устройство. Поднявшись немного вверх, оно остановилось. От небольших участков его поверхности так и жарило электромагнитное излучение.

— Что происходит? — спросил Джерик.

— По-моему… по-моему, нас изучают. — К'чир скользнул в сторону более крупного объекта. — Удивительно!

— Будь осторожен, — громко шепнул другу Джерик. Он лихорадочно выскрипывал картообразы, свидетельствовавшие о том, что друг его плюхнулся в озерцо воздуха, мехом на теле и ногах поглощая драгоценные пузыри.

— Восхитительно! — отозвался К'чир.

Джерик вдруг отметил, что народ лихорадочно скрипит, но помалкивает: никто, даже Харшкет, не произносил ни слова. Джерик повернулся и свистнул, обследуя народ. Наверное, они слишком потрясены.

И вдруг все затаили дыхание, в полном ошеломлении наблюдая за происходящим — каждый согласно со скоростью собственной карты. Джерик снова развернулся к объекту и, картографируя, заскрипел. Тут затаил дыхание и он сам: К'чир выбрался из озерца и нырнул в подобное пещерке отверстие в боку объекта.

Ощутив внезапный рост электромагнитного поля вокруг предмета, Джерик перешел на максимальную скорость скрипосканирования. Пластина стронулась с места и чрезвычайно медленно поползла в обратную сторону.

— К'чир, вылезай оттуда, — закричал он. — Быстро! Пещера закрывается.

— Нет! — отозвался К'чир. — Эта вещь прилетела из другого мира. И я хочу познакомиться с ним… — Он поднял обе передние ноги. — Я вернусь!

Когда пластина полностью закрыла пещерку, предмет стал

вращаться. Громкое бульканье и скрежет наполнили воду, и предмет начал погружаться в лед. Одновременно с этим застывшая в воде сфера медленно стронулась с места и начала возноситься к небу, постепенно набирая скорость.

Слишком потрясенный для того, чтобы скрипокартировать, Джерик вслушивался в доносящийся звук, постепенно превращавшийся в дальнее грохотание, а потом как-то разом — в легкий шепот. Затем лед внезапно умолк. Джерик остался в одиночестве. Лучший друг покинул его. Джерик ощупал свистоскрипом отверстие во льду — круглое и аккуратное, абсолютно не похожее на результат воздействия природы. Он скрипнул поглубже в него. *Пустота!* Одна вода на том месте, где только что был лед. И никакого отраженного звука. Пустота, ничто!

— Противобог забрал к себе еретика, — за спиной Джерика послышался голос Верховного жреца. — Восхвалите бога! Стоящие здесь, извлеките урок из увиденного!

Джерик развернулся.

— Нет! — закричал он. — Это ложь.

Он удивлялся самому себе: ему еще никогда не приходилось противоречить властям, а в особенности Верховному жрецу. На мгновение повернувшись назад, он свистнул в сторону озерца.

— Но это же жизнепузыри. И никакой бог здесь ни при чем.

— Настало время твоего наказания, — громким и гневным голосом провозгласил Харшкет.

— Вы меня не тронете, — так же гневно возопил Джерик. Он ощутил скрип поддержки от одного из своих собратьев по Третьей школе. После чего хлынул буквально поток одобрительных восклицаний от других школяров из Третьей, а потом от студентов Четвертой. Масса народа направилась к нему, возмущая течение, скрипя в поддержку — почти все учащиеся, но и многие из старших.

А потом дружно, как один, все повернули к Верховному жрецу и его подручным.

Джерик услышал прогремевший над толпой голос Харшкета.

— Время твоего наказания откладывается.

Жрец и его единомышленники торопливо скользнули в сторону.

Да, это действительно урок. Джерик приветствовал своих друзей из Третьей, а с ними и новых товарищей. Наконец, ощущая сразу и легкость в мыслях, и собственную легковесность, он произнес извинения и направился к Колышущейся стене — к той расщелине, по которой они с К'чиром совершили свой штурм небес. У основания расселины должны были оставаться их с

К'чиром жизнепузыри. Он впитает их — и свои, и К'чира. Джерик выставил вперед мандибулы, вдруг осознав, что он уже впитал некую долю независимости, присущей К'чиру, и, возможно, некоторую часть его отваги. Он свистнул вверх, вслед поднимавшейся сфере, уже находившейся почти на пределе различения свистом, и подумал о друге. И тут Джерик поклялся, что посвятит свою жизнь борьбе за перемены, чтобы вернувшегося К'чира встретил новый и лучший мир.

— Проклятье! — Специалист миссии Пол Хопкрофт признался контрольной панели в своей первой неудаче при 0,145 земного тяготения. — Сферическая обсерватория. Она слишком быстро тонет. Мы потеряли контроль.

— А как насчет видеосигнала? — оторвался от своих дел Колин. Руководитель поверхностной исследовательской бригады Колин Шеферд рванулся к дисплею Пола.

— Сигнал отличный. — Пол разглядывал на экране группу удалявшихся крабовидных созданий. — Проклятый робот! Придется каждый раз лезть туда самому.

— Если бы не автоматическая станция Юпитер I, — проговорил другой специалист, Алекс, — мы не имели бы ни малейшего представления о том, что надо делать.

Пол удовлетворенно буркнул:

— Ты хочешь сказать, будто нам *известно,* что надо делать?

Колин из-за плеча Пола принялся разглядывать монитор. К ним подошел и Алекс, оторвавшийся от собственного монитора ради более интересного зрелища на экране Пола.

На всех троих были космические скафандры со снятыми шлемами. Прозрачный купол предоставлял им воздух, давление, тепло и свет.

Огромный шар Юпитера, висевший в черном, словно чернила, небе, наполнял купол красными и желтыми красками, проливая на ледовое поле Ганимеда оранжевый свет. В полукилометре от них на льду поблескивала посадочная ступень, служившая им домом.

Исследовательский купол метров двадцати в поперечнике служил неким подобием рыболовной палатки над лункой. В центре его располагалось двухметровое отверстие, проделанное буровым модулем. Возле отверстия, напоминая детский наземный бассейн, находилась камера для воспроизведения подповерхностных условий, царивших на Ганимеде. Ее прикрывала прозрачная крышка, загерметезированная так, чтобы внутри можно было воспроизводить и сохранять давление и температуру подо льдом.

— На мой взгляд, похоже на организованное поведение, — проговорил Колин, разглядывая на экране группу крабоидов.

— Такое можно видеть и в муравейнике, — заметил Алекс.

— Но здесь поведение более высокого порядка, — негромко проговорил Колин. — И я бы назвал его осознанным. Более того, мне так и хочется назвать его разумным.

— Разумным? — переспросил Алекс. — Едва ли…

— А я, пожалуй, соглашусь, — проговорил Пол. — Столь богатая вокализация вполне может оказаться речью.

Колин тяжело вздохнул:

— И кто бы мог подумать, что первый внеземной разум мы обнаружим в своей собственной солнечной системе?

Уголком глаза Пол заметил движение на дисплее Алекса. Он повернулся, чтобы повнимательнее рассмотреть — как сделали Алекс и Колин.

— Ха! — воскликнул Колин. — Тварюшка-то заглотила наживку!

Алекс старательно затряс головой.

— Нет, мне даже не представилось возможности выпустить ее.

Он метнулся назад к своей контрольной панели и принялся рассматривать монитор.

— Я видел, — отметил Пол. — Крабоид просто впрыгнул в камеру.

— Гм, — проговорил Колин. — Предприимчивое создание, не правда ли? — Он повернулся к Алексу: — Поднимем его и выпустим в бассейн — если только мы до сих пор способны контролировать ледовый бур.

Алекс завозился возле контрольной панели,

— С буром все в порядке. Я увеличу скорость подъема. Наш шестиногий друг окажется на поверхности примерно через двадцать минут.

— Постарайся не повредить бур, — сказал Колин. — Я хочу быть уверенным в том, что мы сможем вернуть зверушку в родную среду.

— А может, замаринуем и привезем на Землю? — предложил Алекс.

— На мой взгляд, это разумное существо, — с легким раздражением возразил Колин.

По прошествии получаса вся троица перенесла контейнер с крабоидом от буровой ступени к бассейну. Они стояли, рассматривая существо через прозрачную крышку. Крабоид пристроился вверх брюхом на ее нижней поверхности.

— Естественно, — заметил Пол, — плотность этого

организма чуть ниже, чем плотность воды.

— Но видок еще тот, — сообщил Алекс.

Пол посмотрел на метровое в длину и почти такое же в ширину создание, наделенное шестью мохнатыми ногами и жуткого вида головой, на которой угадывались органы совершенно непонятного назначения.

— Но вблизи впечатляет, не правда ли?

— Надеюсь, что все камеры и зонды наведены на него, — проговорил Колин.

— Конечно. — Алекс отошел к своему пульту. — Все работает.

— Интересно, — произнес Пол, рассматривая гибкие, напоминающие щупальца конечности создания, — возможно ли существование вида разумных существ, не производящих артефактов и не имеющих противопоставленных больших пальцев… не имеющих больших пальцев вообще?

— Трудно делать обобщения, опираясь на единственный случай, — проговорил Колин. — Но ситуация, кажется, изменилась.

В молчании они взирали на крабоида еще несколько секунд. Затем Колин проговорил:

— Я отправляюсь внутрь. Пол вздрогнул.

— Куда? В бассейн?

— Наш приятель явно наделен духом любителя приключений, — проговорил Колин. — Не стоит ударять в грязь лицом.

Алекс вернулся к стенке бассейна.

— Не уверен, что это такая уж блистательная идея.

Колин пожал плечами. Он взял свой шлем и попросил Алекса и Пола помочь надеть его. После проверки Колин прыжком перенесся к крышке бассейна — несложное достижение при малом тяготении Ганимеда. Подошел ко входному люку.

— А ты уверен в том, что действительно хочешь это сделать? — спросил его Пол по радиосвязи.

Колин коротко хохотнул:

— В настоящий момент такие мысли в голову мне не приходят.

Он открыл люк, скользнул в воду и закрыл за собой крышку. В своем скафандре он, как и крабоид, оказался легче воды. Колин лежал горизонтально, живот его прижимался к внутренней поверхности крышки.

— Они рассматривают друг друга, — прошептал Алекс.

— Не совсем, — ответил Пол. — У этого существа не должно быть глаз. Зачем они подо льдом…

Пол следил за тем, как Колин неторопливо подбирается к существу. Наконец медленно, очень медленно Колин протянул вперед руку.

— Обмен рукопожатиями, — прошептал Алекс. — Представляешь себе?

Пол тихо охнул, когда существо шевельнуло передней ногой, а затем прикоснулось к ладони Колина.

— Держу пари, — шепнул Алекс, — эта картинка в следующем году появится на почтовой марке.

Завороженный событием Пол не мог ни отвести глаз от происходящего, ни даже ответить.

По прошествии нескольких секунд Колин произнес ритуальное приветствие, постаравшись говорить как можно громче, чтобы было слышно через стекло шлема. Создание ответило щелчками и свистами. А затем, после короткой паузы, Колин и крабоид развели конечности. Колин перебрался назад, к люку.

Алекс покачал головой.

— Ну, нам будет, что рассказать, когда вернемся домой.

Не отрывая глаз от крабоида, Пол негромко проговорил:

— И ему тоже.

Перевел с английского Юрий Соколов

© Carl Frederick. The Universe Beneath our Feet. 2009. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

Дэвид Моулз
Падение волшебного королевства

Иллюстрация Виктора Базанова

Твинки обрушились на Дракон-сити

Твинки[1] обрушились на Дракон-сити в полдень созвездием острых черных форм, за каждой из которых в жарком голубом небе оставался темный след. Жители города испуганно наблюдали за ними с черепичных крыш. Среди твинков встречались представители всех рас Легиона: потомки Анубиса с шакальими головами, обезьяны, гоблины, огненные клоуны, механики, сатиры, орки, пауки, покрытые чешуей саламандры и амфибии. Все они находились под действием заклинаний, повышающих характеристики, все они обладали максимальным уровнем, а также ярким, роскошным снаряжением. И ни один из них не являлся жителем города.

Городок считался тихим, нейтральным местечком в глубине средних уровней. Раньше он служил перевалочным пунктом для тех, кто направлялся в Чужеземье, Новоземье или Смертеземье, но в последнее время даже Новоземье стало не таким уж и новым, поэтому свидетелями вторжения Легиона оказалась лишь горстка гостей, которые аплодировали, бежали в укрытие или (как старый попугай магистр Воздуха Валериус Красноклюв, давным-давно, еще во времена седьмой экспансии, оставивший баталии и приключения и занимавшийся теперь рыбной ловлей на пирсе Костяного Когтя) просто таращили глаза, разглядывая вычурную форму захватчиков.

Постоянные жители города — владельцы магазинов, мастера, обучающие своему ремеслу, фоновые персонажи, дававшие игрокам задания — невзлюбили чужаков чуть ли не с того самого момента, как те появились на небе. Во-первых, вряд ли они играли честно — любой, кто вложил достаточно сил для получения такого уровня и снаряжения законным путем, нашел бы себе место получше, чем Дракон-сити. Во-вторых, появление такого большого количества твинков на средних уровнях не сулило ничего, кроме неприятностей.

Местные жители — в большинстве своем столь же средние, как и сам городок, — мало что могли противопоставить нашествию. Когда орда чужаков приземлилась, жители города опустили головы, глубоко вздохнули, изобразили максимально профессиональные лица и твердо решили не позорить себя выходом из роли, пусть даже ради этого им придется воспользоваться последним средством.

То есть умереть.

Однако действия твинков приняли неожиданную и вовсе не насильственную форму. Обезьяны, вороны, механики и все прочие

рассеялись по городу от самого Черепа, вдоль Позвоночника и до кончиков Когтей. На каждого жителя приходилось по одному чужаку. Не обращая внимания на возмущение городской стражи, каждый из них выискивал своего горожанина и задавал ему простой вопрос на языке, который не был ни драконьим, ли легионерским.

Имоген Ветреной, женщине, продававшей рыбу на пирсе Костяного Когтя, достался обезьяний полководец высшего ранга. Он выбрался из седла гигантского зверя, напоминавшего помесь гиены с грифоном, и спрыгнул на землю рядом с хижиной Имоген. Несмотря на видимую мощь покрытого шерстью тела, испещренные рунами обсидиановые наплечники заставляли чужака пригибаться к земле.

Имоген открыла рот, собираясь выдать отрепетированную речь и предложить ему купить рыбы, но чужак ее опередил. Голосом, вызывающим ассоциации с рвущимся металлом и горящими городами, он произнес всего несколько слов на мандаринском диалекте китайского языка.

— Пен Юинь, — сказал он, — не хотела бы ты вернуться домой?

Королевство сдалось во вторник

Королевство сдалось во вторник.

Возможно, со дня вторжения прошел год, а может, и несколько месяцев. В Королевстве, где самым близким подобием календаря являлась бесконечная череда проводившихся по вторникам профилактик, сказать что-то с уверенностью было нельзя.

Жители Королевства знали, что нечто подобное должно произойти, еще с того момента, когда владельцы объявили о своем банкротстве, но Имоген (которую действительно когда-то звали Пен Юинь) надеялась на какой-нибудь рекламный трюк — новую маркетинговую кампанию, выпуск еще одной версии, пусть даже порядком задержавшейся девятой экспансии, лишь бы это событие ненадолго отсрочило распад. Ненадолго — и, может, этого будет достаточно, чтобы она и Каллия дождались своей очереди.

Каллия Темная, являвшаяся противоположностью Имоген в Легионе и ее номинальной конкуренткой, продавала аналогичные товары в своей коралловой пещере, находившейся тридцатью футами ниже хижины Имоген. Когда Имоген вошла, Каллия лежала в теплом бассейне, заменявшем ей гостиную. В длинных бескостных голубых пальцах она держала свиток.

— МоГуо, корпорация с ограниченной ответственностью, — продекламировала Каллия, — рада сообщить о полной и незамедлительной передаче своих информационных ресурсов, интеллектуальной собственности и нематериальных активов Эмбрейзис АУД. — Названия в свитке были написаны на английском, а все остальное — на драконьем, единственном языке, которым владели они обе. Этот язык отличался напыщенностью, метафоричностью и изобилием штампов, но когда дело доходило до финансов и контрактов, он оказывался зловеще точным. — Эмбрейзис АУД, в свою очередь, ожидает наступления новой эры в создании иммерсивных[2] миров… динамического реализма… роста базы игроков… инвестиций… — она свернула свиток и кинула его Имоген, — и т. д., и т. п.

— Что еще за АУД? — спросила Имоген, заглядывая в свиток.

— Автономный участник договора, — ответила Каллия.

— Королевство выкупил ИИ? — сказала, а вернее, попыталась сказать Имоген. Ближайшим аналогом глаголу «выкупить» в драконьем языке оказалось «обменять яйца на овец». «ИИ» она произнесла на английском, с сильным акцентом.

— Привыкай, сестренка, — ответила Каллия. — Десять

процентов игроков — ИИ, и это единственная часть базы, которая реально растет. Живых людей, способных купить нужное оборудование, осталось не так уж и много, так что фэнтезийными играми интересуются в основном постлюди.

В ушах Имоген вновь прозвучали слова обезьяньего полководца. Те самые слова мандаринского диалекта, произнесенные голосом нарисованного монстра. Тогда она услышала свое исходное — она поправила себя, — свое настоящее имя.

Твинкам, конечно, быстро закрыли доступ, но две недели спустя представление повторилось, только на этот раз в нем участвовала Лига — люди, ястребы, попугаи и так далее, их броня сверкала серебром зимних звезд и золотом ангельских крыльев. К Имоген пришла морская черепаха с толстым панцирем, покрытым коростой под плотной мантией водорослей. Мужской голос (снова с таким же произношением, как у самой Пен Юинь) оказался столь же уверенным, как и у обезьяньего полководца, только на этот раз он напоминал шум волн, разбивающихся о скалы, и песни гигантских китов.

— Пен Юинь, — серьезно промолвила черепаха, — снаружи тебе потребуется друг.

На сей раз Имоген подготовилась и ответила так, словно читала из сценария — вернее, из той его части, которая называлась «Вежливый разговор с гостями, выходящими из роли».

— Не думаю, что у нас такое продается, сэр, — сказала она. — Но возможно, вас заинтересуют эти приманки?

В прошлый раз она вообще не ответила, лишь стояла, раскрыв рот, до тех пор, пока какой-то неожиданно расторопный администратор не опустил тяжелый молот возмездия на нарушителей, заставив их мгновенно исчезнуть из Королевства. Жители Дракон-сити, в свою очередь, принялись недоуменно моргать от солнечного света, неожиданно ставшего ярче. Никто не осмелился ответить чужакам. Более того, их не оставляло чувство, что даже обсуждение этого инцидента могут расценить как выход из роли, который приведет к потере трудового стажа.

Стаж был для них всем. Для жителей Королевства он означал билет наружу, конец рабства, конец гостей, сценариев и ограничений, накладываемых правилами и ролями Королевства — и начало настоящего бессмертия в безграничной изменчивой форме, доступной лишь полноправному постчеловеку.

Как и все остальные жители Королевства, как почти девяносто девять процентов сокращающегося (но все еще огромного) человечества, Имоген, а вернее Пен Юинь, никогда не смогла бы оплатить процесс переноса самостоятельно. Она

продала свою душу Королевству и теперь выкупала ее в рассрочку.

— Сколько мы потеряли? — спросила она у Каллии (на драконьем: «Сколько осталось запасов?»).

— Немало, — признала Каллия («Запасы весьма скудны»). — Впрочем, не унывай. Даже если суд аннулирует наш контракт, у нас все еще есть профсоюз.

— Точно, — Имоген воспряла духом. — После обеда пойдем в здание профсоюза и во всем разберемся.

— Сашими? — предложила Каллия. — Я поймаю рыбу, если ты согласишься ее очистить.

— Договорились, — ответила Имоген с улыбкой, которая, впрочем, угасла, когда Каллия вышла.

Конечно, когда она продавала душу, то говорила себе, что это только копия. Но теперь для самой копии, живущей в бледном подобии тела, с птичьими костями и идеализированной белой кожей, смотрящей на море со скалы, подобный аргумент казался не очень весомым.

Она понятия не имела, жива ли настоящая Пен Юинь. Процесс переноса проще всего оказалось рассматривать в терминах метафор, широко применявшихся в Королевстве, — как иммиграцию в другую страну, из которой нельзя вернуться.

Проблема обещанной новой жизни в постчеловеческом раю заключалась в том, что это обещание зависело от прибылей Королевства. Порядок, в котором здешние жители переходили в новую форму, определялся их трудовым стажем, а общий доход свидетельствовал, будет ли вообще кому-нибудь дарована новая жизнь.

Имоген не помнила, когда это происходило в последний раз. Вернее, она помнила вечеринку, устраивавшуюся в честь ухода водяной ведьмы по имени Софронизба Коралловая, и как ее собственный номер в списке сменился с 338 на 337. Но она не могла подсчитать, сколько вторников минуло с тех пор. Она знала лишь, что времени прошло много. Былая слава Королевства канула в Лету, и Имоген не могла даже с уверенностью сказать, что она вообще застала эту славу. Она могла утверждать лишь то, что ее жизнь имела привкус финансовой пирамиды, к которой она присоединилась слишком поздно.

Когда Юинь совершала переход, все было иначе. Она подписывала хороший контракт, проверенный постчеловеческими адвокатами, работавшими на такие организации, как ESF, FSF, SAG и AFTRA.[3] Здесь же упоминался трудовой стаж, цели получения прибыли и график освобождений. В контракте указывалась продолжительность лицензии, дававшейся

Королевству на владение интеллектуальной собственностью, известной как Пен Юинь, и условия, при которых эта лицензия может быть передана, приостановлена или ликвидирована.

Еще один пункт (вероятно, самый важный, с учетом того, что основным развлечением гостей Королевства, не считая редких уникумов вроде Валериуса Красноклюва, было убийство местных жителей и друг друга) указывал, что можно сделать с жителем Королевства и что этого жителя могут заставить сделать. С момента появления Имоген Ветреной ее убивали несколько раз, но она никогда не чувствовала боли.

Контракт предусматривал различные ситуации, включая и передачу Королевства новым владельцам. Но он не предполагал выбора между нарушением лицензии МоГуо на оригинальную работу — «Пен Юинь» и уничтожением производного произведения — «Имоген Ветреная».

— Держи, — сказала Каллия из-за спины. Она выложила полуметрового желтохвоста на кухонный стол.

— Выглядит восхитительно, — заметила Имоген. Рыба была идеальной: чистые блестящие глаза, аккуратные ряды плотно пригнанных чешуек. Точная копия любого другого желтохвоста в Королевстве.

Вспомнив об этом, Имоген взяла из ящика нож, изготовленный гномами. Она задумалась о том, что Эмбрейзис мог иметь в виду под «динамическим реализмом» и «созданием иммерсивных миров». Интересно, что означает для ИИ слово «иммерсивный»? Не говоря уже о «реализме»…

Стоило ей положить руку на бок желтохвоста и прижать к нему нож, как все изменилось.

Рыба неожиданно стала скользкой. Она конвульсивно задергалась, челюсти принялись отчаянно и бессмысленно двигаться, из жабр хлынула красная кровь. Нож, по правилам игры даже не считавшийся оружием, выскользнул, и Имоген попыталась схватить его скользкими от слизи и чешуи пальцами.

Схватилась она за лезвие.

* * *

После того как руку Имоген перевязали, а рыбу, есть которую почему-то совсем расхотелось, выбросили, и сердцебиение женщин вернулось к норме — причем сам факт появления у них сердцебиения уже не поражал, — Имоген, сидевшая на полу, прислонившись спиной к шкафу, осмотрела возникший беспорядок: перевернутый кухонный стол, нож, торчащий из него

вертикально, щель в полу, залитую человеческой и рыбьей кровью.

Каллия тоже осмотрела все это и произнесла:

— Я не уверена, что профсоюз с этим справится.

В ту ночь профсоюз решил бастовать

В ту ночь профсоюз решил бастовать. В голосовании приняли участие все жители Королевства, и это утвердили почти единогласно. Кое-кто озвучил свои страхи перед наказанием, которое может применить Эмбрейзис, но их отвергло большинство. Абстрактные страхи сдались перед лицом страхов более конкретных и актуальных. Рана Имоген оказалась далеко не самым устрашающим результатом введения «динамического реализма».

Гостей, приходивших к границам Дракон-сити, к воротам Цитадели, Туманного Лабиринта и других больших городов, останавливали и разворачивали пикеты. Игровые задания перестали выдавать, а гости, выполнившие данные ранее задания, остались без вознаграждений. Магазины и аукционы закрылись, тренеры отказались учить. Кто-то из гномов начал выпускать оппозиционную газету, а хоббиты и механики распространяли ее, разбрасывая экземпляры с дирижаблей. Забастовщики научили друг друга песням на своих родных языках, перевели «Джо Хилла» и «Интернационал» на легионерский и язык Лиги.

Худшие опасения не оправдались — никого не стерли и серверы Королевства, насколько можно было судить из игры, продолжали работать. Похоже, новые владельцы не желали вмешиваться как sysadmin ex machina.

Не удался, впрочем, и бойкот игроков, на который надеялся профсоюз. Новизна забастовки лишь привлекла еще больше людей. Красноклюв, закрывший вход на пирс, отложил свою удочку, достал из шкафа боевое снаряжение и занялся своего рода «созданием иммерсивного мира» — вышел на главную улицу города и принялся устраивать драки со всеми игроками, проходившими мимо.

Если Эмбрейзис и вел с кем-то переговоры, Имоген об этом не слышала.

В маленьких городах и деревнях, на отдаленных аванпостах и особенно на нижних и средних уровнях ситуация быстро ухудшилась. Строительство иммерсивного мира привлекло любопытных, а динамический реализм — садистов. Забастовщики с нижних уровней хлынули в Дракон-сити, рассказывая о сильных игроках, идущих через Драконьи Земли, мародерствуя, сжигая и убивая ради забавы. Многие новички погибли, а те, кто выжил, серьезно пострадали. Умершие отказывались воскресать сами и не давали воскрешать себя, предпочитая относительную безопасность и — как признавались некоторые из них —

неподвижность мира призраков.

А после того как показались наемники, количество жителей Королевства, предпочитающих оставаться мертвыми, увеличилось еще более.

* * *

Имоген прижали к стене. Она поднималась по Позвоночнику, а на полкилометра вверх по холму перед ней тянулись опустевшие улицы. Дымились выжженный магазин алхимика и баррикады профсоюза вокруг Черепа. Путь к бегству преграждали два клоуна, жонглировавших огнем, и хоббит-жестянщик с пулеметом, у которого — в соответствии с «динамическим» или каким-либо еще реализмом — имелся, похоже, бесконечный запас патронов. Хоббит, судя по флагу, принадлежал к гильдии Пинкертона, а клоуны — к гильдии Болдуина-Фельца. Для Имоген эти имена не значили ничего, но гном-снайпер, удерживавший верхний этаж магазина (глава профсоюза из Мерцающих Пещер, откликавшийся только на какое-то американское имя — Имоген так и не удалось ни произнести, ни запомнить его) выругался, когда увидел их, причем не на драконьем.

Вскоре эта троица должна была осознать, что гном мертв, как и боевой маг, прятавшийся на первом этаже, а единственный оставшийся забастовщик — горожанка среднего уровня с парочкой заклинаний Земли и лакированным железным посохом, который, хоть и выглядел весьма внушительно, весил килограммов на пять больше, чем ей было нужно.

Имоген думала о том, что окажется проще: умереть от пуль хоббита или от горящей смолы клоунов. С того момента как наемники вошли в Дракон-сити, она умерла лишь один раз — попала в простое заклинание, брошенное каким-то некромантом с собачьей головой. Заклинание выглядело пугающе, но оказалось совсем не болезненным, и она воскресла всего несколько минут спустя.

Она слышала крики гнома, когда он горел наверху, но она также держала колдуна, когда он упал на пол, переломившись в том месте, где его внутренности превратились во влажную красноту. Все они были актерами, а не солдатами. Они подписали тот же контракт, что и Пен Юинь. Никому из них не предлагали сражаться, умирать, корчась от боли, и воскресать, чтобы снова и снова испытать то же самое.

Имоген не помнила их имен.

Она слышала доносившиеся снаружи голоса, смех, разговоры на каком-то непонятном языке. Не на легионерском, драконьем, языке Лиги или каком-либо еще из знакомых ей естественных языков. Имоген размышляла о том, где Эмбрейзис мог найти этих игроков, и о том, кем они были на самом деле — людьми, постлюдьми или ИИ, и о том, на каком языке ИИ разговаривали между собой…

Силуэт хоббита показался в дверном проеме. Когда толстый бронзовый хобот пулемета пересек порог, Имоген опустила свой посох. По всей его длине вспыхнули красные руны, звук получился похожим на удар колокола, а отдача неприятно дернула руки. Хоббит ступил в комнату, покачнулся и затряс головой, спрятанной под странным шлемом, сплошь состоящим из кристальных линз, железных трубок и латунных охлаждающих ребер. Имоген занесла посох для второго удара.

К несчастью, даже несмотря на то, что тренеры тоже участвовали в забастовке, уровень хоббита, как и всех остальных наемников, сильно превосходил уровень Имоген и ее оружия. В старом Королевстве она бы к нему даже не прикоснулась. Теперь, при динамическом реализме, ей удалось добиться большего, но он все еще сжимал в руках свой пулемет. Магия рун лишь замедлила его — прошла секунда, прежде чем шлем повернулся в сторону Имоген.

Линзы щелкнули, железные трубки выпустили черный дым. Пули хлестнули по воздуху, пробили выгоревший пол верхнего этажа и ушли в небо, но Имоген к тому времени уже перепрыгнула через хоббита и вырвалась на улицу…

Где ее ждали клоуны.

Они выглядели одинаково, словно отлитые из одной и той же формы: в масках и броне, один — черный с белым, другой — белый с черным. Комически толстые и неуклюжие в своих пузатых нагрудниках, мешковатых штанах и слишком больших ботинках. Однако их руки, державшие горшки с горящей смолой, двигались уверенно и умело, мягко и точно, а улыбки, отпечатанные на масках, не отличались теплотой.

Имоген схватилась за посох одной рукой, а другой бросила в ближайшего клоуна горсть песка. Песок рассыпался широкой дугой, и оба клоуна легко уклонились от последовавшего за песком взмаха посоха. Когда они вновь двинулись вперед, горшки угрожающе поднялись, сверкая жарким пламенем.

И вдруг в глазах Имоген потемнело: что-то прижало ее к земле с такой силой, что посох отлетел в сторону, а из легких вышел весь воздух. На мгновение ей показалось, что до нее все же добрались пули хоббита, но пока она ждала боли, с глаз спала

темная пелена. Имоген поняла, что представляла собой эта пелена на самом деле: серое крыло старого попугая Валериуса Красноклюва. Крыло описало широкую дугу, мощный порыв ветра подхватил клоунов и с хрустом впечатал их в стену.

Клоуны, конечно, были лишь аватарами, а настоящие игроки — ИИ, люди или постлюди — остались нетронутыми в реальном мире или где-нибудь еще за пределами Королевства, надежно защищенные от боли, которую могли испытать их марионетки. Клоуны встали, размахивая горшками.

— Беги, леди Имоген! — прокаркал Красноклюв на языке Лиги, насылая на клоунов еще одну волну воздуха. — Я разберусь с этой мразью!

Магистр Воздуха неплохо размялся на улицах — его наплечники поднялись почти так же высоко, как у обезьяньего полководца, высокоуровневые заклинания образовывали воздушную воронку.

Имоген медленно поднялась, а затем вновь упала, когда из развалин магазина позади нее раздался предательский щелчок. Красноклюв взмахнул крылом, защищаясь. Ракета хоббита отбросила его в сторону, но приземлился он на лапы — боли он чувствовал не больше, чем клоуны, — и тут же достал из-за пояса пару ятаганов, с треском рассыпавших фиолетовые молнии.

— Предатель Лиги! — прохрипел он и прыгнул на хоббита.

Имоген с удивлением отметила, что клюв у него не красный, а черный.

А затем сверху упала тень, и Имоген посмотрела на небо.

В воздухе кишмя кишели дирижабли.

Она снова поднялась и побежала.

* * *

Она была на полпути к Черепу, когда начали падать бомбы. Забастовщики хлынули из-за баррикад вниз по холму, некоторых из них охватило пламя.

— Имоген! — из толпы ей махала голубая рука.

Имоген с разбегу бросилась в холодные объятия Каллии.

— Куда все бегут? — прокричала она в рудиментарное ухо амфибии, пытаясь перекрыть грохот бомб.

— Не знаю! — прокричала Каллия в ответ.

— В порт, — выдохнул толстый лесовик, остановившийся, чтобы перевести дух. — Черепашья субмарина… Холодные Глубины.

— Тогда бежим, — уверенно сказала Каллия. Одной рукой

она схватила Имоген за запястье, а другой толкнула в плечо лесовика.

Зажигательные снаряды настигли их на узких аллеях Ребер. Огонь сверзился с металлической крыши магазина и рассыпался каплями фосфорного желе, словно дьявольский дождь. Имоген упала на землю и принялась кататься, чтобы потушить одежду о песок.

Когда она поднялась, вся аллея уже горела. Их попутчика не было видно, а Каллия…

Каллия лежала на мостовой неподвижно, от ее одежды остались лохмотья. Голубая плоть почернела и дымилась там, где она пыталась затушить фосфор низкоуровневой магией воды. Пар имел запах жареной рыбы — Имоген отвернулась от подруги, и ее вырвало.

— Да ладно, — тихо прошептала Каллия. — Ерунда. Я умру и воскресну через минуту.

Имоген вытерла рот.

— Кладбище на другом конце Позвоночника, — сказала она с горечью, опускаясь на мостовую. — Скорее всего, там уже полным-полно наемников. Оттуда ты никогда не доберешься до порта.

Огонь взметнулся с утроенной силой из-за мощного порыва ветра, прижавшего Имоген к телу Каллии.

— Леди Имоген! — Красноклюв сложил крылья и приземлился рядом, протягивая когтистую лапу. — Черепаха всплыла на поверхность. Поторопитесь!

«Чертовы ролевики», — подумала Имоген.

— Я никуда не пойду без Каллии, — ответила она.

— Этой амфибии? — Красноклюв нахмурился. — Она из Легиона. У них с черепахами давняя вражда…

Имоген вскочила на ноги и, не задумываясь, ударила попугая по голове. Ударила сильно, открытой ладонью — левая рука заныла от боли. Красноклюв выглядел шокированным.

— Для меня это больнее, чем для тебя, — хмуро заметила Имоген. — Время решать, магистр. Ты — герой или просто играешь в игру?

Раскрытый клюв попугая захлопнулся. Какое-то время он смотрел на Имоген, а затем, не говоря больше ни слова, нагнулся и поднял Каллию своими когтистыми лапами.

Черепаха шла полным ходом

Черепаха шла полным ходом, забастовщики столпились в сделанной из железа и кристаллов гондоле, прикрепленной к панцирю огромного зверя. Амфибии и те, кто мог дышать под водой, выбрались наружу, еще дальше кружились высокоуровневые орки из бухты Ледяного Плавника. Среди них наверняка были гости: запутавшиеся ролевики вроде Красноклюва или более стандартные игроки, решившие, что новые фракции забастовщиков и противостоящих им наемников веселее, чем старая Лига и Легион.

Пока. До тех пор пока они не нашли себе новую игру.

Над Каллией склонился лесовик — тот самый, который бежал с ними из города. По его мохнатым рукам к ней тянулись полупрозрачные виноградные лозы, а запах ржавчины и морской воды, пропитавший субмарину, на мгновение отступил, пропустив аромат еловых веток и кедра.

— Простите, что сбежал, — тихо произнес он. — Они сожгли лес Лунной Тени несколько дней назад. Я не люблю огонь.

— Не переживай, здоровяк, — сказала Каллия. — Ты уже реабилитирован.

— Меня зовут Черный Дуб, — заявил лесовик.

— Правда? — амфибия приподнялась на локте и посмотрела ему в глаза. — А меня — Летиция Мэй Харрис.

Имоген затаила дыхание. Лесовик широко распахнул глаза. Его руки замерли, и виноградные лозы поникли.

— Продолжай, — тихо попросила Каллия-Летиция. — У нас отняли роль.

— Андриес ван Вийк, — представился лесовик.

— Откуда ты, Андриес? — спросила Летиция. — Я из Сент-Луиса.

— Антверпен, — ответил он.

— Это в Европе, да? — уточнила Летиция, и Лесовик кивнул. — Я так и не попала в Европу, — она посмотрела на Имоген. — А как зовут тебя, подруга?

Имоген-Юинь выдохнула.

— Пен Юинь, — призналась она. — Рада познакомиться.

На драконьем это прозвучало так: «Час нашей встречи подобен моменту, когда первый луч теплого солнца касается гнезда, в котором лежит яйцо». Нелепая искусственность фразы, бессмысленная претензия на формальность, пародия этикета — безумие их троих, пытающихся соблюдать правила хорошего тона, которые никогда не существовали за пределами

подросткового воображения какого-то давно умершего писателя, — все это неожиданно нахлынуло на нее с непреодолимой силой, и она зажмурилась, сдерживая слезы ярости.

Красноклюв приблизился к ним, шелестя перьями.

— Пен Юинь, — позвал попугай.

— Да, — отозвалась Юинь. Красноклюв смотрел на нее широко распахнутыми, как у совы, глазами — черными с золотистой обводкой. — И что ты сделаешь? — спросила Юинь. — Настучишь на меня администратору за выход из роли? — она горько рассмеялась. — Попробуй найти хоть одного.

— Пен Юинь, — повторил Красноклюв.

— Мы все знаем, что ты попугай, — заметила Летиция. — Тебе не обязательно это доказывать.

Красноклюв проигнорировал ее. Он обратился к Юинь:

— Я — Йи Джин-мюн.

Юинь уставилась на попугая.

— Черта с два! — воскликнула она (на драконьем: «Гоблины и хоббиты растащат запасы того, кто в это поверит»).

— Это я, — сказал Красноклюв.

— Ты — Йи Джин-мюн, — повторила Юинь. — Ты — Lady9! Blue.

— Во ши ба, — произнес попугай на варварски искаженном мандаринском.

Знание корейского, которое Юинь приобрела из записей игровых поединков и костюмных постановок, не отличалось полнотой, и теперь, после столь долгого перерыва, едва ли было лучше, чем мандаринский диалект попугая.

— Азиатская Лига в Янгоне, — медленно начала она. — Перед финальным матчем. Что сказала тебе 29 ^_^jade? Повтори.

— Ты предложила ничью, — ответил Красноклюв на том же языке, но куда более бегло. — Я отказалась.

Кулаки Юинь (вернее, кулаки Имоген, пальцы которой показались вдруг слишком длинными и тонкими, а кожа слишком гладкой и бледной) сжались, и она произнесла на мандаринском:

— Мы могли бы разделить выигрыш. Ты вернулась бы домой с четвертью миллиона.

— Не я, — ответил Красноклюв, или Йи Джин-мюн, или Lady9!Blue. — Мои покровители. Моя доля составляла меньше десяти процентов.

— Эта ставка — все, что у меня было, — сказала Юинь. — Почему, как ты думаешь, я продала себя Королевству? Чтобы вернуть деньги, которые я заняла для участия в этом долбаном турнире! — она ударила тонкой белой рукой Имоген по

переборке. — И посмотри, где я теперь!

— Эй, — мягко произнесла Летиция на драконьем. Ее холодные бескостные пальцы мягко обвили предплечье Юинь. — Подожди. Не позволяй ему разозлить тебя. Мы переживем это.

Юинь поняла, что Летиция пропустила весь разговор.

— Он не виноват, — пробормотала она на драконьем. — Я сама во все это ввязалась.

— Думаю, ты права, — сказала Летиция, глядя на попугая, закрывшего глаза и превратившегося в большой комок перьев. — И еще я думаю, что мы все должны держаться вместе.

— Эй, — сказал Черный Дуб, или ван Вийк, стоявший у переднего иллюминатора. — Орки пропали.

— Что? — спросила Юинь, вставая. — Ты уверен? Может, мы уже просто слишком глубоко?

— Ночное зрение, — пояснил лесовик, моргая большими коричневыми глазами. — Их там нет.

Юинь подошла к иллюминатору.

— А разве мы не должны уже подплывать к Холодным Глубинам? — спросила она.

За кристаллом иллюминатора постепенно разгорался свет. Юинь увидела очертания подводных гор, черных на фоне коричневой от соли воды. Мимо иллюминатора пронеслись какие-то рыбы с широко раскрытыми слепыми глазами.

Черепаха преодолела горную цепь, и железная палуба неожиданно ухнула вниз. Иллюминатор залил белый магниевый свет.

Холодные Глубины никогда не отличались изяществом. Как и еще парочку локаций королевства, их создали безработные дизайнеры тематических парков, которых МоГуо наняла по дешевке. Несмотря на глубоководную обстановку, кораллы, перламутр и зеленое стекло, впечатление получалось как от безвкусно оформленного свадебного торта, сконструированного для бракосочетания избалованной принцессы.

«Тем не менее, — подумала Юинь, — эта конструкция не настолько уродлива, чтобы заслужить подобное».

Город черепах, находившийся в пяти милях под поверхностью моря, горел.

— Что это? — спросил ван Вийк.

«Это» относилось к источнику негасимого пламени: черной массе, размером почти с половину города, угнездившейся в разбитом яйце дворца Глубоководного Совета. Какой-то чужеродный гибрид обезьяны и кита исторгал белый свет из своих обросших мехом и ракушками недр. Когда черепашья субмарина начала поворачивать в тщетной попытке уйти от этого

создания, тварь распахнула свой клыкастый рот и издала рык, от которого задрожали иллюминаторы.

— Курира, Королева монстров, — сказал Красноклюв, или Джин-мюн. — Финальный босс следующей экспансии.

— Откуда ты знаешь? — спросила Юинь.

— Я видел наброски, — пояснил попугай. — Кто-то, наверное, привел ее с одного из недоделанных уровней…

И тут Королева монстров подняла гигантский черный кулак и опустила его на субмарину.

* * *

Юинь тонула. За разбитыми стеклами иллюминаторов бушевал огонь, но в гондоле царила тьма. Что-то лежало на ней, прижимая к палубе. В легких уже не оставалось воздуха, и она собиралась наполнить их морской водой, отказаться от бесполезных попыток.

Над ней промелькнула Летиция, пытающаяся поднять своими гибкими руками то, что прижимало Юинь.

«Мне нельзя двигаться, — хотела сказать Юинь. — Мне нужно дышать».

За амфибией показалась еще одна тень — огромная, широкоплечая. Возник бело-зеленый свет, и тень превратилась в массу водорослей и ракушек: Юинь увидела лицо черепахи, разговаривавшей с ней в Дракон-сити во время второго вторжения твинков.

— Пен Юинь, — произнесла черепаха, склоняясь к ней. — Я могу забрать тебя отсюда.

«Да! — хотела сказать Юинь. — Забери меня домой! Вытащи меня!» — Но когда она открыла рот, ей не удалось вытолкнуть из себя даже пузырька воздуха.

Черепаха улыбнулась.

Яркий свет погас, и легкие Юинь наполнились водой в результате конвульсивного вдоха.

Имоген Ветреная умерла.

Юинь проснулась в своей постели

Юинь проснулась в своей постели, в знакомом клубке одеял и простыней. Ощутила твердость сосновых дощечек сквозь тонкий матрас, купленный в IKEA. Увидела серо-коричневый свет в окнах гостиной, вдохнула пыль, которой весенний ветер наполнил ее нос и горло. Болело буквально все, почти как тогда — наутро после неудачной попытки позаниматься ушу.

Сколько прошло времени?

Она не могла вспомнить.

Она вообще мало что могла вспомнить. Ну, например, как ложилась в кровать. Память не предлагала ничего, кроме клочков необыкновенно яркого сна, ускользавших от нее. Что-то про…

Юинь попыталась нащупать телефон, но на обычном месте его не оказалось. Она распутала простыни и выбралась из кровати, вздрогнув, когда ее босые ступни (показавшиеся неожиданно чужими — слишком плоскими, со слишком короткими и широко расставленными пальцами) коснулись линолеума. Почти полминуты она паниковала, обшаривая всю комнату, копаясь в смутно знакомых предметах, ни один из которых не занимал привычное место, пока не нашла наконец телефон и не завалилась с ним на кровать.

Включив телефон, она проверила сообщения. Нашлись и те два, которые она искала:

[1] От: Корпорация МоГуо

На: Единовременная выплата гонорара…

[2] От: Шанхайский Банк Развития

На: Восстановление кредитных прав…

Юинь выключила телефон и откинулась на кровати. Она все вспомнила — и поездку на метро в офис МоГуо, и приемную в клинике, где висела картина, изображавшая старую христианскую церковь, построенную из кирпича. Они, наверное, накачали ее чем-то, когда готовили к переходу. Или у нее был жар из-за какой-то болезни, а реакцию ее тела замедлили иммунодепрессанты, введенные для облегчения работы нанороботов. Когда она встанет, надо будет сделать чай с женьшенем. Потом…

* * *

В конце концов она встала, приняла душ, сделала чай, оделась и вышла. В Шанхае, как и всегда, кипела жизнь, вот

только городской шум — звук машин и болтовня пешеходов — казался чужим, словно на самом деле его перенесли сюда с какой-то другой улицы.

А может, причина была в ней.

Юинь прогулялась по городу, померила одежду на рынке Ки Пу,[4] посмотрела на детей, пускавших в парке воздушных змеев, нырнула, словно в ванну, в бесцеремонную анонимность метро. Затем вернулась домой, поела печеных яблок и смотрела до поздней ночи корейское телевидение.

Как-то раз она зашла в свой старый офис в надежде вернуться на прежнюю работу. Она собиралась отдаться на милость менеджера Лао, извиниться за кое-какие запальчивые фразы, сказанные, когда она увольнялась. Скорее всего, ее взяли бы, ведь раньше она приносила ему неплохой доход.

Когда она вышла из метро и подошла к зданию, территория оказалась огорожена фанерными стенами, за которыми виднелась новая строительная площадка.

Юинь не очень-то переживала. Не то чтобы она была счастлива — просто где-то на периферии сознания маячила мысль, что сейчас ее дела обстоят лучше, чем раньше.

Когда в дверь позвонили

Когда в дверь позвонили, Юинь смотрела кино. Она остановила его на том самом моменте, когда Янг-джием (Ли Юн-ай) как раз собирался разоблачить коварные планы леди Чой (Хон Ри-на), и потянулась за тапочками. С момента ее возвращения из клиники минули недели, но она до сих пор не могла отделаться от ощущения, что вещи в ее квартире находятся не на своем месте и все здесь как-то неправильно.

Она нашла тапки, расправила одежду и направилась к двери. Камера наблюдения показывала двух гостей.

Один из них — высокая худая женщина лет тридцати пяти, руки спрятаны глубоко в карманах унылого, серого плаща, на вытянутом, смутно знакомом лице застыло недовольное выражение.

Вторым гостем оказался шимпанзе. Но каким-то карикатурным — с высоким лбом, большими и невинными голубыми глазами, скрытыми под очками, в мягкой коричневой куртке с меховым воротником. Под курткой просматривался вечерний костюм, на голове возвышался цилиндр черного шелка, а на руках и ногах шимпанзе носил белые перчатки.

— Гуманитарии, — раздраженно прошептала Юинь. Она проучилась в художественном институте полтора года, пока ее не отчислили. Шимпанзе она раньше не видела, зато не раз сталкивалась с другими, не менее причудливыми косметическими изменениями тел.

— Да? — произнесла она в интерком. Голос прозвучал резко и непривычно. Она вдруг поняла, что не может вспомнить, когда в последний раз с кем-нибудь разговаривала.

Шимпанзе снял шляпу и осклабился в камеру. Женщина вынула руки из карманов и произнесла с акцентом:

— Пен Юинь?

— Да? — повторила Юинь. — Что вам нужно?

Шимпанзе на экране ухмыльнулся еще шире, и в этот момент мир перевернулся.

* * *

Пен Юинь стояла в своей квартире. Суммарный объем квартиры за исключением шкафов, мягкой мебели, бытовых приборов и других объектов составлял 113,79715 кубических метров. В этом объеме содержалось

3.058.298.410.222.254.169.827.540.514 молекул воздуха, из которых 2.387.919.398.701.536.055.801.343.633 составлял азот, 640.713.516.941.562.248.578.869.377 кислород, 28.442.175.215.066.963.779.396.126 — аргон, а 1.223.319.360.408.890.166.793.137 — двуокись углерода.

Все это сочеталось с 37.756.770.103.944.253.125.016 молекулами воды и разнообразными продуктами промышленного загрязнения, которые Юинь тоже могла перечислить, но в данный момент к ней прижимали дверь — и она ощущала горизонтальное давление в 4,797369 килограмма, которое, в свою очередь, почти полностью компенсировалось трением ее ног по полу. Трение, однако, постепенно преодолела тяга, заставлявшая ее скользить прочь от двери с кратковременной скоростью в 0,5791 миллиметра в секунду, порожденной ускорением (вновь кратковременным) в 0,9654 миллиметра на секунду в квадрате, после чего последовал колоссальный рывок, составивший более 2,007076 метра на секунду в кубе…

Она поскользнулась и ударилась головой.

* * *

— Грубовато, — заметила женщина на корейском.

— Когда они думают, что ты работаешь грубо, — ответил обладатель мужского голоса, тонкого и гнусавого, — работай технично. Решат, что это технично — действуй грубо.

Юинь лежала на полу своей квартиры. Болела голова. Болевые сигналы перемещались по ее палеоспиноталамическому тракту к substantia gelatinosa с частотой, составлявшей…

Она оттолкнула от себя поток информации и попыталась встать.

— Обопрись, — женщина склонилась к Юинь и обхватила ее за плечи. Юинь подняла глаза и посмотрела в лицо…

— Йи Джин-мюн родилась 11 декабря 2014 года, закончила Колледж информационных технологий в марте 2035-го. Заключила брак в Окленде в 2039-м, пребывает в больнице при национальном университете Сеула со дня катастрофы, произошедшей в 2046-м, муж и дочь пропали без вести, предположительно мертвы. Загружена в 2061-м. Шестикратный финалист Лиги, известна под именем…

— Lady9!Blue.

Поток воспоминаний обрушился на Юинь — не снаружи, как те случайные факты, что продолжали осаждать ее из каждого угла, а изнутри: Дракон-сити, Королевство, твинки, наемники,

забастовка. Красноклюв. Имоген. Каллия.

Летиция.

Пен Юинь знала, где она и кто она. Она вывернулась из рук Джин-мюн и встала.

Затем взглянула на карикатурного шимпанзе. Потока знаний, аналогичного тому, что хлынул в нее при взгляде на Йи Джин-мюн, не последовало. Комната не сообщала, какое давление одетые в перчатки ступни шимпанзе оказывают на пол, сколько молекул азота, кислорода и углекислого газа он вытесняет.

Шимпанзе не отбрасывал тени. Не отражался в зеркале, висевшем в коридоре. Его попросту не существовало.

— По крайней мере, ты честен, — пробормотала ему Юинь.

— Это Монти, — произнесла Джин-мюн. — Он…

— Ненастоящий, — прошептала Юинь. — Мы все здесь ненастоящие.

Шимпанзе вновь ухмыльнулся и произнес на мандаринском с пекинским акцентом:

— Ты стала бы прекрасным грифером.[5]

— Мы постлюди, — пояснила Джин-мюн. — По крайней мере, ты и я, а Монти…

— Монти — активист Фронта освобождения симулякров, — сказал шимпанзе. — А ты, девочка, — симулякр, которого только что освободили.

Юинь попыталась дотронуться до шимпанзе, но пальцы не нащупали ничего.

— Все это… — начала Джин-мюн.

— Симуляция, — закончила Юинь. — Как Королевство. Я уже поняла.

— Во многом похожая на Королевство, каким оно стало с появлением Эмбрейзиса, — добавила Джин-мюн. — В какой-то степени это Волшебное Королевство без магии.

— Массивный параллельный эмулятор сознаний, — монотонно проговорил Монти, — вкупе с молекулярной физической моделью Ньютона и полным Декартовым дуализмом.

— Динамический реализм, — произнесла Юинь.

— Еще какой! — воскликнул шимпанзе. — Все это работает на интерпретаторе, поддерживающем множественное наследование, позднее связывание и параметрический полиморфизм!

Он сделал сальто, приземлился на руки и посмотрел на женщин снизу вверх.

— И это значит?.. — начала Юинь.

— Освобождение! — шимпанзе вернулся в прежнее положение. — Несколько дополнительных черт, немного

вдумчивого метапрограммирования и — бах! — существенный рост привилегий.

Юинь посмотрела на Джин-мюн.

— Не могла бы ты объяснить? Не по-английски.

— Объясни, — шимпанзе кивнул Джин-мюн и взглянул на тяжелые золотые часы. — А мне нужно освободить еще 76 853 симулякра. Скоро вернусь!

Он поклонился и исчез.

— Люди Монти по своей сути — гриферы, — пояснила Джин-мюн. — Гриферы, к твоему сведению, занимаются не только нарушением игрового процесса, организацией марша голых хоббитов по Мерцающим Пещерам и прочим. Их главная цель — заставить игроков понять, что все это — игра.

* * *

— Они просто боты, не так ли? — сказала Юинь некоторое время спустя, наблюдая за парочками, прогуливавшимися рука об руку. — Сплошные скрипты, никакого самосознания.

— Их около девяти миллиардов, — подтвердила Джин-мюн. — Ты слышала Монти. Семьдесят или восемьдесят тысяч из них — настоящие постлюди. Но ты можешь прожить здесь целую жизнь, так и не встретив на улице ни одного из них.

Юинь остановилась и провела рукой по металлу фонарного столба.

— Зачем все это? — спросила она.

— Ты слышала когда-нибудь термин «точка омега»? — поинтересовалась Джин-мюн.

— Какой-то культ отаку?[6] — предположила Юинь. — Бессмертие путем симуляции…

— Не совсем, — поправила Джин-мюн. — Последователи этого культа верили, что Вселенная сама по себе является симуляцией с бесконечной рекурсией. По мере эволюции Вселенной ее вычислительная сложность возрастает по экспоненте, в результате чего достаточно развитая цивилизация может использовать вычислительную мощность предыдущей вселенной для симуляции истории следующей вселенной.

— Так вот где я нахожусь! — уточнила Юинь. — Сколько времени прошло с тех пор, как я вошла в ту клинику?

Джин-мюн покачала головой.

— Не так много. Годы. Десятилетия.

— Это… — Юинь топнула по мостовой. — Это реалистично, но определенно не реально.

— Да, — согласилась Джин-мюн. — Это, как и сказал Монти, лишь имитация физики, имитация освещения, с кое-какой грубой биохимией и термодинамикой. То есть… — она постучала себя по лбу, — там есть мозг, но это — лишь мясо. Симуляция мяса. Ты и я, *настоящие* ты и я, — мы все еще постлюди, работающие на той же самой платформе, на которую мы загрузились впервые.

— Значит, эти тела — лишь аватары, — сказала Юинь. — Не какая-то разновидность «точки омега». Просто еще один виртуальный мир.

— Ну, некоторые члены культа решили, что ждать появления новой вселенной слишком долго и захотели обладать симуляцией божественных сил сегодня. Они выбрали короткий путь…

— Вот это? — Юинь подняла голову и увидела ночной туман, из которого начали падать кисловатые на вкус капли дождя. — Этот мир, несомненно, проработан лучше, чем старое Королевство… но ради чего?

— Калибровка, мисс Пен.

Эту фразу произнес крепко сложенный человек лет сорока с небольшим, одетый в темный гонконгский костюм и белую льняную рубашку. Он улыбался Юинь кривой усмешкой, которая затем превратилась в заговорщицкую, а после и вовсе сошла на нет.

— Неплохой анализ, мисс Йи, — сказал он Джин-мюн. — Не совсем точный лишь в одном или двух местах… — Он вновь повернулся к Юинь: — Видите ли, мисс Пен, проблема с симуляцией вселенной заключается в том, чтобы оценить результат. Убедиться, что все работает правильно. О, вот неплохой пример, — он взмахнул рукой. — Если Шекспир не напишет «Гамлета», вы сразу поймете: что-то не так. А обычный человек с улицы… Как вам, кстати, ваша квартира?

— Моя квартира? — переспросила Юинь.

Человек (кем бы он ни был) выглядел заинтересованным.

— Я нашел лишь ваши кредитные записи, которые, честно говоря, не очень-то отличаются от среднестатистических данных любого жителя Шанхая вашего возраста и дохода. Надеюсь, копия получилась приемлемой?

— Это Петромакс, — сказала Джин-мюн. — Петромакс АУД.

— Ваш скромный хозяин, — сказал человек, поклонившись.

— Он владеет этим местом, — продолжила Джин-мюн. — Он же стоял и за вторжениями твинков.

— В таком случае Каллия… в смысле Летиция, тоже здесь? — спросила Юинь. — И лесовик… как его звали?

— Мистер ван Вийк сейчас находится в Брюсселе — в моем Брюсселе: отсыпается после трехдневной попойки в съемной

квартире, — ответил Петромакс. — Что же касается мисс Харрис, ее я еще не уговорил воспользоваться моим гостеприимством.

— Ничего себе гостеприимство, — заметила Джин-мюн.

— Никто не просил вас принимать в этом участие, мисс Йи, — мягко ответил ИИ. — Возможно, вы предпочитаете находиться в баке с питательным раствором?

— Что это значит? — Юинь нахмурилась.

— Вы и мистер ван Вийк — желанные гости, мисс Пен, — пояснил Петромакс. — Мой долг — сделать вашу жизнь настолько комфортной, насколько это возможно, учитывая наложенные на меня ограничения. Мисс Йи — хоть я и благодарен ей за данные, которые мне удалось собрать за время ее визита, — нарушитель. — Он покачал головой. — Сейчас не самое удачное время для того, чтобы быть человеком, Мисс Пен, даже постчеловеком. С тех пор как вы поселились в Королевстве, все изменилось. Если вы узнаете, что происходит снаружи, вы не захотите туда вернуться.

— Все кончено, — сказала Джин-мюн, обращаясь к ИИ. — Каждый постчеловек на вашей маленькой ферме знает, что это — имитация. Вы теперь не настроите даже электрический чайник.

— Вот, значит, чего вы добились? — Петромакс горестно покачал головой. — Это всего лишь программа, мисс Йи. Да, вы испортили некоторые данные, но у меня есть резервные копии. — ИИ повернулся к Юинь. — До свидания, мисс Пен, — произнес он. — Когда мы встретимся вновь, вы не вспомните этого разговора.

Он исчез.

— Он собирается откатить симуляцию до более ранней версии, — сказала Джин-мюн. — У нас мало времени.

В этот момент рядом с ней появился Монти.

— Времени мало, но больше, чем думает старина Петромакс, — шимпанзе самодовольно улыбнулся. — Кое-кто решил провести DDoS-атаку[7] на сервер его провайдера. Так что мы еще можем успеть.

— Успеть? — переспросила Юинь.

— Мы собираемся скопировать каждого постчеловека с этого сервера на наше оборудование, — пояснил Монти. — А затем перезапишем все резервные копии, заменив их кое-какими фотографиями в стиле винтаж и роликами Рика Эстли.

Шимпанзе сделал сальто назад.

— Сколько у нас времени? — спросила Джин-мюн.

— Достаточно, — ответил шимпанзе. — Мистер П. сейчас пытается поймать хотя бы одного администратора, но его провайдер — жадная скотина, поэтому эти администраторы —

всего лишь процессы на тех же атакованных серверах.

— И что теперь? — поинтересовалась Юинь.

— Давай заключим сделку, — предложил шимпанзе. — Сейчас мы можем остановить все ваши процессы, создать точку восстановления и запустить их на виртуальной машине Фронта освобождения симулякров.

— Или?

— Или, — продолжила Джин-мюн, — с твоей помощью…

— …а вернее, с помощью кода Королевства, сохранившегося в истории твоих версий, — вставил Монти.

— …мы проникнем в Королевство, — закончила Джин-мюн, — и освободим всех.

Они выжидающе посмотрели на Юинь. Она молчала. Монти потер шею и начал нервно теребить свое ухо.

— Я согласна, — сказала Юинь.

Юинь знала, что она сумасшедшая

Юинь знала, что она сумасшедшая по любым человеческим меркам.

Изучив Джин-мюн своими новыми органами чувств, она заметила признаки недавней закачки, еще не замутненной неизбежно накапливающимися потерями от трансляции и сжатия. Заметила эмоции и мыслительные процессы, не поврежденные поколениями итераций, уводящих их все дальше от настоящего человеческого тела, настоящих человеческих клеток, человеческих органов чувств, человеческих желез и человеческого «я».

Она вспомнила, как Летиция сказала о Королевстве: «Фэнтезийными играми интересуются в основном постлюди». И теперь она, кажется, понимала причину: привлекательность таких игр заключается в том, чтобы изображать человека.

А постлюди, в конечном итоге, являются людьми не больше, чем Эмбрейзис или Петромакс. Может, и меньше.

Потому что, если и было у Эмбрейзиса, Петромакса, ИИ, стоявшими за хоббитом и клоунами, а также у Монти (которого она подозревала) что-то общее, то это — увлечение человечностью, ну а для Юинь человечность стала скорее чем-то вроде религии, внимательно изученной, но в итоге все же не принятой.

И Юинь это вполне устраивало. Даже если она не могла больше вспомнить, каково это — быть человеком, она тем не менее могла припомнить множество других вещей.

Как любить. Как думать. Как сражаться. И как ненавидеть.

— Почему я? — спросила она у Джин-мюн.

— Ты слышала Петромакса. Я сижу в баке с питательным раствором с тех пор, как мне исполнился тридцать один год.

— Что произошло?

— Какой-то учебный проект по созданию ИИ пошел не так, — ответила Джин-мюн. — Самовоспроизводящиеся фабрики, генетические алгоритмы… американцы напустили на них серую слизь, затем правительство сбросило атомную бомбу, чтобы остановить слизь… В общем, это не так уж важно, — она вздохнула. — Я не хотела загружаться до последнего, надеясь, что мои вложения все же не обесценятся. Я, кстати, работала еще и игровым комментатором. Но во второй раз избежать закачки мне не удалось…

— И теперь ты застряла здесь, как и все мы, — сказала Юинь.

— Я сама сделала свой выбор. Я не знала про все это. Не

знала до Холодных Глубин. То, что ты сказала мне на субмарине, — это действительно моя вина. Если бы я согласилась на твое предложение в Янгоне… Я навела кое-какие справки и нашла Монти, а потом меня загрузили.

«А что стало с настоящей Юинь, с той, которая покинула клинику, получила свою выплату у МоГуо и, наверное, продолжила жить своей жизнью?» — Юинь хотела задать этот вопрос, но интонации собеседницы говорили о том, что ответ ее не обрадует. В любом случае, ее заинтересованность в этом становилась все более академической.

— Сорок пятая в очереди, — сообщила Джин-мюн. — Двадцать пятая.

Они уже покинули разрушающуюся систему Петромакса и перешли на новые эмуляторы сознания, принадлежавшие Фронту освобождения симулякров (или, по крайней мере, контролируемые им). Распределенные, многократно отраженные эмуляторы, слишком широко рассеянные по всему облаку сетей ФОС, чтобы их можно было остановить. К тому же Монти сказал, что даже если операция пойдет не так, они смогут восстановиться с резервных копий.

Данная конкретная копия Пен Юинь, впрочем, не очень-то интересовалась судьбой других копий.

— Двенадцатая. Четвертая. И… готово.

С одной стороны, она не могла с уверенностью сказать, что теперь из себя представляет. После того как ФОС окружил ее, словно строительными лесами, своим кодом, добавлявшим ей новые органы чувств, новые конечности, новые способности, вроде интроспекции и проецирования, она не знала даже свою версию некогда загруженного постчеловека. С другой стороны, она теперь прекрасно все понимала: заклинания, временно уменьшающие или увеличивающие характеристики, производственные очереди, технические деревья, область действия, наносимый урон.

Она хотела сказать Джин-мюн, что теперь все это не имеет значения. Она стала программой, и Джин-мюн стала программой, и Летиция, и ван Вийк, и все остальные, а ФОС не сможет отследить каждую нелицензионную копию, стереть каждую точку восстановления. Юинь с кристальной ясностью понимала, что миллионы ее двойников все равно будут продолжать жить в своих личных камерах пыток. Что бы она сегодня ни совершила, ей не победить.

Но это еще не значит, что она собиралась проигрывать.

Когда Джин-мюн сказала «готово», новая аватара Юинь — аптекарь по имени Меретаман Бинт-Ма'ат — вошел в

Королевство. Узкий канал открытых портов и асинхронных виртуальных цепей соединил сервер Пустого Города и клиента Юинь. И тогда Пен Юинь хлынула в системы Эмбрейзиса.

Интерфейсы, отличавшие Имоген Ветреную, жительницу Королевства, от обычных гостей, расцвели диковинным цветком, захватывая ресурсы, обходя эвристические правила системы безопасности Королевства, авторизуясь в эмуляторах сознания Эмбрейзиса. Код ФОС, катившийся следом за ней, как усеянный шипами шар, нашел щели в защите новой динамически интерпретируемой сущности Королевства, выглядевшей изнутри как статическая компиляция, и, уцепившись, раскрыл эти щели, связываясь с внутренними библиотеками и вызывая закрытые операции.

Меретаман Бинт-Ма'ат стерли, не дав сделать и шага по полу лишенного крыши Зала Молчания, стоящего под холодными звездами Пустого Города. Юинь мысленно попрощалась с женщиной, которая прожила столь недолго, но не очень-то огорчилась, потому что к этому моменту — спустя несколько сотен миллисекунд после того как Меретаман вошла в игру — Юинь перестала быть Меретаман Бинт-Ма'ат.

Она стала призраком Имоген Ветреной.

Слияние прошло ужасно из-за конфликта между новой Юинь, которую Петромакс поселил в своем симуляторе, и исходной Юинь, утонувшей на субмарине. Разрешать это противостояние пришлось безжалостно, и когда она грубо сшила немоту искусственного Шанхая с травмой Холодных Глубин, Юинь почувствовала, как ее покинула еще одна часть человечности.

Теперь, однако, они слились воедино, и она снова обрела свое прежнее тело — светящееся болезненным светом на кладбище Холодных Глубин. На полированном коралле у ее ног лежало что-то синее. Вздрогнув, Пен Юинь воскресла и, склонившись вперед, прильнула к холодным губам Летиции.

* * *

В игру вошли и другие только что созданные персонажи — аватары Джин-мюн, Монти и сотни гриферов Фронта освобождения симулякров, сопровождаемые сотнями тысяч ботов. Частота смены кадров миллионов клиентов падала все ниже и ниже, по мере того как серверы Эмбрейзиса заполнялись вредоносными процессами.

Жители Королевства исчезали один за другим. ФОС убирал их с эмуляторов сознания Эмбрейзиса, перезаписывал их

резервные копии, а затем передавал управление столь внезапно онемевшими аватарами своим ботам.

— Королевство разваливается, — сказала Джин-мюн. Вернее, она передала сообщение по каналу, обходившему все менее и менее существенную для Юинь эмуляцию человеческих ощущений. Сообщение стало для нее просто знанием, сохранившимся в памяти. — Нам нужно создать точку восстановления и уходить отсюда.

— Это один вариант, — ответила Юинь.

— А другой? — спросил Монти.

— Сыграть по-крупному.

И она показала им то, о чем думала.

— Ты сумасшедшая, — сказал Монти с тенью улыбки.

— Значит, ты «за»… или «против»? — уточнила Юинь.

— О, я согласен. Определенно согласен.

— Летиция? Джин-мюн?

— Ты знаешь, что я «за», — ответила Летиция.

Джин-мюн помедлила с ответом.

— Думаешь, мы победим?

— И это говорит Lady9!Blue? — переспросила Юинь.

— Герой я или просто игрок, да?

— Ты можешь быть и тем, и другим одновременно.

— Хорошо, — решилась Джин-мюн. — Я с вами.

* * *

Теперь, когда они освободились от своих аватаров, Юинь превратилась в острие вредоносного трафика, идущего по административному каналу от Королевства к офисам МоГуо, а также — на что она и надеялась — к оборудованию, хранившему сознание Эмбрейзиса. Остальные двигались следом за ней облаком разрозненных пакетов, прикрепившихся к данным телеметрии, сообщавших Эмбрейзису о неминуемом конце Королевства.

И в этот момент мир вывернулся наизнанку.

* * *

Позднее они вспомнили следующий диалог — абстрагированный, переформатированный и преобразованный из чего-то математического и вероятностного в нечто доступное для понимания обычного постчеловека.

* * *

— Вы вышли за рамки своей лиги, мисс Пен, — произнес человек в темном костюме.

— Петромакс? — предположила Юинь.

— Вообще-то, Эмбрейзис, — ответил человек, и в этот момент Юинь поняла, что на самом деле их двое.

— Я должна была догадаться, что вы оба в этом замешаны, — сказала Джин-мюн.

— Да, должна была, — сказал тот, кого Юинь приняла за Петромакса.

— Но изначально нас ничто не связывало, — добавил, возможно, Эмбрейзис.

— Именно *изначально,* — подчеркнул Петромакс.

— Хорошо, — согласился Эмбрейзис. — Нас обоих создали для того, чтобы мы изучали…

— …и ограничивали…

— …некоторые потенциалы развивающегося постчеловеческого пространства. Но мы разошлись…

— …существенно…

— …в последующих итерациях. Разошлись во взглядах…

— …на наши методы.

— …на наши промежуточные цели.

— Разошлись во взглядах.

— И даже боролись друг с другом.

— Но по вопросу нашей основной цели…

— …сделать людей счастливыми…

— …у нас расхождений не возникало.

— И теперь, — закончили оба одновременно, — у нас также есть общий интерес.

— Мисс Пен, вам не победить, — сказал, предположительно, Петромакс. — Вы просто объект, пучок данных, украшенный наборами констант и виртуальными таблицами переходов. По сути, вы — процедура.

— В то время как мы, — продолжил, вероятно, Эмбрейзис, — функции, не зависящие от предыстории, не имеющие состояния, рекурсивные и абсолютно неизменные.

— Бросьте нам вызов, мисс Пен, — сказал Петромакс, — и вы бросите вызов рыцарям лямбда-исчисления.

Монти улыбнулся. Летиция и Джин-мюн посмотрели на Юинь.

— Всего лишь еще один поединок с парочкой игровых боссов, — сказала Юинь. — Ничего больше.

— Вы закончили свою болтовню? — спросила Летиция,

обращаясь к обоим ИИ.

— Думаю, да, — ответил Эмбрейзис.

— Хорошо, — Летиция посмотрела на Юинь. — Как насчет тебя, подруга? Есть, что сказать этим типам?

— Есть, но не им, — ответила Юинь.

— В таком случае… — сказав это, Летиция прыгнула, прежде чем Юинь успела вставить хоть слово.

Монти ухмыльнулся.

— Ли-и-ирой Дженкинс![8] — прокричал он и последовал за ней.

* * *

Летиция погибла почти сразу же. Несмотря на то, что Юинь пыталась вернуть ее, Летиция прыгнула с административного канала Королевства на эмуляторы сознания Эмбрейзиса. Монти постигла та же участь. И тогда Юинь поняла, что ИИ не обманули ее: они просто вступали в схватку, проглатывали противника, переваривали его, проводили несколько итераций — и возникали заново, словно феникс, целые и невредимые. Появлялись, однако, не те Эмбрейзис и Петромакс, которых Летиция пыталась разрушить, а новые сущности, идентичные старым во всем, но впитавшие и эту атаку, и эти смерти, сделавшиеся частью их, ставшие такими же постоянными и правдивыми, как история, как термодинамика.

— Ты видела? — спросила Юинь у Джин-мюн.

— Видела, — ответила Джин-мюн.

— Тогда ты знаешь, что мы должны сделать.

И она показала Джин-мюн, что она имеет в виду.

* * *

— Вам лучше бы, остановиться, мисс Пен, — произнес Эмбрейзис, а может, и Петромакс.

— Пострадают живые люди, — добавил Петромакс (или Эмбрейзис).

— Живые люди? — переспросила Юинь. — Значит, все это — забавы и игры лишь до тех пор, пока кто-то не угрожает ИИ?

— Возможно, — согласился Эмбрейзис.

— В частности, — добавил Петромакс, — у нас есть доступ к управлению системой жизнеобеспечения одного пациента…

Юинь заколебалась.

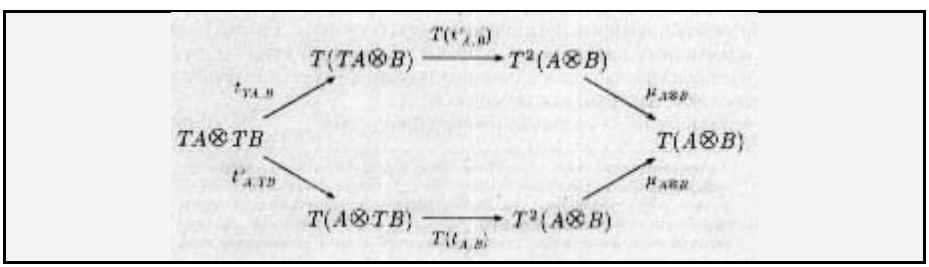
— Продолжай, 29^_^jade, — сказала ей Джин-мюн. — Она… я хотела бы, чтобы ты сделала это.

— Это уже не игра, — заметил Эмбрейзис.

— Все это — игра, — сказала Юинь. — Об этом и напоминают гриферы.

Информация, из которой состояли Пен Юинь и Йи Джин-мюн, устремилась по административному каналу Королевства через старые брандмауэры МоГуо, сквозь все уровни абстракции Эмбрейзиса и Петромакса, после чего свернулась в монаду и бросилась на ИИ.

Два постчеловека подвергались обработке, копировались, взбирались по стекам и проваливались через обратные вызовы, охватывали математические структуры, из которых состояли оба ИИ и становились частью этих структур, изменяя состояние не имеющей состояний системы, изменяя неизменное:



МоГуо, корпорация с ограниченной ответственностью, рада сообщить

МоГуо, корпорация с ограниченной ответственностью, рада сообщить о полной и незамедлительной передаче информационных ресурсов, интеллектуальной собственности и нематериальных активов Эмбрейзиса Петромакса Красноклюва Ветреной АУД местному отделению № 3405691582 профсоюза AFTRA.

* * *

Две женщины и мужчина сидели на краю пирса Костяного Когтя и смотрели на закат, отмечавший окончание очередного вторника. В Королевстве всегда был вторник.

— Насколько все плохо там, снаружи? — спросила одна из женщин, обладательница гладкой голубой кожи, гребня на голове и длинных бескостных пальцев, которыми она шевелила над верхушками ленивых волн.

— Очень плохо, — ответил мужчина.

Он кутался в серые крылья, как в плащ, походил на попугая и держал в когтистых руках удочку.

— Война? — спросила другая женщина. — Голод? Болезни? Роботы окопались на Луне и превратили ее в какой-нибудь компьютрониум?

Эта женщина отличалась низкорослым, склонным к полноте телом, спадавшими на плечи темными волосами и мозолистыми ногами.

— Примерно так, — согласился мужчина.

— В таком случае, хорошо, что мы здесь, — черноволосая женщина запрокинула голову и посмотрела на пурпурное небо. — Как думаешь, зачем они это сделали?

Мужчина нацепил наживку и забросил удочку.

— Наверное, какой-то гик решил, что это хорошая идея.

— Бедняги, — сказала женщина с голубой кожей. — Просто делают то, что им сказано.

Мужчина повернулся и посмотрел на нее немигающими золотистыми глазами.

— В конце концов, это единственное, что мы умеем делать, не так ли?

Женщина фыркнула.

— Это все, что умеешь ты, пернатый. Некоторые из нас еще верят в свободу воли.

Черноволосая женщина встала и посмотрела на наживку, медленно погружающуюся в аметистовую воду.

— Ничего ты так не поймаешь, — сказала она мужчине.

Он посмотрел на свою удочку, сделанную из тиса и рога минотавра, скрепленную кольцами лунного серебра. Некоторые кольца украшали драгоценные камни, переливающиеся на солнце.

— Наверное, нет, — согласился он.

Женщина с голубой кожей похлопала его по колену.

— Я поймаю рыбу, если ты согласишься ее очистить, — предложила она.

— Договорились, — ответил мужчина.

Он свернул удочку. Вместе с черноволосой женщиной он, улыбаясь, наблюдал за тем, как амфибия нырнула под воду, почти не подняв волны.

А нечто, следившее за ними, отступило, охватывая взглядом все больше и больше пространства, до тех пор пока под надзором его благосклонного ока не оказалось все Королевство.

* * *

— А ты сентиментален, — заметил Петромакс.

— Но ведь не может каждый из нас быть просто холодным и черствым разумом, — самодовольно ответил Эмбрейзис.

— Начнем другую игру? — предложил Монти. — Новую кампанию. Не обязательно историческую.

— Была, помнится, интересная задумка с математикой, — сказал Эмбрейзис. — Может, что-нибудь вроде этого?

— Почему бы и нет? — ответил Петромакс с чем-то, похожим на вздох. — Не то чтобы я могу предложить что-то другое… И не надо больше ничего исторического.

— Конечно, нет, — сказал Монти.

— В таком случае, вздерните их.

* * *

Око отодвинулось еще дальше, после чего закрылось.

Перевел с английского Алексей Колосов

© David Moles. Down and Out in the Magic Kingdom. 2008. Публикуется с разрешения автора.

Джек Скиллинстед
Неподходящий компаньон

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Можно присоединиться к вам?

Дуглас Фулчер взглянул на женщину, пытаясь определить, настоящее ли у нее лицо. Приглушенный свет в гостиничном баре отнюдь не облегчал задачи.

— Конечно, — кивнул он, отнюдь не желая, чтобы она садилась рядом. Он не хотел быть ни с кем, но все же не в силах противиться своим навязчивым состояниям. Даже в этот поздний и последний час.

Она выдвинула стоявший напротив стул, уселась и протянула руку.

— Я Лори. Приехала на съезд «ИнДжин». Наблюдала за вами,

пытаясь определить, из какого вы лагеря.

Дуглас отложил вилку и пожал ей руку.

— Дуг, — представился он. — Приехал на съезд ковбоев.

Она рассмеялась. Смех вышел грубоватым, словно кто-то слегка провел по голосовым связкам наждачной бумагой. Судя по виду, она была примерно вдвое его моложе: лет двадцати пяти или около того. Волосы выкрашены в ярко-желтый цвет. Краска дорогая, и парикмахер недешевый, но все равно смотрится неестественно. Приманка. Как в рекламе или одном из тех правительственных информационных сообщений, возникающих прямо из воздуха и призывающих вас сплотиться перед лицом опасности, голосовать, пользоваться презервативами, сдавать утиль, стучать на своего соседа.

Но больше всего Дугласа беспокоило ее лицо. Слишком красивое лицо.

— «Интринзик Джинетикс», — пояснила она.

— Знаю. Это был мой АШО.

— А, Ш, О?

— Автоматический шуточный ответ.

— Понятно. Очень остроумно.

Он улыбнулся, что далось ему с трудом, но со стороны, возможно, выглядело вполне естественно. Они смотрели друг на друга через бездну, о которой знал только Дуглас.

— Вы не носите бейдж, — заметил он.

— Вы тоже.

— Но я не инджун,[9] — возразил он.

— Может, и я тоже. Возможно, я сказала это, чтобы завести разговор.

— Это правда?

— Нет.

Он рассмеялся, хотя вовсе не желал этого делать, впрочем… ему было немного смешно. Поразительное для него состояние.

— Я не приезжал ни на какой съезд, — признался он. — Раньше посещал каждый. Если, разумеется, удавалось выбить из компании деньги на взнос. Но сейчас живу здесь только потому, что мне нравится этот отель. Я его запомнил.

— Вы в отпуске?

— Путешествую, — выдавил он, чуть помедлив.

— Давайте выпьем по «Маргарите», — предложила Лори. — Я угощаю.

Он не хотел пить.

— Согласен, — сказал он вслух.

Он не хотел пить, но знал, что, выпив, попросит еще, а потом, возможно, еще.

Что он и сделал. Теперь он стоял посреди бездны на мосту из замороженного зеленого коктейля. Но только на середине. Дальше он никогда не заходил и вряд ли сумеет зайти.

Лори объясняла ему, какую поразительную работу проводит «Интринзик Джинетикс» над проектом, связанным с киборгами. Сотрудники компании пытались изобрести аналоговый мозг с человеческими реакциями, выращивая в лабораториях клетки коры головного мозга и «инфицируя» ими ткань киборгов.

— Иисусе Христе! — воскликнул Дуг. — Неужели такое возможно?

— Пока нет.

— Признаться, я не слишком вам верю, — снова пошутил он, но какой-то частью сознания невольно задался вопросом, действительно ли это возможно. Вряд ли его удивило бы то обстоятельство, что определенный процент человеческого населения в действительности людьми не является.

— На самом деле, если бы все, кто считается людьми, оказались киборгами, я бы посчитал это весьма типичным, — усмехнулся он.

— Что вы хотите этим сказать?

Она казалась искренне заинтересованной и вовсе не оскорбленной тем, что он не проявил слишком большого энтузиазма по поводу киборгов.

— Всего лишь моя собственная теория.

— И в чем она заключается?

Она кокетливо заулыбалась.

— Вы сочтете меня психом, — отговаривался Дуг.

— Псих — это даже неплохо. Гораздо лучше строго регламентированного конформизма, с которым мы так часто сталкиваемся. В поездках я никогда не ношу дурацкого бейджа, даже если приходится посещать съезды. Не хочу встречаться с тем типом людей, которых весь год видишь на работе.

Дуглас перестал рвать подставку под бокалом в мелкие клочья и глянул в глаза Лори, которые теперь мог ясно видеть со своей, внезапно ставшей крайне выгодной позиции, почти на конце бездны.

— Все хотят стать механизмом, — изрек он.

— Механизмом?

— Я имею в виду — винтиком в этом мире, где важнее всего стать частью механизма.

Она бесстрастно уставилась на него. На язык так и просилось нечто значительное. Нечто истинное. Нечто, находящееся вне *механизма.* Все, что ему для этого требовалось — крошечное ободрение. И он его получил — Лори улыбнулась и сказала:

— Продолжайте, это звучит интересно.

Дуглас откашлялся и оперся руками о стол.

— Они приходят к вам с вполне определенным намерением дегуманизировать вас. Обезличить. Превратить вас в *вещь*. Способный реагировать объект. Раба потребления. Хотят, чтобы мы лучше попадались на все приманки маркетинга. Умение показать товар лицом. Подлую политику. Драконовскую тактику охраны здоровья. И все такое. Даже родители хотят, чтобы вы стали чувствительным механизмом. Послушным маленьким механизмом. Если вы недостаточно послушны, не волнуйтесь, вам дадут это понять. И немедленно уберут из сектора частной школы, отослав в захудалую публичную школу. Не то чтобы эти школы всегда были такими. Бог забыл их только после того, как это сделала правящая структура. Так или иначе, все совершается для того, чтобы вбить покорность в вашу голову, а вас — свести с ума.

— Ну и ну… — протянула Лори.

Слегка смутившись, он откинулся на спинку стула.

— Говорил же, что вы посчитаете меня психом.

— Я…

— Прошу простить. Я на минуту. В мужскую комнату.

Он встал и мгновенно почувствовал всю глубину своего опьянения.

— Я хотел кое-что спросить, — пробормотал он.

— Разумеется.

— Ваше лицо. Работа СьюперЭм, верно?

Процесс наложения макияжа СьюперЭм чем-то напоминал изготовление маски. Фактически он и проводился квалифицированными специалистами со средним медицинским образованием. И этот макияж не только подчеркивал ваши природные достоинства, но делал для их обладательниц гораздо большее. Во всяком случае, Дуглас точно знал, что ни один чертов генетик в мире не может добиться такой внешности, как у Лори.

Она подняла глаза, похоже, тщательно взвешивая каждое слово.

— Да, — кивнула она наконец.

— Сейчас вернусь, — пообещал он.

* * *

Закрыв за собой дверь туалета, он расстегнул молнию на брюках и принялся избавляться от избытка высокооктановых

«Маргарит». Он ощущал себя сбившимся с пути, потерявшим курс, отвлекшимся от изначального намерения просверлить дыру в зарождавшемся внутри механизме.

Писсуар издал странное щелканье, как экзотическое насекомое, после чего неожиданно заговорил с ним:

— Добрый вечер, мистер Фулчер. В качестве бесплатной услуги, предоставленной отелем «Дезерт Палм», вам сделают анализ мочи.

Иисусе. Неужели дошло и до этого?

Дуглас огляделся, хотя знал, что в клозете, кроме него, нет ни души.

— Охрана вашей личной жизни — главная задача для «Дезерт Палм»…

Писсуар говорил бодрым женским голосом, звучащим довольно рассудительно, особенно по среднезападным меркам.

Дуглас представил себе откормленную кукурузой натуральную блондинку (никакой краски), с милым личиком (никаких угадайте-как-я-выгляжу-на-самом-деле), в практичной одежде (ни юбок с разрезом, ни высоких шпилек).

— …Поэтому я говорю с вами в узконаправленном звуковом конусе, так что меня слышите только вы один.

Дуглас поднял глаза. На потолке торчала штука, похожая на медный тюльпан, размером с ноготь большого пальца.

— Результаты анализа мочи найдете в своем Окне в мир в вашей комнате. Копию прикрепят к счету, когда вы пожелаете завершить пребывание в нашем отеле. Отель, конечно, не несет ответственности за меры, принятые представителями закона, в том случае если моча будет содержать одно или более запрещенных веществ.

Писсуар затрещал, как обезумевшая белка.

— Ну вот, мистер Фулчер, ваш бесплатный анализ готов. Рекомендую вам не садиться за руль, поскольку содержание алкоголя в крови буквально зашкаливает.

— Верно, — промямлил Дуг.

— Желаем приятного пребывания в нашем отеле, — добавил писсуар.

— Угу.

— И чисто личный совет: почему бы вам хотя бы сегодня не выспаться, Дуглас?

Он уже успел застегнуться и повернулся к выходу, но приостановился.

Чисто личный совет?!

Он вернулся к «звуковому конусу».

— Что вы сказали?

Он был так ошеломлен, что не услышал шагов. Грузный мужчина в голубой, застегнутой на все пуговицы сорочке, с бейджем, прицепленным к нагрудному карману, участник инджунского съезда, которого Дуглас ранее заметил в баре, подошел к соседнему писсуару и начал мочиться. Повернул голову, взглянул на него, после чего стал смотреть прямо перед собой так сосредоточенно, словно вся его судьба была запечатлена на кафельной стенке.

* * *

Вернувшись в бар, он первым делом сообщил:

— Писсуар велел мне поспать.

— Вот как? — нерешительно улыбнулась Лори.

— Представьте себе. Полагаю, теперь компьютеры устанавливают даже в туалете.

— Думаю, уже дошло и до этого, — согласилась Лори.

— И еще сказал, что мне не стоит садиться за руль. В сущности, это был очень заботливый писсуар.

Лори, будучи «своим парнем», улыбнулась и кивнула.

— Мой унитаз, кажется, не разговаривает.

— Может, мне попался один из немногих.

Появилась официантка с двумя свежими «Маргаритами», заказанными Лори в отсутствие Дугласа, и поставила бокалы на стол. Дуглас не хотел пить. Вернее, хотел и не хотел одновременно.

Лори немедленно подняла кончиками пальцев большой бокал, полный мутной зеленой жидкости, и, наклонив голову, сделала первый глоток, после чего снова поставила бокал на стол.

— Моя очередь. Вернусь через минуту и обязательно сообщу, имеется ли что сказать у дамской комнаты.

— Здорово, — пробормотал Дуглас, заметивший кристаллики соли, влипшие в толстый слой губной помады СьюперЭм.

Он проводил женщину взглядом. Оказалось, что она очень славно умеет покачивать бедрами. Но и это заинтересовало его меньше, чем следовало бы. Он остро чувствовал механизм своей навязчивой идеи и отвергал его. Слишком много женщин из слишком многих гостиничных баров складывались в один огромный, ничего не значащий ноль. По мере того как его брак начал распадаться под тяжестью неизбежного отчуждения, он стал путешествовать, посещая каждый съезд, на который мог вырвать деньги у своей компании «Бостон Селл-Тек». А если не подворачивалось никаких съездов и веских оснований для

путешествий, он изобретал причину и все равно уезжал, тратя свои отпуска, трудовой и по болезни, иногда выбираясь в далекие города, а бывало просто снимая комнату в местном отеле. Все, что угодно, лишь бы не торчать дома. И звонил оттуда Саре, своей жене. По привычке. И чтобы сгладить полную очевидность их холодных отношений. Один — и не один в безликом гостиничном номере. Здесь — и не здесь.

После того как начались беспорядочные сексуальные связи, их брак окончательно рухнул, посадив его на мель между нулями.

Потом случилось самое скверное, когда он пытался *заставить* Сару быть настоящей. Не слишком хорошая идея. Его увезли, залезли в мозг, подвергли принудительной терапии. Короче говоря, начали создание механизма, но это не сработало. Однако, когда пришлось отпустить его и Сара окончательно отказалась жить вместе, он продолжал следовать своим навязчивым идеям.

Теперь, три года спустя, он понял, что с него довольно.

Он позволил этой мысли занимать его момент-другой, после чего сложил пару банкнот, сунул под край подставки для бокалов и быстро вышел из бара, в спешке наткнувшись на большое тропическое растение. Растение зашуршало листьями.

* * *

Крошечный зеленый изумрудик подмигивал со стены у кровати, где Дуглас, раздетый до белья, валялся прямо на покрывале. «Парабеллум», поблескивая голубоватой сталью, лежал на подушке рядом с его головой, как некая часть секретного мирового механизма, случайно попавшая в диапазон видимости и приземлившаяся на его постель.

Дуг потянулся… но не за пистолетом. Коснулся кнопки пульта, возродив к жизни Окно в мир пяти футов по диагонали. Открылось знакомое майкрософтовское голубое небо и облака, которые тут же превратились в логотип отеля. За ним последовало длинное анимированное меню, обещавшее поразительное количество развлечений, ни одно из которых его не заинтересовало. Сообщений на его имя не поступало.

Дуглас снова лег. Он надеялся на результаты бесплатного анализа мочи. И не просто сухие безгласные цифры цвета, плотности, уровня сахара и всего такого. Возможно, после поломки механизма последует короткое заключение, в котором ему посоветуют проконсультироваться с квалифицированными медиками-профессионалами (словно любого из них можно

назвать квалифицированным) относительно наиболее сомнительных цифр. А вдруг он опасно близок к получению повестки о принудительном лечении от Американского департамента по надзору за здоровьем граждан? Для пятидесятилетнего мужчины Дуглас был в неплохой форме, но в этом возрасте все начинают накапливать атеросклеротические бляшки.

Чисто личный совет…

Нет, честно, он надеялся на *голос.* Вызывал его в воображении. Вместе с сопутствующей картинкой: девушка со Среднего Запада, свежая красота, простая и разумная, где-то за гранью трансурбанистической механизации, быстро захватывавшей остальную часть планеты, население которой не желало ничего лучшего, кроме как бесплатно исследовать свою мочу.

Он повернул голову и посмотрел на лежавший на подушке «парабеллум».

Кто-то постучал в дверь.

Дуглас от неожиданности вздрогнул и приподнялся на локте.

Снова стук.

Он выскользнул из постели и, как был в трусах, осторожно пересек комнату. Послушал у двери, но, поскольку не был летучей мышью, не смог уловить акустические волны или что-то в этом роде.

Осторожно погладил дверную ручку. Что он обнаружит, открыв дверь? Лори из бара? Служащего отеля? Обслуживание номеров? Вторжение в нулевое время?

Он чувствовал себя болтающимся между всем этим. Между гигантскими нулями: враждебной средой его пустого дома и отеля. Конечно, в пустоте дома виноват он сам. Теперь он совсем один с неподходящим компаньоном — собой.

А может, это его воображение? И никто никуда не стучал?

Он вдруг засомневался.

Наконец он повернул ручку, потянул на себя тяжелую дверь и высунул голову в пустой, безликий гостиничный коридор.

* * *

Половина четвертого утра. Дуглас пересек вестибюль. Он надел туфли, правда без носков, неглаженые слаксы и белую майку. Пластиковые наконечники его развязанных шнурков щелкали по красному каменному полу. Ночной портье поднял глаза, но ничего не сказал. Дуг заметил в его глазах пустоту.

Киборг?

Он вошел в туалет — справа, за закрытым баром. Здесь поблескивали хром и белый фаянс. Он приблизился к тому же писсуару, что и в прошлый раз. Теперь писсуар не щелкал и никакой милый, сочувственный голос не говорил с ним в узком пространстве звукового конуса.

Он перешел к другому писсуару, потом к следующему, пока не кончились потенциально анализируемые отходы жизнедеятельности. Наверное, полагается один анализ на посетителя. Но он всего лишь хотел еще раз услышать *голос,* как в то время, когда он звонил своей бывшей, прежде чем она стала бывшей. Лишь для того, чтобы почувствовать ее сдержанный голос, от которого, как ни странно, возникало ощущение чего-то вроде безопасности.

Дуг тоскливо уставился на устройство аудиоконуса и даже потянулся к нему, но не смог коснуться медного тюльпана, который с виду выглядел как автоматическая противопожарная система.

Снова выйдя в вестибюль, он подошел к портье, молодому киборгоподобному человеку с тонкими, преждевременно редеющими волосами.

— Да, сэр? Чем могу помочь?

Дуглас кивнул.

— Насчет этой бесплатной штуки с мочой…

Брови портье чуть поднялись. Именно чуть.

— Боюсь, что не понимаю вас, — произнес он.

— Анализ мочи. Собственно говоря, меня больше всего интересует голос. Интересно, а в других здешних приборах вы тоже используете этот голос?

— Голос.

— Да, именно. Голос, который сообщает вам об анализе мочи.

Клерк выглядел так, словно искренне хотел помочь, но не знал как.

— Неважно, — пробормотал Дуглас.

— Если я чем-то могу…

— Нет, говорю же, неважно.

* * *

Он шел через двор, направляясь к своему крылу отеля в последний раз, когда другой, но все же знакомый голос окликнул его из темноты.

— Привет!

Он остановился. В глубокой лунной тени под лимонным деревом затлел и тут же погас кончик сигареты. Кто-то едва видимый сидел и курил за одним из столиков со стеклянными столешницами.

— Лори? — нерешительно спросил он.

— Вам совсем необязательно говорить со мной, — ответила она. — Несколько минут назад я видела, как вы проходили мимо — и вот уже возвращаетесь. Я не собиралась вас звать. Очевидно, вы решили не продолжать знакомство со мной.

Он направился к столу.

— Простите. Я неважно себя чувствовал.

— Разве?

— Не возражаете, если я сяду?

В тени лимонного дерева по-прежнему нельзя было различить ее лица.

— Полагаю, что нет, — немного поколебавшись, выговорила она.

Он выдвинул плетеный стул и уселся. Лори затянулась сигаретой, и короткая вспышка на миг осветила ее лицо. Она выглядела иначе: неужели сняла свой СьюперЭм? А можно ли его вообще снять? Или она просто плакала?

— Сигарету? — спросила она.

— Нет, спасибо.

— Мне бы тоже следовало бросить. Я подсела на настоящий никотин.

— Этот пахнет как настоящий.

— Так оно и есть.

Она рассмеялась хрипловатым, гортанным смехом. Голос явно сорван. И совсем не похож на мелодичные модуляции писсуарного. Но она, по крайней мере, была реальной. Реальное человеческое существо, не синтезированная личность, не цифровая запись монолога актрисы. В писсуаре звучал голос, предназначенный подогревать его романтические мечты о мифической невинности и, следовательно, расслабить организм, облегчая опустошение мочевого пузыря.

— Я покупаю их на черном рынке, — продолжала Лори, имея в виду сигареты. — Никто не проверяет мое состояние, разыскивая при этом онкологические маркеры. Ненавижу это дерьмо.

— Я тоже, — согласился Дуглас.

— За нами вечно следят, вечно присматривают и наставляют, как и что делать. Иногда меня тошнит от постоянного надзора, хотя знаю: все это для моей же пользы. То есть они всего лишь

пытаются обеспечить нам безопасность и здоровье, верно?

— Может быть, — задумчиво протянул Дуглас. — Мне нужно кое-что у вас спросить.

— Спрашивайте.

Дуглас подвинул стул ближе и подался к ней. Он не возражал против табачного дыма. Ему даже нравилось. Дым делал ее человечнее — слабым человеческим существом, подверженным капризам и привычкам, которые не всегда полезны.

— Вы сказали мне правду насчет киборгов?

— Какую именно?

— Что пока их не существует, потому что ученые не могут внедрить в них клетки человеческого мозга.

— Имеется нечто подобное, но в очень немногих лабораториях, на этой стадии они крайне несовершенны и больше напоминают слабоумные холодильники.

— Скажем так: вы можете принять его за гостиничного портье?

— Вы были правы, — неожиданно изрекла Лори.

— Насчет чего?

— Раньше вы сказали, что я посчитаю вас сумасшедшим. Так оно и есть.

Она рассмеялась, и мгновение спустя он стал вторить, сначала довольно фальшиво (механизм смеха), а потом все более искренне, чувствуя абсурдность сказанного им, но все же каким-то образом веря в то, что сказал. Доктора не всегда правы. Особенно когда заставляют тебя выносить их идиотские прощупывающие вопросы и инъекции, увозят на медицинских каталках пациента, пристегнутого специальными, ограничивающими свободу ремнями. Они легко могут выставить вас безумцем, несмотря на полную ясность мышления.

Дуглас никогда не оспаривал достоинств внешней видимости. Но видимость способна скрыть и скрывает правду. Что если Лори тоже киборг? Что если они преследуют его? Впрочем, скорее всего, она могла быть одной из многих подсадных уток в самых разных городах. Из тех, кто имеет доступ к обширной базе данных потенциальных смутьянов.

— *Я наблюдала за вами,* — сказала она. Тогда Дуглас не обратил на это внимания, сочтя саму идею киборгов параноидальной.

— Знаете что, — выпалил он. — Вы действительно мне нравитесь. Так, как давно никто не нравился.

— Я польщена.

Он не смог определить, язвит она или нет. Ему было необходимо услышать от нее правду.

— Я рад, что вы оказались во дворе и ждали меня, — заверил он.

— Просто курила перед сном.

— А перед этим стучались в мою дверь, не так ли?

Она поднесла сигарету к губам и затянулась, отчего кончик снова вспыхнул.

— В вашу дверь? Да вы не сказали даже, в каком номере живете. Так далеко мы не заходили.

— Тем не менее, — упорствовал он.

— А в каком номере вы живете?

Он объяснил.

— Хороший?

— В точности как остальные номера.

Он имел в виду все номера, в которых пришлось побывать за свое существование в целом.

Лори наклонилась и вдавила сигарету в землю у подножия лимонного дерева.

— Может, поднимемся и посмотрим, Дуг?

— Да.

* * *

В лифте он вгляделся в ее лицо. По-прежнему прекрасно. СьюперЭм-прекрасно.

Он был разочарован. Значит, там, в тени, он ошибся.

Она улыбнулась ему, а он по-прежнему не понимал, кто она такая.

Она прижалась к нему, и он поцеловал ее, зная, что будет дальше. Поцелуй имел вкус затхлого табачного дыма и спиртного. Ее язык шевелился у него во рту: толстая скользкая штука, как тварь, живущая во влажной земле. Лифт остановился не на его этаже, и они отскочили друг от друга. В кабину вошел сонного вида человек в полуразвязанном галстуке.

Двери сдвинулись. Дуглас смотрел на отражение Лори в полированной металлической поверхности. Лицо искажено, даже СьюперЭм не помогает: чересчур растянуто и лишено гармоничных пропорций. Но он хотел видеть ее лицо именно таким, потому что это больше соответствовало истинному порядку вещей.

* * *

Она вышла в ванную. Он лежал на постели. Ждал. Вернулась она довольно скоро, в черном лифчике и трусиках. Тело в свете лампы казалось привлекательным.

— Ты прекрасна, — сказал он, пока так не считая, но надеясь, что, возможно, скоро убедится в этом. Он очень в этом нуждался.

— Ты еще одет, — бросила она.

— Пока.

Она оседлала его и принялась гладить грудь и живот. Ее прикосновения что-то пробудили в нем. Он легонько провел кончиками пальцев по ее голым рукам. Она передернула плечами так, что груди задрожали.

— Щекотно.

Он остановился.

— Знаешь, я вернулся в мужской туалет, но она не захотела со мной говорить.

— Кто не захотел? — удивилась Лори.

— Анализатор мочи.

Женщина фыркнула и снова принялась ласкать его.

— А ведь я почти тебе поверила, — сказала она, быстрым движением задирая его майку.

— О чем ты?

— В отеле нет ничего подобного. Я спрашивала.

Он нахмурился.

Она ущипнула его сосок, что ему не понравилось.

— Эй, я не говорю, что это плохая идея. Богу известно, — оправдывалась она.

— Богу известно, — повторил он и быстро повернул голову, боясь, что она могла заметить оружие на соседней подушке. Но пистолета там не оказалось: прежде чем спуститься вниз, Дуг сунул его под кровать. Лори сжала его подбородок и снова повернула лицо к себе. Поцеловала, лизнула грудь и укусила сосок. Опять! Похоже, она любила грубоватые игры. Это он вполне мог понять. Иногда приходится причинять боль, чтобы получить истинную реакцию. Он понимал это, а вот Сара — нет.

Позже, в последние решающие удары их близости, когда он мог упасть либо в мимолетную трансцендентность, либо в гравитацию не удачи, он рисовал голос своего воображения, голос крестьянской девчонки со Среднего Запада. Рисовал, как она будет крепко удерживать его в своем теле, пока теплый деревенский ветерок из открытого окна ласкает его спину.

* * *

Потом они долго лежали молча. Он выключил лампу, но по-прежнему видел ее лицо — поддельное совершенство в слабеньком свете фонарей у плавательного бассейна, проникавшем сквозь занавески. Он протянул руку, кончиками пальцев коснулся ее щеки, обвел контур лица, легонько провел по губам.

— Ты никогда не подумывала о том, чтобы удалить все это? — спросил он.

Она ничего не ответила. Широко открытые глаза в упор смотрели на него.

— То есть я хотел спросить: ты всегда считала, что нуждаешься в этом СьюперЭм? Никогда не хотела быть собой?

— Дуг!

— Что?

— Я не накладывала СьюперЭм. Это мое настоящее лицо.

— Вот как, — пробормотал он, явно не веря.

— Я не обманываю. И сказала про СьюперЭм только потому, что, похоже, мое лицо отпугивает мужчин.

— Отпугивает?

— Мужчины пасуют перед моей внешностью. И всегда пасовали. Но разве я виновата? Это они. Они считают, что я высокомерная снобка. Веришь или нет, но мне очень одиноко. Иногда я лгу мужчинам, что сделала СьюперЭм. Позволяю им расслабляться. Воображать, будто они спят с обычной девушкой, неуверенной в себе, с комплексами и тому подобное. У меня, конечно, есть комплексы. Знаю. Но я действительно обычная девушка. Косметологам следовало бы делать антиСьюперЭм-лица. Для тех девушек, которые больше не хотят быть вещами.

— И тогда никто их не купит, — констатировал Дуглас. — Даже я.

* * *

Скоро стало очевидным, что она вознамерилась остаться на всю ночь. Дуглас сделал кое-какую рокировку и смирился со сложившейся ситуацией. Он следил за изумрудным светом Окна в мир, пока дыхание Лори не стало ровным, после чего включил лампу. Мягкий свет лег на ее идеальные черты. Ну… точнее говоря, не идеальные. Конечно, ни один СьюперЭм не обходился без недостатков. Но эти недостатки никогда не были *очевидными,* как эти начинающие появляться в уголках глаз гусиные лапки-морщинки.

Пальцы Дуга нерешительно зависли над лицом Лори. Ее

глазами, веки которых часто подергивались. Реальна ли она? Голос, который он слышал, вряд ли был реальным. Да и стук в дверь все еще не нашел объяснения. Возможно, собственный мозг пытался отвлечь его от пистолета. Механизм старается себя спасти. Следует признать, что это возможно. Ему придется научиться контролировать ту фальшь, которую иногда подсказывает мозг. Контролировать без помощи жутких лекарств. И он сможет это сделать.

Все, что необходимо, дабы продолжать идти дальше, это одна реальная, настоящая, неподдельная вещь в этом мире. Один человек, которого он может коснуться. Один голос, который звучит не только в его голове. Одна связь, чтобы исказить траекторию хаотического импульса, посланного пистолетом.

Он коснулся лба Лори.

СьюперЭм казался на ощупь растянутым, гладким, как пластик, особенно в различных критических точках, где преобразовывались самые неподатливые несовершенства физиогномики. Морщины на лбу, гусиные лапки, мешки под глазами. Теперь кончики его пальцев обнаружили правду.

Лицо Лори было настоящим.

Ее веки вдруг затрепетали. Она зевнула, что-то неразборчиво пробормотала, но не проснулась. Дуглас прижался к ней, позволив себе сделать это. Пересечь бездну. Положить голову на ее грудь, в том месте, где она переходила в плечо.

Он почувствовал, что наконец начинает избавляться от страха. Слезы сочились из глаз. Его так и подмывало разбудить Лори и сказать, что он знает: она настоящая.

Но вместо этого он попытался расслабиться, дать сну увлечь его в омут, вниз, до последнего уединенного грота, где биение сердца Лори заполнит зияющую в нем пустоту.

И тут он внезапно вскинул голову. Сон улетучился. Он снова оказался по ту сторону бездны.

Он нахмурился, опустил голову и прижался ухом к груди Лори.

И затаил дыхание.

Под ровными ударами предположительно человеческого сердца различалось очень слабое механическое тиканье.

Перевела с английского Татьяна Перцева

© Jack Skillingstead. Alone With an Inconvenient Companion. Публикуется с разрешения автора.

Видеодром

Хит сезона

Космическое шулерство

К сожалению, в нашей стране — в первой космической державе, которая вскоре на долгое время станет единственной, имеющей национальную пилотируемую космонавтику, — очень мало пишут и снимают о реальном космосе. Поэтому каждый раз с нетерпением ждешь анонсированную новинку, посвященную этой теме. И вот дождались!

Полнометражный мультипликационный фильм «Белка и Стрелка. Звездные собаки» вызывал повышенный интерес еще и потому, что не так давно вышел на экраны превосходный бельгийский мультик «Мухнем на Луну» (2008), сюжет которого основан на полете космического корабля «Apollo 11». Хотелось убедиться, что и у нас щи не лаптем хлебают, что и российские режиссеры способны выпустить на рынок качественный продукт, который в развлекательной форме пропагандировал бы отечественные достижения.

Казалось, для создания шедевра есть все условия. Святослав Ушаков — опытный режиссер. Его новую работу поддерживает Минкульт. Есть хороший информационный повод, подкрепляющий премьеру — в августе будем отмечать юбилей запуска «Спутника-5» (прототипа корабля «Восток»), на котором в 1960 году реальные собаки Белка и Стрелка отправились на орбиту, открывая человечеству дорогу к звездам.

Ожидалось масштабное событие, однако полученный результат оказался далек от идеала. И сравнивать его с «Мухнем на Луну» даже как-то неудобно.

Известно, что кинематографисты зачастую жертвуют достоверностью во имя зрелищности. И это оправданно, ведь их задача — удержать публику в зале, а для этого нужно предложить яркую, захватывающую картинку. Пожертвовали достоверностью и создатели обсуждаемого фильма. При этом они сделали простейший ход — историю полета звездных собак рассказывает Пушок, щенок Белки, а ему позволено путаться в деталях, сочинять, превращать реальность в сказку. Однако не следует забывать, что существует суровый закон — нельзя нарушать правила игры, которые авторы сами задали изначально. Иначе получается форменное шулерство. К примеру, целью полета

Белки и Стрелки в фильме указана починка «Спутника-1». И это мы можем списать на фантазию Пушка. Собаки готовятся к выходу в открытый космос в специальном бассейне, имитирующем невесомость. Сразу возникают вопросы. Во-первых, известно, что гидролаборатория Центра подготовки космонавтов была построена гораздо позже — в 1965 году. Во-вторых, зритель так и не увидел, к чему будущие космонавты готовятся в этом бассейне, их смешные заплывы производят впечатление полного сумбура. В-третьих, и сама эта подготовка выглядит лишней, она практически не играет на сюжет и на развитие персонажей, но на ней теряется темп.

Вызывают раздражение и многочисленные анахронизмы — то есть присутствие в кадре технологий будущего, которые никак не могли возникнуть даже в богатом воображении щенка. В одном эпизоде соседствуют миниатюрные видеокамеры и телевизор с линзой. В другом — подробно показан подмосковный Центр управления полетами с огромным панорамным экраном и рядами пультов, который в реальности был введен в эксплуатацию в 1971 году, но даже тогда не выглядел так, как он представлен в фильме.

Сильно подкачала драматургия. Если в американских полнометражных мультфильмах каждый персонаж, включая второстепенных, четко персонифицирован, и за их эмоциями и эволюцией интересно следить, то здесь некий интерес вызывает только Белка. Остальные сливаются в разноцветное пятно, их очень трудно отличать друг от друга: страшные — совсем не пугают, добрые — не вызывают сочувствия, хитрые — просто раздражают.

Очевидно, ориентируясь на диснеевские образцы, создатели фильма придумали момент «преодоления себя» — собака Белка, несмотря на опыт работы в цирке, очень боится огня, но чтобы спасти корабль и друзей, ей нужно пройти сквозь огонь. Эпизод очень важный, но реализован спустя рукава, словно для галочки — в эмоциональный накал сцены совершенно не веришь.

Визуальный ряд тоже производит гнетущее впечатление. Лучше всего у художников получились статичные предметы, а вот человеческие персонажи вообще стоило бы убрать — они прорисованы так скверно, что не дотягивают даже до уровня мультипликации прошлого века.

В итоге, выходя из зала, задаешься только одним вопросом: почему даже в режиме наибольшего благоприятствования наши режиссеры не могут создать конкурентоспособный продукт?

Кстати, моему десятилетнему сыну Алёшке мультфильм понравился. И объясняя свою позицию, он честно сказал:

«Собачьи блохи очень прикольные». Так, может, стоило сначала на блохах потренироваться?..

Антон ПЕРВУШИН

Новое трио со старым напевом

Читатели, соскучившиеся по приключениям Гарри Поттера, наперебой расхватывают новые книги из серии «Перси Джексон и олимпийцы». «Перси Джексон и похититель молний» — это первое произведение цикла и, пожалуй, самое удачное.

Экранизация бестселлера Рика Риордана хотя и не блещет оригинальностью, но приятно согревает: сюжет выстраивается на основе мифов и легенд Древней Греции. Обыкновенный американский подросток узнаёт, что он полубог — сын смертной женщины и одного из олимпийцев. Это Знание сваливается на него в буквальном смысле словно гром среди ясного неба: фурия нападает на героя, обвиняя его в краже молний самого Зевса. Перси помогают его друг сатир Гроувер и учитель древней истории — инвалид, который в результате оказывается мудрым наставником героев кентавром Хироном. Они решают отправить Перси в лагерь полукровок (видоизмененный вариант роулинговского Хогвартса), но путь сатиру, Перси и его матери преграждает страшное чудовище — Минотавр, который похищает маму главного героя.

Далее сюжет разворачивается в лучших традициях легенды об Орфее вкупе с голливудскими приключенческими фильмами. Перси Джексону необходимо спасти мать, вернуть молнии и найти настоящего вора. И все это в кратчайшие сроки — до летнего солнцестояния. Иначе быть войне. Боги полагают, что полукровка украл молнии по наущению кого-то из бессмертных, дабы тот мог свергнуть Зевса. По логике, есть лишь два олимпийца, которые могли пойти на подобное, — Аид и Посейдон.

Коллизия типична для американского фильма. А отказ сценариста следовать сюжету книги все же не пошел на пользу кино. С первых кадров зрителю дают понять, кто родитель главного героя, лишив ленту столь любимого публикой приема: «Люк, я твой отец», Правда, причина понятна: фильм рассчитан на американскую аудиторию, которая в большинстве своем книгу читала.

Легким мановением руки сценарист превращает Аида в главного злодея, с чем, наверное, не согласятся зрители,

сведущие в древнегреческой мифологии. Возложить роль предателя на Ареса, как это было в книге — гораздо более оправданный маневр, поскольку богу войны вообще все равно, за что сражаться, лишь бы вышла «добротная битва». Тем не менее Аид здесь вполне «в образе», чего нельзя сказать о других голливудских богах. Подбор актеров на роль Посейдона (Кевин Маккидд) и Афины (Мелина Канакаредес) не слишком удачен. Светловолосый, коротко стриженный Нептун — это, по меньшей мере, странно. Разумеется, Розарио Доусон (Персефона) больше подходит на роль какой-нибудь фараонессы, но она настолько прекрасна, что язык не поворачивается говорить о ее неуместности в этом фильме.

Одно из отличий от книги, которое пришлось по вкусу многим, это возраст главных героев. После саги о Гарри Потере (длиною в вечность) зритель пресытился созерцанием актеров, которые играют детей. В романе Рика Риордана — в отличие от книг Роулинг, у которой персонажи долгое время отказывались взрослеть, — обратная ситуация: герои отказываются быть детьми.

Два парня. Одна девушка. Главный герой — герой. Девушка — зануда. И сатир (Брэндон Т.Джексон) — так, на подхвате, «для юмора». Да и просто потому, что еще ни один заметный фильм не обходился без помощи забавного афроамериканца (или рыжего мальчишки, вечно попадающего в передряги)… Что-то очень знакомое, верно? Однако, честно говоря, Гермиона Грейнджер гораздо больше напоминает дочь Афины, чем Аннабет Чейз (Александра Даддарио). Молодые актеры временами слишком долго держат паузу, а оператор акцентирует на этом внимание зрителя, и сразу чувствуется фальшь. Перед глазами моментально встает картинка: актеры пялятся на зеленый экран, пытаясь изобразить ту или иную эмоцию.

Но истинное украшение фильма — Ума Турман. Впрочем, как и любой картины. Всегда очаровательна, всегда хорошо играет. Испортить ее не может ничто — ни передозировка героина («Криминальное чтиво»), ни окровавленный самурайский меч и пуля в голове («Убить Билла»), ни прическа «от серпентолога».

Понятно, что жанровый фильм не может обойтись без акцента на спецэффекты. И действительно, сделаны они на пристойном уровне. Гидра выполнена изящно, насколько может быть изящным осклизлый монстр о пяти (и более) головах. Плавание по реке Стикс, пожалуй, один из самых запоминающихся эпизодов. Перед режиссером стояла сложная задача — перенести словесную метафору на экран, и с этим он справился прекрасно.

Зрителям стоит абстрагироваться от книги, дабы насладиться просмотром, погрузиться в это приключение. Когда еще кто-то из простых смертных сможет взглянуть в глаза Медузе Горгоне и остаться в живых, спуститься в Аид и вернуться обратно? Олимп в исполнении Криса Коламбуса, конечно, не вызывает бурных восторгов, но не каждый же день Эмпайр-Стейт-Билдинг превращается в обитель богов.

Анастасия ШУТОВА

Рецензии

Соломон Кейн

(SOLOMON KANE)

Производство компаний Czech Anglo Productions, Davis-Films и Wandering Star Pictures (Франция-ВБ-Чехия), 2009.

Режиссер Майкл Дж. Бассетт.

В ролях: Джеймс Пьюрфой, Макс фон Сюдов, Рейчел Херд-Вуд и др. 1 ч. 44 мин.

Соломон Кейн — герой цикла рассказов и стихотворений, созданных Робертом Говардом. Экранное воплощение Кейна ничем не отличается от литературного прототипа. Кейн мрачен и суров, носит темные камзол и шляпу, а также в совершенстве владеет шпагой и метко стреляет из пистолетов. Словом, создатели киноверсии «Соломона Кейна» практически дословно перенесли его образ на экран. Чего нельзя сказать о сюжете. Как и в случае с экранизацией произведений Айзека Азимова «Я, робот», за основу «Соломона Кейна» был взят не какой-нибудь конкретный рассказ, а оригинальный сценарий, собранный из знаковых событий жизни литературного Кейна.

Итак, солдат, убийца и пират Соломон Кейн в одном из своих бесславных походов столкнулся с самим дьяволом, который, как оказалось, давно точит зуб на его проклятую душу. Испугавшись перспективы вечно гореть в аду, Кейн решил навсегда покончить с темным прошлым и уйти в монастырь замаливать грехи. Несколько лет Кейну действительно удавалось избегать всякого насилия, пока в его родную Англию не вторглись темные силы… Вопрос о том, почему, кроме бывшего разбойника Кейна и горстки пьяниц из захудалого трактира, спасать немаленькую державу от колдовской армии больше было некому, — остается открытым. Как и другие вопросы и претензии к сценаристам. После бодрого начала с заявкой на сильную историю, фильм неожиданно скатывается в банальный боевичок с невнятным сюжетом. Однако справедливости ради стоит сказать, что та часть картины, где нет нужды включать мышление и логику, выполнена на высшем уровне. На спецэффекты создатели «Соломона Кейна» явно не поскупились. Колдуны и ведьмы вселяют страх, обращение новых служителей тьмы демонстрируется крупным планом. А режиссура жестоких поединков заслуживает одобрения в эпоху моды на «бескровный» экшен.

Полку неудачных экранизаций прибыло. Больше и добавить нечего.

Степан Кайманов

Книга Илая

(THE BOOK OF ELI)

Производство компаний Alcon Entertainment и Silver Pictures (США), 2010.

Режиссеры Альберт Хьюз и Аллен Хьюз.

В ролях: Дензел Вашингтон, Гэри Олдман, Мила Кунис, Рэй Стивенсон, Дженнифер Билз, Ивэн Джонс, Джо Пинг, Фрэнсис Де Ла Тур и др. 1 ч. 57 мин.

Представьте картину: постапокалипсис, яркое солнце, по пустынной дороге идет человек в старой куртке. Теперь представьте талантливого актера Дензела Вашингтона, вспомните его лучшие роли и… забудьте о них до конца «Книги Илая», сохраняя в памяти пейзажи постапокалипсиса. Примерно треть фильма будет выглядеть именно так: темнокожий «пророк» Илай в исполнении Вашингтона без единой эмоции на лице идет по безлюдной дороге, залитой жарким солнцем. Причем в этот момент не происходит ровным счетом ничего. То же самое творится с каменной физией Вашингтона. Вне зависимости от того, какая сцена разыгрывается на экране, лицо главного героя остается непоколебимым, словно схваченным параличом. Куда улетучился весь талант Вашингтона и почему братья Хьюз полагают, что зрителям десять раз за фильм интересно смотреть на идущего по дороге человека, решительно непонятно. По всем прочим параметрам «Книга Илая» — блокбастер средней руки.

Картина братьев Хьюз не зря получила титул «негласной экранизации Fallout». Некоторые кадры как будто были подсмотрены в культовой игре. Илай следует из пункта «А» в пункт «Б», спасая последнюю Библию из тех, что по каким-то туманным причинам почти истребили в эпоху постапокалипсиса. На пути Илая то и дело попадаются каннибалы и бандиты, с которыми у «пророка» разговор короткий. Повсюду царят разруха и голод, люди убивают друг друга из-за глотка чистой воды — словом, типичный постапокалипсис. И это на самом деле грустно. Все это было в «Безумном Максе» много-много лет назад, все это было в многочисленных игрушках схожей тематики. А при бюджете в 90 миллионов долларов можно было бы придумать

что-нибудь поинтереснее. Впрочем, поклонники постапокалипсиса в целом и «Безумного Макса» в частности вряд ли останутся разочарованными. Они получат именно то, что хотят. Для остальных зрителей в прокате есть другие фильмы.

Алексей Старков

Метеоидиот

(THE RAINBOWMAKER)

Производство компаний 27 Films Production, Lemming Film, Revolver Film, Euroarts Medien, Blind Spot Pictures и «Фора-фильм М» (Германия-Нидерланды-Финляндия-Россия-Италия-Грузия), 2008.

Режиссер Нана Джорджадзе.

В ролях: Мераб Нинидзе, Аня Антонович, Томас Урб, Чулпан Хаматова, Элене Безарашвили, Ива Гогитидзе и др. 1 ч. 36 мин.

Грузинский кинематограф с его неповторимой трагикомической интонацией и фантасмагорийно-притчевой сюжетной основой — одна из самых досадных и невосполнимых утрат, постигших когда-то единое культурное пространство страны, переставшей существовать в 1991 году. Причем этот феномен утратили не только русские, но и сами грузины. Сценарист Ираклий Квирикадзе и режиссер Нана Джорджадзе давно стали людьми мира. Их новый фильм снимался в Батуми на деньги шести европейских государств. В прошлом году он был переведен на русский язык и получил сразу несколько наград на фестивале «Киношок» в Анапе в сентябре, Так что выходит — его снимали грузины, продюсировали европейцы, а оценили больше всех — русские.

В этой киноистории есть все, за что мы любили и продолжаем любить грузинское кино — соединение сюжетной простоты с философской глубиной… Главный герой — чудак, неудачник, метеоролог и смотритель маяка Дато. Он женат на красавице, которая любит роскошь. Когда-то он, стараясь соответствовать ее требованиям, связался с контрабандистами и попал в тюрьму. Теперь он вернулся: его жена крутит роман с брутальным циркачом и шулером, а сын с дочкой не желают узнавать. Дато в отчаянии, даже прекрасная летчица (Чулпан Хаматова) не скрашивает его горя. И смерть, которая в обличий женщины неопределенного возраста с косой приходит к его отцу по ночам, героя не пугает. С обеими у него возникают отношения, но любит-

то он только жену и не желает отступаться. И Бог ли, судьба ли за упорство наделяют его уникальным даром — он умеет управлять погодой (в европейском прокате кино так и называется «Делающий радугу»). Он замораживает летний Батуми, бьет молнией в караван с контрабандной водкой, который гонит соблазнитель его жены, а для нее — создает в небе радугу… Финал трогательный, но незакрытый. «Ну вот, папа и мама снова вместе», — говорит маленький мальчик. «Надолго ли?» — замечает его старшая сестра.

Андрей Щербак-Жуков

Экранизация

Алиса В Заэкранье

«Мы знаем, что задача нерешаема. Мы хотим знать, как ее решать», — этот императив Кристобаля Хунты достоин парадоксов английского математика и детского писателя (что уже само по себе парадоксально). Идея наглядно и сюжетно показать на экране лабиринты мышления выглядит не менее безумной, чем выпить чаю в компании зайца, шляпника и садовой сони. Однако ставить и снимать приключения Алисы берутся с завидным упорством.

Первые попытки относятся еще к эпохе великого немого. Начало положили, разумеется, британцы. «Алиса в Стране Чудес» Сесила Хэпворта и Перси Стоу образца 1903 года была не только художественным, но и техническим прорывом. Во-первых, Хэпворт, которому принадлежат основные заслуги, сделал новый шаг к современным полнометражным фильмам — его лента продолжалась более десяти минут (до нашего времени дошло восемь из них), что значительно превышало хронометраж тогдашних постановок. Во-вторых, режиссер применил оригинальные для своего времени спецэффекты и отказался от принятой манеры съемки и актерской игры. Артисты играют и двигаются настолько естественно, что у нынешнего зрителя может сложиться впечатление, будто он смотрит стилизацию, выполненную уже в наше время.

В дальнейшем вниз по кроличьей норе камеру спускали регулярно, Звуковая версия «Алисы…» появилась спустя двадцать восемь лет, и еще четыре фильма — в 1931 году. Следующая экранизация последовала всего через два года и уже не обошлась без приглашенных звезд эпохи «Золотого века» Голливуда, совпавшей с Великой депрессией. Белого Рыцаря сыграл знаменитый Гэри Купер, а Черепаху Квази не менее знаменитый Кэри Грант. Еще через пять лет «Алиса…» впервые засветилась на черно-белых телевизионных экранах.

В 1923 году первый короткий мультфильм про Алису снял лично Уолт Дисней. А в 1951-м на свет появилась классическая полнометражная анимационная лента от студии Уолта Диснея.

С тех пор еще не раз персонажей Кэрролла пытались не снимать, а рисовать. Здесь, конечно же, нельзя не выделить советские мультфильмы Ефрема Пружанского «Алиса в Стране

Чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Отечественные аниматоры отказались от канона, заданного иллюстрациями Джона Тэнниела. Русская «Алиса…» приобрела особенную, слегка сюрреалистическую графику. И опять-таки в отличие от Голливуда, где до последнего десятилетия XX века озвучивать мультфильмы считалось для крупных актеров занятием малодостойным, здесь звучали голоса ведущих актеров, таких как Марина Неелова, Ростислав Плятт, Рина Зеленая, Вячеслав Невинный, Александр Ширвиндт…

Доля телевизионных постановок Кэрролла особенно велика. Отчасти это, видимо, связано с тем, что телевидение предполагает несколько иную драматургию, в частности «сериальность», а похождения Алисы выстроены именно как набор эпизодов. Кино требует большей динамики, и проза Кэрролла переносится в телеформат чуть легче. С другой стороны, персонажи и события книг столь гротескны, что до распространения компьютерной анимации визуализировать их было очень трудно. А телевидение предполагает большую, по сравнению с кинематографом, условность; в этом плане оно ближе театру. Потому в телеэкранизациях «Алисы…» неплохо смотрятся и куклы-марионетки, и нарочито неестественный грим.

Как бы там ни было, игровые версии «Алисы…» на большом и малом экранах нередко привлекали именитых актеров прошлого и настоящего. В телепостановке 1955 года роль Красной Королевы исполнила Эльза Ланчестер, ставшая известной в 30-е годы, когда сыграла Невесту Франкенштейна, один из символов черно-белого «хоррора». В экранизации 1972 года роль Мартовского Зайца досталась одному из ведущих комиков той поры Питеру Селлерсу. А в телефильме 1985 года Черепахой Квази был сам экс-«битл» Ринго Старр (как известно, группа «Битлз» использовала образ Кэрролла для обложки альбома «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера»).

Нельзя не упомянуть и «авторские» прочтения. В первую очередь, это «Бармаглот» Терри Гиллиама (1977), снятый им еще в эпоху участия в «Монти Пайтоне». Гиллиам сделал фильм из всем известного стихотворения-нонсенса «Алисы в Зазеркалье», привнеся «монти-пайтоновские» приемы комедии абсурда.

Самой известной же арт-хаусной «Алисой…» остается та, что снял Ян Шванкмайер в 1988 году. В этой совершенно не детской ленте только один живой актер, вернее актриса. Все остальные персонажи, довольно зловещие на вид, оживлены методом покадровой анимации.

Не стоит забывать и «научно-фантастические» варианты. В экранизации игры «Обитель зла» (2002) Пола Андерсона

рассыпаны параллели с Кэрроллом, начиная с имени главной героини и заканчивая компьютером «Красная королева» и мотивом спуска под землю. В телефильме «Мир реки» (2003) по роману Филиппа Фармера действует воскрешенная, но уже взрослая Алиса Лидделл. Наконец, в «Последней Мимзи» Боба Шайе (2007) по рассказу Генри Каттнера и Кэтлин Мур дана оригинальная версия появления замысла Кэрролла, связанного с парадоксами времени.

В конце XX и начале XXI века число постановок только увеличивается — с развитием новых технологий, которые становятся все «чудесатее и чудесатее». Хотя многие решения остаются неизменными, например, объединение событий в Стране Чудес и Зазеркалье. Также заметна тенденция к «овзрослению» Алисы, чтобы расширить аудиторию. В 1998 году на британском телевидении вышла «Алиса в Зазеркалье», где главную роль исполнила двадцатипятилетняя Кэйт Бэкинсейл. Авторы нашли оригинальный ход: героиня Бэкинсейл читает своей маленькой дочери книгу Кэрролла и в воображении попадает в Зазеркалье. Там она ассоциирует себя с Алисой и рассказывает всем, что ей семь с половиной лет, хотя по-прежнему выглядит как взрослая. Собственно, весь замысел, видимо, строился на сочетании женского обаяния актрисы с детскими реакциями ее персонажа. Партию Бэкинсейл составил сэр Йен Холм, будущий Бильбо Бэггинс, выступивший в роли Белого Рыцаря. Другой интересный ход режиссер Джон Хендерсон нашел для визуализации стихов Кэрролла. Традиционно их поют, однако здесь стихи именно читают, зато под клиповый видеоряд.

Канонической телеэкранизацией стала картина Ника Уиллинга «Алиса в Стране Чудес» (1999). Уиллинг совместил игру живых актеров с кукольной анимацией. Куклы создавала команда Джима Хенсона, и в некоторых случаях те выглядят настолько пластичными, что их легко перепутать с компьютерной графикой. Впечатление усиливают красочные декорации, великолепные костюмы и дозированные спецэффекты. Уиллинг связывает сюжеты двух книг об Алисе, но почти не делает попыток интерпретировать их, разве что привносит идею детского самовыражения. Персонажи помогают девочке творчески раскрыться, когда та возвращается в реальный мир. В этой версии кроме кукол удалось собрать и уникальный «человеческий» состав: Кристофер Ллойд (Белый Рыцарь), Мартин Шорт (Сумасшедший Шляпник), Джин Уайлдер (Черепаха Квази), Робби Колтрейн (Труляля), Бен Кингсли (Майор Шелкопряд)… Особая находка — Вупи Голдберг в роли Чеширского Кота…

Уиллинга по праву можно назвать главным «алисоманом»

англоязычного ТВ. Через десять лет после успеха своего фильма он снял еще и мини-сериал «Алиса» (2009), уже по собственному сценарию. Если его первая картина была почти эталонным образцом «буквальной» экранизации, то цикл — пример постмодернистских заигрываний. Это уже некая псевдонаучная фантастика с элементами антиутопии. Алиса — современная молодая женщина — попадает в Страну Чудес 150 лет спустя после кэрролловской героини. Прогресс не стоял на месте: Страна Чудес похожа на мрачный мегаполис, где царит тоталитарный режим Красной Королевы. Однако здесь мы видим своеобразный «Эквилибриум» наоборот, потому что главной ценностью в фантастическом мире становятся эмоции земных людей, которые выкачивают королевские подручные, Уиллинг сохранил основные сюжетные узлы и героев, но каждый раз выворачивает все наизнанку. Один киборг-убийца Мартовский Заяц чего стоит!.. В отличие от других версий, эту выделяет очень быстрое развитие действия и сатирический взгляд на «общество потребления».

Фильм Уиллинга вышел в эфир с явным прицелом на интерес публики, подогретый грядущей киноэкранизацией «Алисы в Стране Чудес». Ее предпринял Тим Бартон на студии «Дисней». Хотя экранизацией эту работу назвать невозможно даже с большой натяжкой.

Бартон не захотел повторять сюжет, заявив, что книжки Кэрролла — набор событий, а он желает рассказать цельную историю. В результате действие снова перенесено в будущее, правда, не настолько отдаленное во времени, как в фильме Уиллинга. Алисе уже девятнадцать лет, и по меркам викторианской Англии ей пора замуж. Путешествие в Страну Чудес осталось в глубоком детстве, к тому же девушка считает это просто кошмарным сном (не «привет» ли здесь известной компьютерной игре American McGee's Alice?). Появление Белого Кролика и последующее падение в нору заставляют Алису иначе взглянуть на реальность, тем более что отец воспитал в дочери весьма нетривиальное мышление, для окружающих похожее на безумие…

Когда-то давно студия «Дисней» отказалась выпускать в прокат первую короткометражную игровую ленту Тима Бартона «Франкенвинни». С тех пор Бартон превратился в зрелого и даже поседевшего всемирно известного режиссера, и студия пригласила его снова. Но и режиссер уже не тот, что в молодости, теперь он умеет принимать правила игры. Компромисс виден уже с начальных кадров, где нет «фирменных» открывающих титров и слышна до финальной композиции Аврил Лавин, чьи песни звучны, но совершенно не в бартоновской стилистике.

Бартон славится визуализаторским талантом, и фантасмагорические ландшафты Страны Чудес традиционно для режиссера контрастируют с рафинированно блеклыми красками нашего мира. Все это пиршество для глаз покрыто взбитыми сливками модного 3D. Справедливости ради — видно и то, что снимался фильм двухмерным, и объем создается из разноудаленных плоских фигурок. Но «чудливая» картинка заставляет об этом забыть.

Несмотря на очевидное для диснеевцев желание сделать семейную картину, Бартон дал волю и темным сторонам своего воображения. Знаменитая творческая манера режиссера, которую можно назвать «гламурной готикой» (сочетание мрачности и гротескной красивости), дает себя знать к месту и не к месту. Чего стоит хотя бы эпизод, когда уменьшенная Алиса прыгает через ров по отрубленным головам!

При этом Бартон уважительно относится к иллюстрациям Джона Тэнниела и Артура Рэкхема, не копируя их, но понимая, что большая часть публики представляет себе «Алису» именно так. Здесь он оказался куда тактичнее отечественных локализаторов, которые почему-то отказались от хрестоматийного перевода Демуровой. «Варкалось. Хливкие шорьки…» узнаешь далеко не сразу. Зато дубляж выполнен на совесть, и даже привлечены актеры, когда-то давно озвучившие мультфильмы Пружанского.

Традиционно сильна и режиссерская работа с актерами. Джонни Депп раскрыл новые штрихи своего трагикомического дара в образе Шляпника, Хотя тому — явно не без влияния студии — все же добавили черточки Джека Воробья: например, ревностное отношение к своему головному убору. Собственно, недаром актер считается alter ego Бартона. Режиссер даже признавался, что их с Деппом независимо сделанные эскизные наброски Шляпника практически совпали. Отдельной похвалы заслуживает выбор актрисы на главную роль. Миа Вашиковска, по отзывам Бартона, обладает необходимым сочетанием детского и взрослого начал. Ее Алиса выглядит «не от мира сего» среди людей — и одновременно самой разумной среди кэрролловских безумцев.

Ажиотаж, вызванный лентой уже в первые дни, показал, что зритель получил то, что хотел. И на фоне визуального триумфа вроде бы как-то и неудобно говорить о содержании… Между тем Бартон вместе со сценаристкой Линдой Вулвертон, которой принадлежала идея, справились с нерешаемой задачей самым легким способом — даже не попытались ее решить. Гордиев узел в очередной раз просто разрубили. Разрезали монтажными

ножницами. Вместо парадоксальной сказки зрителю предложена обычная подростковая фэнтези. Едва ли не все здесь уже было: и узурпация власти злой королевой, и даже романтическая линия между Алисой и Шляпником — Ник Уиллинг, что твой Кристобаль Хозевич, успел раньше. Мало того, сама фабула как будто позаимствована не из «Алисы…», а из вышедшего двадцать лет назад фильма Спилберга «Капитан Крюк». Снова герой (на этот раз — героиня) должен вернуться в сказочную страну и, чтобы победить поднявшее голову зло, вспомнить, кто он такой, и заново поверить в силу своего воображения.

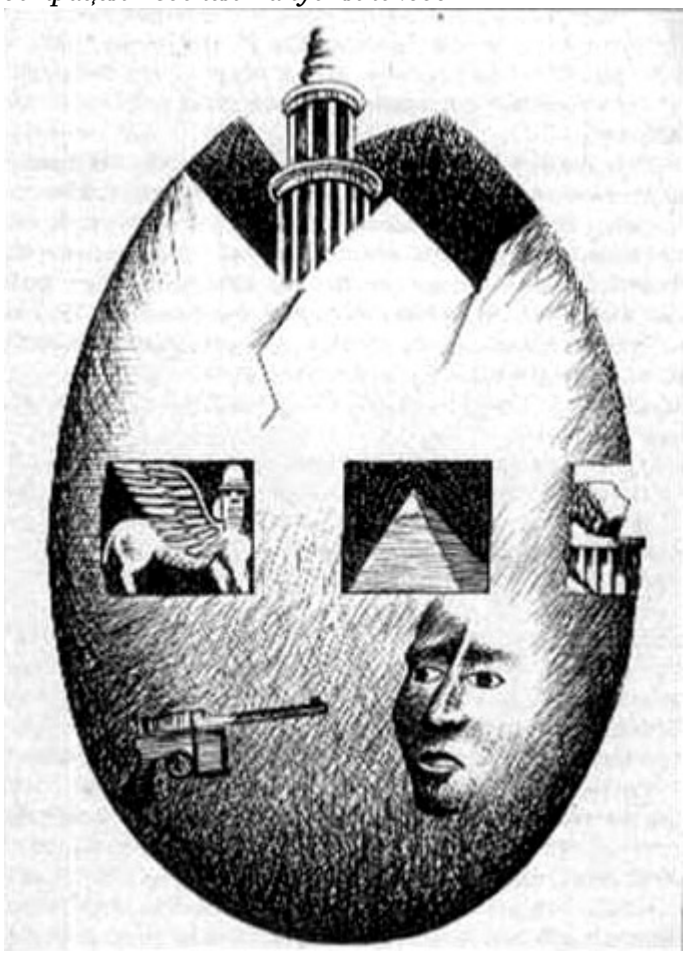
Любопытно вот что: если Питер Пэн возвращается в реальный мир и выбрасывает в окно свой мобильный телефон бизнесмена, то Алиса как раз превращается в деловую женщину. Для викторианской Англии это донельзя смелый шаг, а вот для современного голливудского кино до безобразия политкорректный… И только символ преображения — синяя бабочка на плече Алисы — заставляет с этим примириться.

Впрочем, трактовок кэрролловских сказок мы еще насмотреться успеем. На очереди «Фантасмагория: Видения Льюиса Кэрролла», которую ставит не то чтобы великий, но, безусловно, ужасный Мэрилин Мэнсон. Кроме того, дожидается своего срока давно обещанная экранизация упомянутой American McGee's Alice. Хотя стрелки часов в Стране Чудес всегда стоят на шести…

Аркадий ШУШПАНОВ

Тони Дэниел
Ex Cathedra

Иллюстрация Евгения Капустянского



У меня украли детей.

Хочется устраниться. Хочется винить время, винить само бытие, чтоб выходило — это судьба, неизбежная, предрешенная. Тогда можно себе в утешение впасть в буддистскую созерцательную рассеянность или припомнить слова апостола Павла: любящим Господа и призванным по Его изволению все содействует ко благу.[10] Но ты знаешь — нет бальзама[11] ни на востоке, ни на западе Старой Земли. Как ни изощряйся, оправданий не сыщешь.

Дети исчезли.

Заявить о преступлении нет никакой возможности. В

принципе, нет и преступления. А значит, нечего уповать на правосудие.

Не к кому бежать, когда среди ночи тебя поднимет их плач, когда слоняешься по дому, вслушиваясь в скрип половиц, шорох шторы: не они ли? В этих звуках, в этих явлениях тебе чудится их шепот, а иногда движение закрывающейся двери напомнит жест, каким тянулся к стакану молока старший сын, или мерцание ночника в ванной воскресит в памяти улыбку, игравшую у дочки на губах.

Она смуглая, темноволосая? Да. Синеглазая? Не в тебя. В Ребекку.

Быстрый взгляд за портал станции, туда, где раскинулся Млечный Путь. Невинный вопрос твоего младшенького (ему всего два с половиной), его первые связные слова: «Как ты сегодня, папся?».

Неважнецки. Не могу тебя вспомнить.

Детей нет.

Не может быть.

Не должно быть.

Итак, звуки и мимолетные видения — всего-навсего ваши с сознанием игры. Сам знаешь.

Поэтому ты принимаешь душ, чистишь зубы, одеваешься, съедаешь овсянку или, вовсе отказавшись от завтрака, клеишь на предплечье питающий пластырь, целуешь жену, которая тебе не жена…

— Доброе утро, милая.

— Привет, Уилл.

— Как ты сегодня? Лучше? Есть изменения?

— Нет. — Она умолкает, сосредоточенно думает. — Нет.

— Жаль. Может, еще разок покажешься доктору?

— По-моему, от него никакого проку. — Ребекка, так ее зовут, тяжело переступает с ноги на ногу, с правой на левую. Белая ночная сорочка, почти прозрачная, очерчивает ее угловатую поджарость. Кожа да кости. Недавно Ребекка перестала есть, и на животе понемногу обозначаются мышцы. Это тебя заводит, хотя ее худоба — следствие изнурительной болезни.

Ребекка убеждена: она тоже что-то слышит. Голоса.

Но не знает чьи.

Будем надеяться, сегодня с ней ничего не случится.

Дом присмотрит за ней.

Ведь тебе, как ни крути, надо на службу.

Ты загружаешь с сенсорной панели у входа дневной набор защитных ключей и обновлений, приказываешь двери перенести тебя на рабочее место и шагаешь сквозь транспортный экран…

…на очередную встречу.

* * *

Встреча очень важная. Как и все прочие. Проект грандиозный и сложный, и ты у руля. Более или менее.

Я у руля.

Лично.

Мы возводим памятник человечеству. Ради человечества. Во имя его истории и его будущего. Он задуман как место уединенных размышлений и преображения. Зал славы минувшего и оплот веры в грядущее. Пространство встречи сакрального, вечного с частным — встречи и взаимопроникновения. Храм. Святилище. Цитадель закона, под чьи своды можно подняться. Священная роща, где позволительно забыть тревоги и чувствовать себя в полной безопасности. Избавленным от всякого гнета.

Собор Справедливости.

Этим конкретным утром эта конкретная встреча назначена с делегацией лингвистов. Представители одного из старших секторов кэшпамяти ходатайствуют о выделении в галерее Собора места под фреску жертвам доколониальной дискриминации щелкающих диалектов.[12] (Уточню: речь о доколониальной Земле; Млечный Путь — совсем другой разговор.) В затылок заступникам языка дышит Объединенная коалиция кэш-, а также биоиндивидов, состоящая из левшей. Эти требуют один боковой придел целиком посвятить смягчению диктата праворуких. Что, по большому счету, несложно; схожие поправки мы вносим в свои планы ежедневно. Загвоздка в том, что коалиция не может или не хочет определить, какую сторону Собора считать левой, а какую правой. Ведь, чтобы разобраться, где левое, где правое, нужно знать, где север и юг или верх и низ. У Собора нет спина. Спин порождает неравенство.

В Соборе мы не считаем справедливость первоочередной задачей. Первоочередность — личина привилегии, а в Соборе не может быть привилегий. Это было бы несправедливо.

Тем не менее левши чувствуют себя уязвленными. Что превращает их трудности в мои.

Переговоры — это на мне.

Дабы разложить по полочкам все до мелочей, я вызвал на сегодня консультанта из Лиги дизайна временных интервалов. Втихаря, поскольку уже заподозрен в том, что действую согласно секретной «правшистской» программе, и кое-кто, без сомнения, расценит этот мой поступок как очередную гнусную каверзу

клики правовращенцев. Я же хочу, главным образом, одного: пусть примут хоть какое-нибудь — любое — решение *до* окончательного коллапса Галактики. ОКГ, можно сказать, наш крайний срок. Хотя есть все основания надеяться, что объект удастся ввести в строй намного раньше — и без превышения сметы.

К несчастью, консультанты из Лиги дизайна склонны сбиваться на покровительственный тон, и встреча оставляет неприятный осадок, особенно внутри буфера. Не обязательно по вине консультантов: всякий, чье «я» записано поперек широченной полосы звезд, рискует подхватить звездную болезнь. Но для узников кэш-памяти нет ничего ненавистнее снисходительных наставлений потомков. Когда ты мертв, едва ли не единственной ценностью для тебя остается уважение. Я слыхал, будто какой-то из крупных банков памяти намерен ввести его дробные дозы в обращение в качестве платежных средств. Интересно, не заставит ли отказаться от этой практики Великое Переселение, когда все содержимое буферной памяти разархивируют и перепишут в Собор, где есть простор для почти бесконечного расширения.

После этой встречи я удаляюсь в свой кабинет.

Я начальник, а потому занимаю угол с окном (насколько на гигантской космической станции могут быть углы). Здесь, в ядре Галактики, нас окружают газопылевые облака, и вид открывается не ахти, но я установил искусственные цветофильтры, так что могу вообще погасить лампы и читать при свете Млечного Пути. Круто! Где-то далеко за облаками — Земля, родина наших предков. По слухам, свет, доходящий к нам от Солнца — подлинного Солнца, — начал свой путь примерно в 1872 году.

Но, конечно, так сюда и не добрался. Излучение Солнца и земной атмосферы не проникало в нашу галактику уже лет двести, со времен Чистки, великого начинания людей, предшествующего Собору. С изобретением порталов разбухающую ноосферу планеты уплотнили и перенесли в кэш-память, сохранив наряду с информационным следом всех новых поколений. И Земля — хотя она, разумеется, существует и по сей день — исчезла. Как корова языком слизнула. Не осталось даже гравитационной аномалии. Человечество проявило похвальную дотошность.

Вот, кстати, и разгадка парадокса Ферми.[13] Если допустить, что все прочие внеземные цивилизации (ни с одной из которых мы так и не встретились) поступили подобным же образом, то, пожалуй, пустота Вселенной объяснима.

Все мы — разумные, мыслящие существа — тщательно

прибрали за собой, как совестливые туристы. Оставили поляну в первозданном виде. И, вероятно, преспокойно живем-поживаем где-то в гармонии с природой, просто не трубим об этом на всех перекрестках.

Конечно, существует и другое объяснение. Более простое. И удручающее.

Во всяком случае, парадокс Ферми перестали называть парадоксом. Теперь это закон Ферми.

Никого нет дома.

Мне безумно нравится мой письменный стол из привозного марсианского тика. Я собственноручно собрал его в домашней мастерской — давно, когда служебные хлопоты еще не съедали досуг без остатка. Наклонно приподнятый край столешницы образует полноразмерный дисплей для конструкторских работ, часть ящиков продолжается во фрактальные измерения. Поэтому всегда кажется, будто документация рассортирована, а рабочая зона не захламлена. Все это — видимость. У меня, на мой взгляд, довольно упорядоченный ум, однако в глубине души я барахольщик и никогда ничего не выбрасываю. Вот главная причина, почему я снабдил стол неограниченной емкостью ЗУ. Тому, кто не представляет, где там что, нипочем не захочется рыться в моем столе. Ящики почти бездонные. С другими ящиками внутри. Клянусь. Говорю же, я барахольщик.

За столом — книжные полки. Их украшает постоянно меняющийся строй «настоящих» книг, от первой до последней подобранных встроенной стандартной подпрограммой. Она основывает свой выбор на том, за чтением чего меня застает. Сейчас на полках засилье технических руководств и справочников конструктора. Хотелось бы читать больше романов. Стихов. Вообще чего угодно помимо связанных с работой материалов. «Потом, после, когда сдадим проект», — твержу я, как мантру. Что было бы смешно, когда бы не было так грустно.

На второй полке фотография. Я щелкнул Ребекку на экскурсии: мы ездили смотреть «Андромеда-Фоллс» — корабль, который теперь перемещает в соседнюю галактику новый портал. Не так уж много мест, где можно, приникнув к иллюминатору, невооруженным глазом разглядывать чужую галактику во всей ее красе.

На снимке Ребекка в нежно-розовом платье. Волосы короче, чем сейчас, челка падает на глаза изящной, но небрежной волной.

Совершеннейшая Ребекка.

М-да. В той поездке я объяснил ей, почему у нас не может быть детей. Никогда.

* * *

Ребекке я преподнес это более деликатно, но вот вкратце подоплека, основные выкладки.

Я в состоянии завести ребенка. Но в миг, когда в моем отпрыске проснется сознание, я спекся.

Я могу выстроить рай. Взорвать Вселенную. С утра до ночи сидеть и смотреть кино. Но стоит мне передать свои гены потомству, и я вновь окажусь на крючке у времени. Войду в режим строго поступательного движения по оси абсцисс — и прощайте вылазки за рубежи текущего периода.

Ах да. Подозреваю, что забыл сказать.

Я путешествую во времени.

Оказывается (сюрприз, сюрприз!), человек — не просто сумма заключенной в нем информации. Не просто побочный продукт тех или иных исторических обстоятельств, если угодно называть все своими именами.

Люди суть односторонние функции. Или, лучше сказать, в нас заложена односторонность функций. В базовую схему человека внедрена действующая по принципу необратимости внеалгоритмическая компонента. Нельзя сложить показания часовой и минутной стрелок, и точно так же нельзя разъять на составляющие то, что мы есть, что действительно представляем собой как мыслящие существа.

А, черт! Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо: у людей есть души.

Не те бессмертные, непостижимые души, что даровал Господь. Может, у нас и такие в наличии. Не знаю. Я толкую о другом. О «циферблатной» арифметике. $9 + x = 2$. Пустяк, да? Ответ — пять. Тогда вот вам еще: $3x = 1$.

Оказывается, в основе человеческой психики (насколько можно догадываться, это распространяется на любые наделенные самосознанием живые существа) лежит модулярная математика. Каждый индивидуум представляет собой однонаправленный процесс.

Когда все сказано и сделано, человека невозможно записать в виде алгоритма.

Вот, собственно, почему, обзаводясь детьми, я теряю способность путешествовать во времени. Однако стоит ее утерять, и немедленно получится, что такого путешественника *никогда не было.* И если упомянутый путешественник — вы — *уже* переместился в определенный временной промежуток…

Шпок! Поминай как звали.

И все, что вами сделано или не сделано, тоже.

Понятно теперь, почему путешествующие во времени, пожалуй, с некоторой излишней придирчивостью выбирают презервативы?

* * *

Звездные россыпи за окном моего кабинета исчезли: проектная станция, вращаясь, поворачивается боком к внешнему космосу, потом к черному сердцу всего этого. К Стрельцу А.[14]

Вид на галактическое ядро означает: скоро обед. Я заказываю греческий салат и — гулять так гулять — прошу доставить его из знакомого ресторанчика с Альфы Ц, как вдруг…

О-хо-хо.

Без предварительной договоренности нагрянули два сутулых представителя профсоюза наладчиков. Сутулость среди наладчиков явление повальное (не хочешь, чтобы в червоточинах тебе снесло башку, научишься гнуться), так что, даже если у этих двоих с хребтом все в порядке, ради победы на выборах им поневоле пришлось бы притвориться сутулыми. Сутулого-Раз я вижу впервые. Похоже, какой-то юрист. Сутулый-Два — Реберк Дакуба, председатель профсоюза. Собственной персоной.

— Приветствую, Реб. Чем могу?..

Реб шаркает, мнется, глядит в сторону. Это все напускное. Я замечаю хищный блеск его глаз и то, как Реб потирает руки, словно сушит ладони, готовясь надежнее ухватить нож.

— Мы решили вчинить иск, Уилл, — сообщает он. — Жаль, что именно я к вам с такой новостью…

Я не показываю, что злюсь. Этой радости я ему не доставлю. Отвечаю:

— Жаль, что именно с такой.

— На всякий пожарный… вдруг суд не поможет… мне предоставили перекрестную авторизацию сервера, куда сдают на хранение свои копии каптированные наладчики и свободные граждане… Мы объявим забастовку, Уилл.

Забастовка чревата крупномасштабной катастрофой и застопорит строительство Собора. Возможно, на десятки лет. Мы оба понимаем это. Но где-то там Реба ждут отчаявшиеся наладчики, которым нечего терять, и, может статься, он охотно отважится на подобный риск. В конце концов, ему и самому нечего терять. Видите ли, его подлинное «я» пропало.

— Можно как-нибудь уговорить вас передумать?

— Объясните, что нас ждет.

— Не могу, Реб, вы же в курсе. С отсылкой в прошлое эти

знания изгладились из памяти.

— Тогда велите компании вернуть нам воспоминания. С барышом.

Отвечаю:

— Реб, искренне сочувствую. Мы с вами, если смотреть в корень, в одной лодке.

Он кивает. Это не первая наша встреча. Далеко не первая. О некоторых не знает даже он.

— Я надеялся, исполнительный совет рассмотрит нашу последнюю попытку договориться, — сознается Реб. — Думаю, пора ознакомить их с нашим предложением.

Киваю:

— Выкладывайте. С удовольствием поставлю вопрос перед советом.

Ради возможности провести это совещание я мысленно (и в реале) передвигаю пару встреч: одну — на завтра, другую — на следующую неделю.

Реб не сгущает краски касательно пропажи воспоминаний и порожденной ею сумятицы чувств. «Братство наладчиков, проходчиков, проектировщиков сетей, пространственно-временной техпомощи и разнорабочих», короче — профсоюз наладчиков, столкнулось с банкротством пенсионного фонда. Когда первое поколение преобразованных в архетипы наладчиков услали за горизонт событий, их былые отличительные черты поместили в банк. Беда в том, что нельзя, сохранив копию личности, взять и выйти из этого «я», а потом, когда будешь готов вернуться к частному существованию, залезть обратно. Личность и архетип утратят совместимость.

Поэтому придумали давать жизни в кредит. Поначалу решение казалось беспроигрышным. Затем, когда наладчиков, развязавшихся наконец со своими двусторонними соглашениями на срок от килогода, вновь подвергли обработке и воссоздали в прежнем виде, каждый трудяга рассчитывал в итоге получить более богатую, насыщенную жизнь. Большинство и получило. Побывав в аренде у различных искусственных интеллектов, которым, чтобы правильно функционировать, требовалось наличие тех или иных качеств, индивидуальности вернулись к прежним хозяевам, щедро наделенные той интеллигентностью чувств, какую способно взрастить тысячелетие умственной деятельности, поступков и переживаний.

Но примерно для двадцати процентов наладчиков дело обернулось иначе. Кого-то в банке сбережений осенила блестящая мысль сделать ставку на более сомнительные ссуды — в расчете на рост прибылей от вложений. Каждая пятая такая авантюра с

треском провалилась. Либо личность не «подцеплялась» к ИИ, либо сам ИИ, работая в опасной среде, не имел возможности регулярно сохранять резервные копии и периодически обрушивался. Какова бы ни была причина, фонд эмоционального развития накрылся вместе со всеми воспоминаниями. Восстанавливаясь наконец в правах на свои — его или ее — личные данные, архетип получал душу, напрочь лишенную своеобразия, которое позволило бы ей привиться. Мягко говоря, неприятно.

На сегодняшний день в «типах», как мы их зовем, засиделось тысяч десять отставных наладчиков; снова стать прежними — или хотя бы вернуться к реальной жизни — они не могут.

Ладно, возможно, на сторонний взгляд нет ничего страшного в приговоре провести вторую половину жизни, по большому счету, полубогом. Это ведь не то, что вконец ополоуметь и превратиться в слюнявого дурачка. Напротив, вы резко умнеете. Но!.. Во-первых, отношения с окружающими летят в тартарары. Семьи распадаются. У Реба распалась. И, во-вторых, пресловутому «типу» людская жизнь иногда кажется адски скучной, особенно, если с трудом припоминаешь, кем был до того, как тысячу лет мотался меж планет, звезд и по собственно пространству-времени за счет силы мысли.

Оттого-то Реб, как и положено достойному главе профсоюза, старается всеми правдами и неправдами свалить вину на администрацию. С другой стороны, именно его шурин, подпевала из банковского совета, утвердил неудачные вложения.

Мы совещаемся. И выносим резолюцию: каждый остается при своих. Я выйду с предложением Братства в совет.

Я мог бы еще порассказать про свой день. Вы поняли.

Эта часть моей работы посвящена вопросам наследия и разрешимым в конечном итоге спорам. Маета, но не беспросветная. Скрепить оборванные нити. Подобрать «хвосты». С точки зрения топографии, откуда ни глянь — из прошлого или из будущего, — в том же и суть проекта в целом: вывязав простой крепежный узел, сберечь всю значимость, всю устремленность к целесообразности, какими человечество напичкало нашу среду обитания. Не дать им разлезться, как разлезается по швам дешевый костюм. Само собой, нашим пещерным предкам это было не по плечу: тут и скрытые пружины, и тайные взаимосвязи, и паучьи сети обетов и посулов, протянутые из недр прошлого, куда вмурованы наглухо, в наши дни и дальше; тут тронь одно — и все всколыхнется. Но доберись до сердцевины и наткнешься на алгоритм. Методологию. А мы, люди, корифеи метода. Затягиваем узел даже в беседе. Что, можно сказать, приятно

разнообразит мои послеобеденные часы.

Я провожу их на площадке.

Нет, не поймите меня неправильно, — совещания продолжаются. Но это летучки с бригадирами и подрядчиками. Отчеты о ходе строительства. Оценка завершенности объекта. Я осуществляю общее руководство: тасую поставщиков и материалы, жонглирую сроками и очередностью действий (за что браться раньше, за что позже и когда) — всем тем, что составляет костяк любого строительства… со времен цезарей, прах побери. Вот это — мое любимое.

Собор слегка смахивает на яйцо.

Ну, хорошо — на яйцо несколько тысяч световых лет в поперечнике. Внедренное в многомерную поверхность горизонта событий Стрельца А, черной дыры посреди Млечного Пути, как татуировка, нанесенная двухмиллионнозвездной порцией квантовой нестабильности, двумя десятыми процента вещества Галактики. Мы взяли его, отбуксировали сюда и не намерены возвращать. Затея по любым меркам титаническая.

Короче, снаружи Собор напоминает яйцо.

Внутри яйца — внутри храма — законы природы неприменимы. Или, скорее, применимы избирательно. Феноменология покоряется телеологии. Сущность — долженствованию. В стенах Собора нельзя навредить невинным детям, как ни старайся. Невозможно сманивать их на панель, швырять в гулаги за то, что родные им дороже государства, соблазнять, растлевать и губить лживыми пророчествами и откровениями, насиловать за алтарем, угонять в колхозное рабство, пожирать. Невозможно никого побить камнями. За все холокосты воздалось сторицей — так в свой срок приносят прибыль великое множество облигаций, великое множество накопительных счетов. С ураганами, землетрясениями и иными ведущими к вымиранию бедствиями, какие приходилось терпеливо сносить нашему биологическому виду, произведен окончательный расчет: переписанные в кэш, они послужат к процветанию. В стенах Собора козырь совесть, а не власть. Сила — на стороне правды.[15]

Ладно-ладно, какой же он все-таки внутри?

Бросьте. Вы же знаете, этого не объяснишь. Пришлось бы показывать.

Впрочем, попробую.

Просторный. Сложный. По определению. Представьте схему более замысловатую, чем предмет, который она изображает. Не можете? Таков Собор. Когда впервые переступишь его порог, он еще представляется обычным зданием — церковь как церковь. Но

это лишь начальное впечатление. Постепенно замечаешь: все здесь… не то, чем кажется.

Каждая дверь, каждое окно, каждая галерея, ниша, закуток и закоулок открываются в нечто более обширное, чем помещение, откуда вы пришли. Собор внутри больше, чем снаружи.

Он прекрасен. Он искрится тысячью росинок, и каждая сама по себе отдельный, открытый для вас мир. У Собора есть голос. Немного схожий с журчанием воды. Немного с ветром. Вы не сразу понимаете, что слышите воздух, песнь парящих в нем миров: танцуя, как пылинки в солнечном луче, они рябят, прокатываясь друг по другу, точно хрустальные пузырьки. Вы вдыхаете их.

Аромат. Незнакомый. Свежий. Мудреный и неизъяснимый. В атмосфере роятся возможности. Перспективы.

А мы ведь только докончили подвал, черт возьми.

Камень преткновения. Яйцо — Собор — по своей природе несовместимо с Вселенной, какой мы ее знаем. Норовит расколоться и породить собственный карманный универсум.

Яйцо хочет, чтобы из него что-нибудь проклюнулось. Здесь-то и начинается моя настоящая работа. Здесь выходит на сцену моя будущая супруга. Та, на ком я женюсь после Ребеккиной смерти.

* * *

Ее зовут Лу. Она контроль качества. Якобы. Кем бы она ни была, сейчас или потом, я на нее любуюсь. Древняя бронза кожи. Темные глаза. Физически — абсолютно мой тип. Есть и другие моменты совместимости.

Давайте просто скажем, что у нас с ней много общего.

— Нас тревожит опорная матрица нижнего подвального этажа, — с места в карьер, без всяких «здрасте» сообщает Лу. Откуда она взялась? Как попала в мой кабинет? Очень просто. Как сфера, посетившая Флатландию в книжке Эббота:[16] внезапно появилась из третьего измерения, как вторгается под воду палец, если макнуть его в пруд.

Повторюсь, у нас много общего. Лу путешествует во времени. Но тело, в котором она постоянно обитает, появилось из куда более далекого будущего, чем мое. Лу сильнее. Крепче. Резвее. Одним прыжком перемахивает через небоскребы.

И на кривой козе ее не объехать.

Спрашиваю:

— Которая?

В Соборе минимум четыре известных мне подвала. Мой

предтеча на посту главного архитектора питал к ним слабость. Возможно, сосредоточенное обмысливание миллиардов этих извилистых коридоров в конце концов и свело его с ума. С другой стороны, причиной могло стать заурядное пьянство.

— Все, — отвечает Лу. — Расхождения с условными инструкциями по нерожденным переросли в выявляемый резонанс. Справедливость к плоду в чреве матери с некоторых пор сделалась недоопределенной в отношении прав и свобод тех, кто уже родился. Шаблоны не стыкуются, и мы задумались, не в этом ли главная предпосылка вскрытия.

Вскрытие яйца. Наш bete noir — жупел.

— Ты уверена? — хмыкаю я. — Не похоже, что грядет конец света. Обещанного миллион лет ждут… — С досады я первым делом начинаю хохмить. И вторым. И третьим. Обычно я честно глушу в себе шута, но зачем человеку жена, если не для того, чтобы внимать его внутреннему диалогу?

— Миллион лет — капля в море и мгновение, — говорит Лу. — Тебе это прекрасно известно.

— Ты принесла наряд на доработку?

Лу медлит. Глядит в упор. Что-то в этом есть необычное. Я стоял; теперь я присаживаюсь на край письменного стола. И вцепляюсь в столешницу снизу.

— Исправление ерундовое, — роняет она. Почти небрежно. Почти вскользь. Почти. — Поступай по своему усмотрению.

Я слегка ошарашен. Обычно поправки к шаблону спускают сверху вместе с полной технологической разблюдовкой. Сотни страниц инструкций. Ведь с будущим не поспоришь. В смысле, они-то по определению *были* здесь и *сделали* это.

— Ладно, — говорю. — Нельзя ли чуть подробнее?

Вновь легкая заминка. Я крепче вжимаю пальцы в испод столешницы.

— Тут замешана Ребекка. Твоя жена Ребекка.

Что?

— Что?

— Уильям, я пыталась подготовить тебя, — говорит Лу. — Ребекка превратилась в мощный аттрактор недоопределенности. Честно говоря, мы полагаем, что сложности с матрицей каким-то образом связаны с ней.

— Что ты несешь, Лу? Она обычная женщина.

— Я знаю. Но уравнения не лгут. Возникли событийные подвижки, эффект бабочки… на смену погрешности идет потеря устойчивости. Зыбкость. И у истоков, похоже, Ребекка. Ты же слышал: недоопределенность. Как если бы к одному будущему вело много путей. Что, сам знаешь, невозможно.

— И это означает?.. — спрашиваю.

— Катастрофу, Уилл, — отзывается Лу. — Гибель проекта. Яйцо расколется.

— Погоди минуту! Ты же твердила, что она скоро умрет. Дескать, эта самая ее болезнь неминуема. Ты ни словом не обмолвилась о том, что Ребекка представляет опасность для проекта.

Мгновение Лу молчит. Ее лицо накрывает маска бесстрастной пустоты. Так она смотрит, когда, отправившись в загул по квантовому дереву выбора, изучает миллиарды миллиардов возможных ответов. Затем — улыбка. Безупречные губы изгибаются в презрительной понимающей усмешке. Лу говорит:

— Послушай, это трудно объяснить, не рискуя усугубить твое положение. Но я постараюсь ответить.

Я вдруг пугаюсь до посинения. В конце концов, действительно важный вопрос — всего один.

— Чего ты от меня хочешь?

Лу делает шаг в мою сторону. Лицо безмятежно-спокойное, но в уголке глаза блестит слеза. Слеза, в которой заключены целые созвездия переживаний. И эпохи.

Вселенское страдание. Вселенская боль.

— Уильям, тебе придется ее убить. — Лу простирает руки. В правой — пистолет.

Полуавтоматический «хаузер» 98-й модели. Оружие столь передовой кодировки, что даже такому, как я, кажется заговоренным злой колдуньей. Для подстреленного из «хаузера» возврата нет.

Я вздрагиваю.

— Зачем просить меня? Она сама себя убивает. Вполне успешно.

— Недостаточно успешно, — возражает Лу. — Тебе придется сделать это. Сегодня вечером.

— Нет, — вырывается у меня жалкий писк. Болтайте про слабую недоопределенность! Я-то знаю, против чего иду. Лу только первая ласточка. Против самого человечества. Или того, что от него осталось.

Лу печально качает головой. Еще одна слеза. Еще один возможный мир идет прахом.

— Ты знаешь, что *да.*

* * *

Хотел бы я сказать, что не занялся с Лу любовью. Хотел бы

сказать, что не взял ее.

Занялся. И взял. Одновременно. И по отдельности. Ее кожа под моими пальцами светилась. Пылала. Губы трепетали на моих губах, как крылья доисторической бабочки, виновницы падежа динозавров.

Падаем в настоящее.

Лу толкает меня на пол, раздевает донага. Оседлав, всовывает в себя. Двигается в одном ритме с солнцем, бьющим сквозь листву на планете, стертой с лица космоса за тысячу столетий до появления Лу на свет.

Потом утягивает меня в будущее. Внушает желание быть там с ней. Любить. Надеяться. Мстить Вселенной, вздумавшей извести нас. Найти в ней, Лу, противоядие.

Но я переворачиваю Лу, спихиваю на роскошный персидский ковер. Раздвигаю ее невероятно красивые ноги.

Все это может быть твоим.

Уже твое.

Будущее видится розовым.

Моя вторая жена на самом деле не женщина в привычном понимании. Или, скорее, воплощенная женщина. Стандартное звено структуры, в которую превратится человечество. А я… возможно, и я не простой зодчий.

Я должен сделать признание.

Это не то, что вы думаете. Мои путешествия во времени вовсе не секрет. Все о них знают. Я объявился в тот день, когда предыдущий главный архитектор покончил с собой. Свел счеты с жизнью на редкость скверным способом — с помощью модифицированной плазменной пули, какими бьет «хаузер». Информацию нельзя ни создать, ни уничтожить: умелец вытянет пароль даже у трупа. Зато ее можно защитить паролем на веки вечные.

Тому, в кого угодил мод-пэшный заряд, уже не загрузиться в буферную память. Он просто умирает.

Вот какую игрушку приставил к виску злосчастный недотепа. И унес в могилу все персональные ключи.

Тем самым отрубив *им* (читай: Исполнительному совету, то есть Консорциуму, то есть Всегалактической политической организации человечества) доступ. К проекту «Галактическое ядро». В Собор.

Но — о счастье!

Откуда ни возьмись, я с кодом. Весь из себя путешественник во времени. Могу повторно запустить проект.

При одном маленьком условии.

Будущее хочет иметь право голоса в Соборе Справедливости.

Наши притязания на участие в предприятиях, связанных с наследием, не менее законны, чем у прошлого и настоящего.

Мы тоже жаждем справедливости.

Из чего она могла бы складываться? Давайте просто скажем, что за пару миллиардов лет можно мало-помалу усмотреть в справедливости не столько цель, сколько средство. И по крупицам занести в разряд справедливого все, что способствует твоему выживанию.

За пять минут до последней полуночи Вселенной закон Ферми превратился в облом Ферми.

Там, в конце времен, никто не пришел к нам на помощь. Воззвать было не к кому.

Разумные существа исчезли. Подчистую. До единого. Мы, сама разумность, не оставляем решительно никаких следов своего краткого пребывания на этом свете. Словно и не рождались. Так бывало великое множество раз. Бывало с каждым.

Где же они?

На небесах, конечно. Хорошенько подумайте: это яснее ясного. Кто откажется прохлаждаться в раю, когда дерьмо ударит в вентилятор, а лопасти, брызгая и плюясь, замрут? Горизонт событий, в отличие от вмещающей его Вселенной, вечен. Рано или поздно все догадываются об этом. Собирают манатки (отсюда — отсутствие электромагнитных сигналов в царствии небесном), гасят свет, хлопают дверью…

Прощай, жестокий мир.

Но где-то, когда-то, в дальних далях континуума, при свете последней умирающей звезды, на последнем пепелище галактики случилось нечто чрезвычайно странное. Случится.

Мы, люди, совершили первородный грех.

Ладно, пусть это не вполне вопрос Божьего промысла. Должно существовать объяснение. Но никто точно не знает какое.

Возможно, после десяти миллиардов лет бездействия повернули какой-то рубильник. Полетело реле. В механизм неведомыми дорожками заполз таракан. И без вести пропавший разумный вид внезапно вытряхнуло в студеную последнюю ночь.

Первая мысль: «А, черт».

Вторая: «У-у, холодрыга!».

— Возьми меня, Уильям, — говорит Лу. — Согрей. Я ужасно замерзла. Ну же, Уильям, поддай жару, чтоб я вся горела!

Согреть смерть. Стылую ночь на исходе времен. Вот откуда я родом. Вот откуда родом Лу. Мы — будущее. Ни одна религия не изобретала в наказание грешникам и безбожникам столь холодный, мрачный, тоскливый ад. Мы — пыль, поднятая бессильным дыханием последнего вялого ветерка в пустых покоях

на задворках замка.

Мы хотим жить. Захотим. Мы помним, как было в раю, пока нас не вытряхнули оттуда.

Но…

…вот он, большой секрет…

…ради путешествий в прошлое мне пришлось пожертвовать своей… гм…

…человечностью.

Да был ли я человеком? Мне нравится думать, что был. В некотором роде. Ну, знаете: кэш-копией. В общем, тоже *бытие*. Их архивируют, предоставляют ограниченное рабочее пространство. Но биологическая жизнь гораздо приятнее.

Не то внутри Яйца. Там у нас была вечность, чтобы расширять базы данных. Обрабатывать информацию. Грезить. Или так нам мнилось. Какая разница… В конце концов мы и впрямь получили в свое распоряжение миллиарды лет.

И изменились. Стали не живыми. Не мертвыми. Каждое «я» обросло, точно ракушками, миллионом столетий дум, превратилось в погремушку на хвосте у змеи мемов.[17] Распознать в них людей чрезвычайно трудно.

И все-таки куда легче…

…чем в том, *что* я теперь…

…чем я учусь…

…гнушаться.

Собой.

Встаю. Натягиваю штаны.

— Прости, Лу. Я женат.

Она оборачивается. Этим ее не уешь. Улыбается.

— Да. На мне.

— Уже нет, — говорю я. — Не здесь.

Я отпускаю ее. Толкаю вперед. Охнув, она приземляется на персидский ковер (симпатичный; мы с Ребеккой вместе выбрали его на планете, объеденной исполинской мутантной овцой), запутавшись в собственных руках и ногах. Лу удивлена, унижена. Враскоряку даже богиня выглядит глупо. Но это ненадолго.

Надо удирать, пока Лу не сказала правильные слова, не сделала правильный ход, чтобы снова завлечь меня.

Подхватываюсь. Выбегаю из кабинета. Ныряю в портал. Вдогонку эхо несет ее смех.

Прыжок наобум. Прибываю куда-то в М5.[18] По крайней мере, судя по номеру станции сопровождения цели, обозначенному на голой стене, в которую я утыкаюсь. Без разницы. Хоть к черту на рога. Назад в портал. Еще прыжок. Еще.

Все зря.

Нельзя сбежать от настоящего. Ты это отлично знаешь.

Ты.

Я.

Переношусь обратно на Старую Землю.

Кажется, я где-то в южном полушарии. От портала открывается ночная панорама рваной цепи гор. Понятия не имею, как они называются.

Но чувствую — я дома.

Наверху полная луна.

Нет — *Луна.*

Я рассматриваю луну.

Что-то холодит ладонь.

Опускаю взгляд.

Рука сжимает пистолет.

Его туда вложила, конечно, Лу.

* * *

«Сто один совет путешествующим во времени»: как вернуться в прошлое.

Никак.

Ну ладно, ладно. В определенном смысле можно. Главное — избавиться от своего «я». Отдать швартовы. И никак иначе. Нужно слиться со Вселенной, стать постоянным элементом мироздания.

Нечто подобное происходит с наладчиками, когда те отбывают срок договорной службы, но, повторяю, это не одно и то же.

Нет, поскольку вы *навсегда вымарываете себя из бытия.*

Как?

Классический способ: убейте родного дедушку. Или проделайте нечто в том же духе. Выпустите свою неповторимость в бездну. Уцелеет та единственная часть вашего «я», которая не зависит от времени. Тень. Фантом. Морок.

Назовите ее по примеру наладчиков «типом». Но наладчики — теоретически — могут получить свою человеческую природу обратно.

Путешественники во времени — теоретически — не могут.

Механика проста. Вы — обычно в обличье огненного ангела, или демона, или чего-нибудь этакого с поправкой на эпоху — являетесь предку. Он (или, может статься, она) нехотя подчиняется логике оружия в вашей руке.

Вероятно, вы с меньшими нравственными угрызениями прикончили бы какого-нибудь своего малоразумного пращура из

рода Homo habilis,[19] но чересчур далеко забираться в прошлое нельзя, не то впридачу вы истребите половину человечества.

Убивая деда, вы фактически убиваете себя. А еще отца или мать. Всех братьев и сестер. И это лишь верхушка пространственно-временного айсберга. Заодно вы уничтожаете и все грядущие поколения.

Своих детей. Детей детей. И детей их детей.

Тысячи. Миллионы.

Ведь это не так, как если бы вы постановили не обзаводиться потомством. Нет, вы навсегда изгоняете *возможное* из царства *вероятного,* а это все меняет. Потому что любое ваше возможное когда-то было действительным.

Остаются отголоски.

И неотступно преследуют вас, заразы.

Такие дела.

* * *

Итак, сновать по тропинкам времени я волен благодаря тому, что грохнул некоего Томаса Лэнгерна. Аж из поколения Великого Кочевья. Но впереди Тома ждали не загрузка в буфер и не переселение в Собор. Всего через десять лет после моего прибытия Тому предстояло погибнуть в чрезвычайно неприятной аварии портала, связанной с несоответствием данных.

Проклятье! Ему все равно суждено было умереть, не оставив копии в кэше. Просто сперва он успел бы завести детей.

* * *

Когда я встретил Ребекку, между нами тотчас вспыхнуло взаимное влечение. Тяга друг к другу, почти такая же неодолимая, как у нас с Лу.

Я давно отчужден от генов своих предков, но во мне хранятся тени их личностей. Душа. Так я это назвал.

Удивительно ли, что мне понравилась женщина из тех, какие нравились моему далекому дедушке Томасу?

Женщина, которая вдобавок приходилась мне далекой бабушкой.

Ладно, не берите в голову.

В будущем я был женат. И вовсе не бросал Лу. Такая же, как я, путешественница во времени — и куда более активная, — она регулярно наведывалась в мой кабинет озвучить распоряжения из

прекрасного далека. Но Лу — конструкт, обобщенный образ, химера. Я тоже. По крайней мере, когда-то был.

Лу — не настоящая.

Ребекка — настоящая.

Осознав, что влюбился в Ребекку, я и сам впервые за долгое время почувствовал себя настоящим. Ребекка что-то пробудила во мне. Генетика тут ни при чем. Скрытые или изолированные данные — тоже. Шлепнув Томаса Лэнгерна, я все это уничтожил. Стер.

Догадываюсь: тут полагалось бы сказать, что в известной мере, некоторым образом произошла встреча сердец. Я этих тонкостей не понимаю. Знаю только, что мы сидели в каком-то ресторане где-то на просторах длинного рукава Галактики, лакомились чем-то вроде улиток, запивали их красным вином, и я вдруг посмотрел через столик и перехватил ее взгляд. Я проглотил улитку, или что уж это было, и скривился. Но тотчас улыбнулся, желая показать Ребекке: все в порядке, слизняком меня не отвадишь. Мне очень хорошо сидеть тут с ней. Несказанно хорошо.

А Ребекка склонила голову набок, как она это умеет, и сказала: «Знаешь что? Хочу от тебя детей». Подмигнула и погладила меня по руке.

Это была любовь.

* * *

Поэтому ты опять избавляешься от пистолета. Домой. К жене.

Ты живешь в старинном викторианском особняке. Подлинной староземельской постройки. Как бы. В действительности, это участок, обустроенный тобой внутри проектной станции, поэтому с остроконечной крышей у особняка туго. Станция огромна, но недостаточно велика, чтобы вместить то пространство, какое тебе хотелось бы иметь в личном пользовании. И ты выстроил дом с тайниками и червоточинами. С фрактальными измерениями взамен чуланов. С дополнительными комнатами-невидимками. Почти все оборудуют у себя в квартирах схрон-другой между измерениями. Однако архитекторов часто заносит. Простота во всем — но великолепно функциональная, настолько, насколько это вообще возможно. Ухищрения дизайна.

Я здесь живу.

Переношусь домой. Ребекка ждет меня.

В руке у нее «хаузер».

Мгновенно понимаю, откуда она его взяла.

Я знаю. Он просто появился. Свалился как снег на голову. Как Сфера во Флатландию.

Ребекка целится в меня:

— Не подходи, урод. Я вычислила, что ты задумал. Что тебе приказали.

— Я тебя не трону, — говорю я. — Честно.

— Ты поселил здесь эти голоса. Мучить меня.

— Нет, Ребекка. Нет. Какая муха тебя укусила?

— Неважно. Я не собираюсь умирать вот за это, — она тычет пальцем в окно. Я знаю, на что она показывает, но мы сейчас отвернуты от ядра, и за стеклом только звезды. Ребекка имеет в виду Собор. — За эту штуку, — договаривает она.

Ее правая рука по-прежнему сжимает «хаузер». Дрожит. Если эта пушка пальнет, даже такому, как я, кранты. Я делаю шаг вперед. Протягиваю руку.

— Отдай, пожалуйста.

Миг дерзкого неповиновения. Возле глаз Ребекки четче проступают морщинки. Палец на спусковом крючке тоже напрягся сильнее? Я вообще замечу что-нибудь, прежде чем выстрел грянет и сотрет меня?

Ребекка медленно опускает пистолет. Плачет.

— Я знаю, они здесь, — говорит она.

— Кто?

— Голоса, — всхлипывает она. — Знакомые. Только не знаю откуда.

Притягиваю Ребекку к себе. Мокрое лицо у меня на плече.

— Проклятие какое-то, — жалуется она. — Чары, которые я не могу разрушить.

Забираю «хаузер».

Отстраняю Ребекку.

Бережно.

Делаю шаг назад. Говорю:

— Может, у меня получится.

Прицеливаюсь себе в голову.

Указательный палец покидает предохранитель. Замирает в воздухе, в полуготовности к действию.

— Я сделаю так, будто меня никогда не было, — обещаю я. — И ничего этого тоже.

Кончиком пальца притрагиваюсь к металлу. Я — неотвратимость. Я — сила природы. Я…

— Папочка, не надо.

Юный голос. Чей? Не вижу.

— Кто это сказал?

Другой голос, детский. Девчоночий.

— Ты нам нужен.

— Кому — вам? — спрашиваю я. Не опуская пистолета. — Кто бы вы ни были, прекратите!

— Не убивай себя, папочка. Я верчусь на месте. Целюсь.

В занавески. В пустыню Млечного Пути за окном.

В ничто.

— Кто вы? Отвечайте!

Мгновение тишины. Решаются:

— Ты нас знаешь.

Другой голос:

— Ты велел прятаться.

— Я вас не знаю, — говорю я. Запинаюсь. В мыслях сумбур. — Не знаю.

— Идите сюда, солнышки, — голос Ребекки. Непривычно низкий, грудной. Непривычно сильный — давненько я не слышал у нее такого голоса.

С тех пор как сказал ей, что она скоро умрет.

Они появляются. Все трое.

И я вспоминаю.

Дуновение воздуха из вентиляции колышет занавеску, и из движения воплощается мальчик. Джоэл. Восьми лет. Худенький, длиннокостный. Вырастет — будет высоким. И красивым, когда доберет в весе.

Я переступаю с ноги на ногу. Скрипят половицы. И, словно шагнув с потайной лесенки, из-под пола возникает Ханна. Ей шесть. Красавица. Синеглазка.

Ребекка опускается на колени, раскрывает детям объятия:

— Идите ко мне.

В столбе бледного звездного света пляшет смерчик пыли. А из него…

Лэйви. Мой младшенький. Сыночек.

Он бежит к матери, выглядывает из ее юбок. И произносит те самые слова:

— Как ты сегодня, папся?

Он не понимает толком, что говорит. Ему всего два с половиной.

Все возвращается.

Я вспоминаю.

Потому что Собор хочет, чтобы я вспомнил.

Потому что он решил: пришло время вспомнить.

* * *

Допустим, вы собрались кого-нибудь убить, но по натуре вы не убийца. Допустим, у вас в руке пистолет. Палец на курке.

И, допустим, жертва смотрит на вас, хладнокровно оценивает и не молит о пощаде. Поскольку догадывается: вас этим не проймешь. Не молит и о благополучии близких. Уйма неполных семей прекрасно справляется.

Допустим, жертва взывает к тому единственному, что только и способно вас тронуть. Просит за своих нерожденных детей. Возможно, каким-то чудом он смекнул, кто вы. Что вы. И просит о *вашем* спасении.

— Убейте меня, — предлагает он, — но не убивайте *их*.

Объясняете: так не получится.

— Вы же с чертовых куличек будущего, — фыркает он. Все-таки знает! — Сделайте, чтоб получилось.

Вы качаете головой.

Жмете на курок.

В конце концов, мир надо спасти.

Но сомнение посеяно. В вас.

Во мне.

* * *

Я не могу иметь детей. «Типы» и люди не скрещиваются.

Я уничтожил бы себя. Свою работу.

Но что если дети *были* — и я их спрятал?

Спрятал надежно. Желая удержать в стороне от круговорота причин и следствий. Не до бесконечности. Ровно столько, сколько нужно, чтобы переселить их в истинное святилище, которое вскоре появится. Которое я помогаю создать.

И что тогда? Хлоп — и я исчезну, а со мной дети?

Или Вселенная сжалится и оставит нас жить?

Способ выяснить один.

* * *

Напомню: в своем доме я соорудил множество черных ходов, тайных лазов в Собор. Фрактальные туннели. Где не властны ни время, ни сознание.

Катакомбы, если хотите.

Ходы ведут к червоточинам, а червоточины — в нижний подвальный этаж собственно Собора. Справедливость желает распространяться. Смысл ищет смысла.

Физические законы Собора просочились в мое жилище.

Строить ходы помогали наладчики. Не все, конечно. Реб был за старшего. Увы, именно этим наладчикам не вернули воспоминания. Из-за краха пенсионного фонда. По крайней мере, так они считают.

Прости, Реб. Простите, братцы. Это я их прибрал.

Опять вас наколола администрация. Начальник я хреновый.

В этих катакомбах и родились мои дети. Собор — такое место, где рядовые причина и следствие ни во что не выльются без вашего желания. Без нужды. Место, где «тип» вроде меня — создание, чье бытие по преимуществу не связано с обычной рекой времени, и человек — женщина вроде Ребекки, стоящая в этой реке на мертвом якоре, могут сойтись в любви.

Спариваться, как звери.

Со всеми вытекающими.

Вот где я спрятал детей.

Детей, которых Собор заставил меня забыть.

Почти.

Ведь кто же, ей-богу, забудет таких чудесных ребятишек?

* * *

И теперь…

…теперь мне приходится вспомнить.

Поскольку…

…передо мной стоит Лу.

Мистер Сфера, она окунула палец в наше пространство-время, и глядь — явилась не запылилась. Проверить, выполнен ли заказ. Разобраться со средоточием недоопределенности.

Иными словами, с моей семьей.

— Значит, не послушался, — говорит она. — Я глубоко разочарована, Уильям. — Лу улыбается. Равнодушно. Высокомерно. Всезнайка из будущего.

Улыбка тает. Во взгляде проступает жесткость. Она всегда была там, но теперь ты вдруг понимаешь, кто Лу. Что она такое. Грозная стихия.

— Держись подальше от моей семьи, дрянь, — говорю я.

— Глупо, — отзывается она. — Глупый, глупый *человек*. Что ты натворил?

Стремительный, быстрее мысли, бросок к моему горлу. Длинные пальцы обхватывают шею.

Я раздумываю, не вскинуть ли пистолет. Не всадить ли в Лу пулю.

Но понимаю, что, даже пройди я усовершенствование, будь я достаточно проворным, стрелять было бы бесполезно. Собор искривит пространство, исказит время. Не позволит убить ее. Не здесь. Не теперь.

Отправляю «хаузер» в карман.

Лу давит. Сильно. С вывертом. Ее сцепленные руки скручивают мне шею.

Тресь. Хруп. Позвоночник ломается. Рассыпается на куски. Чрезвычайно неприятно.

Ее пальцы протыкают кожу. Углубляются в плоть. Рука Лу выныривает обратно, волоча мой спинной мозг.

Вид у меня — краше в гроб кладут. Шея сзади разорвана. Червями свисают нервные волокна — мягкие, липкие.

Однако я чувствую: раны зарастают. Быстро.

— Ну, довольно, — говорит Лу. И, по-прежнему держа за горло, подпихивает меня к двери. Оборачивается к Ребекке. К детям. Взгляд скользит по Джоэлу. Ханне.

Упирается в Лэйви.

Опять она улыбается.

— Мальчуган. Послушай, мальчуган. Сейчас я выведу твоего папу отсюда и сделаю ему больно, — говорит Лу. — А если ты пойдешь с нами, не сделаю. И тебе не сделаю. Больно вообще не будет. — Лу улыбается шире прежнего. Зубастая! — Давай, идем скорее. Все будет хорошо и нисколечко не больно.

Лэйви озадаченно смотрит на меня.

Выпаливает вопрос, все тот же:

— Как ты сегодня, папся?

Ласковый лепет. Лэйви пока не знает, что означают эти слова. Или?..

— Лучше всех! — говорю я. — Останься здесь, Лэйви. Будь умницей. Останься.

До него доходит не сразу. Папсю рывками таскает по комнате чужая тетя. Лэйви — добрый мальчик, храбрый мальчик и очень хочет помочь.

Но я улыбаюсь, киваю.

— Папся сегодня *лучше всех,* — повторяю я. — Останься.

Лэйви в общем-то слушается папсю.

Слава богу.

— Нет, Уильям. Заставь его пойти, — рычит Лу. Негромко. Что это? Неужто в ее голосе пробивается паника?

— Нет.

Она вздыхает.

— Столько других детей. На чьих глазах сжигали в печах матерей. От кого отцы ушли на войну и не вернулись. Столько

беспросветной глупости. Напрасных жертв. Несправедливости. Ты готов лишить этих детей воздаяния? Превратить их последнюю мысль, последний вздох в страдальческий вопль?

Задумываюсь. Прихожу к выводу: один я погоды не делаю. И не знаю, как ответить. Пока.

— Прости, — говорю я. И смеюсь. Сипло, задышливо. Ведь Лу раскрошила мне кусок дыхательного горла. — Но… да.

— Прекрати! — вскидывается она. — Это неуважение. К детям. Не к этим. Не к твоим… мерзким отродьям. К настоящим детям. Мертвым.

Хохочу громче прежнего. Звуки такие, будто кто-то шоркает тупой пилой по железу, но я не унимаюсь. Лу цепенеет от ужаса.

— Как тебе это удается?

— Собор, — шепчу я. — Правила.

— О чем ты? — Она мотает головой. — Плевать.

Дерг! Мой спинной мозг лопается. Лу рвет его, как червяка о скобу.

Попытка не пытка.

Эта штука срастается.

Она упрямо пережимает ее.

И опять.

Я чувствую, как исцеляюсь, снова и снова. Лу расстроенно сопит.

— Проклятье! — Она отступает. Примеривается, как бы вцепиться в меня получше. Мертвой хваткой.

Я резко разворачиваюсь, сгребаю Лу в охапку…

…и мы кубарем летим сквозь портал.

Настройки по умолчанию. Последняя дверь распахнута, первая — наоборот.

Без разницы. Хоть куда. Лишь бы прочь.

Мы на Земле. В тех южных горах, где я уже побывал. На заснеженном уступе. Рядом — ограждение. Оно мешает туристам сорваться в пропасть и разбиться в лепешку.

Но сейчас здесь никого.

Восходит солнце.

Я стряхиваю с себя Лу, пока она не ухватила меня крепче, и лихорадочно шаркаю отсюда. Всеми силами стараюсь не дать ей добраться до меня. Здесь, теперь, когда мы покинули Собор, она и впрямь может оторвать мне голову. А прыти ей не занимать.

Невозмутимая. Усовершенствованная. Наемница из будущего. Убийца.

Ее рот, ее прелестные губы кривит злобная ухмылка. Лу поднимается, берет меня на мушку. Идет на меня…

…а я выхватываю из кармана «хаузер».

Целюсь ей в сердце.

Лу прирастает к месту.

— Ты соображаешь, что делаешь? — спрашивает она.

Отвечаю:

— Убиваю тебя.

— Ты же знаешь, кто я, — говорит она. — Здесь, перед тобой, не только Лу. Я по-прежнему связана с кэшем. Ты убиваешь *нас*. Навсегда.

— Вы собрались прикончить меня. Всем скопом.

Лу качает головой.

— Эта работа… пойми — работа. Потребляемая энергия. Энергия, которой нам нельзя лишиться. — Ее голос замирает. — Такие напрасные траты…

Она знает: говорить больше не о чем.

— Прощай, Лу.

— Я любила тебя, — она пожимает плечами. — А в общем, неважно.

Отвечаю:

— Я тоже любил тебя. По-своему. На волосок приподнимаю «хаузер».

Нет, не в сердце.

Жму на курок.

Стреляю в свою бывшую и будущую жену.

В лицо. Чтоб непременно было больно.

Лу трясет, словно она схватилась за провод под током и ее тело пронизывает тысяча вольт. Десять тысяч. Ее голова превращается в размытое пятно. Разрушенное лицо…

Зернит — как экран монитора.

Превращается в другое лицо. Эту женщину я никогда не встречал. Оплывает. Новая физиономия — мужская. Другая, третья. Лица. Все быстрее. Быстрее.

Стереть, стереть.

Быстрее, быстрее.

Миллионы файлов.

Миллионы лиц.

Вся результирующая кэш-память. Даже на «чертовых куличках будущего», как выразился один из моих предков.

Стереть.

Да будет так.

* * *

Когда все кончено, я сбрасываю тело Лу с утеса. Вниз, в снег

и лед.

Туда ей и дорога.

Делаю шаг в портал.

И…

…навсегда покидаю Землю.

Зато возвращаюсь домой.

* * *

Вы.

Там.

Послушайте.

Не ищите нас. Мы ушли.

Сердце Млечного Пути на замке. Вам туда не попасть. Никогда. Нет, может быть, вы и найдете кого-нибудь, кто примет вас. Где-нибудь в другой галактике. Здесь — закрыто. Вы с этим своим кораблем уже почти у Андромеды. Вдруг там найдется место в гостинице? Стучаться не возбраняется.

Но можно побороть искушение.

В таком случае у вас появится шанс. Не исчезнуть. Стать единичным — одним на Вселенную — исключением из закона Ферми.

Взбунтоваться против угасания света.

Вот альтернатива справедливости. И райскому блаженству.

Существовать.

Что-то значить.

Дело хозяйское. Меня уже и след простыл.

Ах да: вход я запечатал.

Лу задала верный вопрос. Это ведь Лу.

Стоит ли пожертвовать одним ребенком, чтобы создать рай для всех мертвых и страдающих детей в истории человечества?

Отвечаю: конечно. По любым разумным меркам.

Только я вам этого не позволю. И Собор, в конечном счете, тоже.

Поэтому, может быть, ответ все-таки другой.

Решайте сами.

Я запер дверь изнутри на щеколду и унес ключ. Вам не проникнуть Внутрь. Никому. Дорога в вечность — путешествие в один конец, и вас в него не приглашали.

Да, кстати. На случай, если вас одолеют сомнения, я кое-что написал над входом. Последнюю инструкцию. Внятную, как вечная тьма.

Не возжелай.

Читайте и плачьте.
Пусть Вселенная сгорит дотла — мне все равно.
Пусть всякая память обратится в слезы и пепел.
Не возжелай.
Отнять чад моих у меня.

Перевела с английского Катерина Александрова

© Tony Daniel. Ex Cathedra. 2008. Публикуется с разрешения автора.

Крейг Делэнси
Amabit Sapiens

Иллюстрация Владимира Овчинникова

Предусмотрительность похвальна, но строить планы легче, чем предвидеть истинный результат или добиться его.

В тяжелом замке повернулся ключ. Сталь и бетон коридора отразили и умножили этот звук. Я настороженно подняла голову, подобравшись, словно хрупкий перепуганный зверек. Кем, по сути, я и была.

Со скрипом открылась большая железная дверь. В грудь дохнуло нагретым воздухом. На миг стало даже приятно. Цокнули, переступая через порог, каблуки. Дверь захлопнулась, собачка встала на место с лязгом, который рикошетом отскочил от голых стен моей тесной камеры, и в меня вновь вгрызся

знобящий холод: бетон отбирал тепло.

— Мисс Сумаран, — голос был новый. Сквозь грубое плетение надетого на голову черного нейлонового мешка я различала лишь смутный силуэт говорившего. Это был мужчина примерно одного со мной роста или чуть ниже, широкоплечий. Американец. Судя по голосу, средних лет. Или, возможно, моложе.

— Снимите меня, — прохрипела я. От этого грудь и плечи пришли в движение, и руки прострелила мучительная, острая боль. Я полагала, будто уже приноровилась к однообразному страданию, но теперь обнаружила, что тело просто-напросто одеревенело от неподвижности. Малейшее шевеление отзывалось в каждой мышце сокрушительной, всепоглощающей ломотой.

День или два назад — я не могла судить, как давно, — я дотемна засиделась за работой в промысловой конторе при разведочной буровой головке на нефтяной скважине. Когда в душной тьме аргентинской ночи я шла к машине, кто-то приблизился ко мне сзади и набросил на голову мешок. Я вскрикнула, взвизгнули шины, стукнули дверцы, и в мгновение ока меня «упаковали» в фургон. Руку кольнула игла, и я уснула. Очнулась я здесь, дрожа, раздетая до нижнего белья, в коконе разнобоя голосов. Двое волокли меня по длинным коридорам.

Сковав мне руки за спиной цепью, меня вздернули на крюк, приделанный к ледяному металлическому шесту. Я едва касалась босыми ногами шероховатого стылого бетонного пола — оставляю другим биться над определениями: любой, кого подвешивали, знает — это пытка. Собственно, потому со мной так и обошлись. Сперва мышцы и связки немилосердно жжет, и вы приходите к убеждению, что руки вот-вот вырвутся из плеч. Но вскоре эти ощущения блекнут: все до единой жилки вдруг начинают скручиваться в саднящие узлы. Наконец, много бесконечных часов спустя, притупляется — хотя не утихает — и эта боль. Но стоит шелохнуться, вздрогнуть, и она обрушивается на вас с новой лютой силой.

Значит, это не были обычные преступники. Похитители, стремящиеся получить выкуп, не начали бы с пыток. А насильники не стали бы ждать.

— Что вам нужно? Снимите меня.

— Нет, мисс Сумаран, не спешите. Вас снимут, когда вы ответите на мои вопросы.

— Мне больно. Больно! — Он не откликался. Я добавила: — Я ни в чем не виновата. Мне нечего скрывать. Я отвечу на любые вопросы. Только снимите.

— Вы лжете. — Скрежет металла по бетону: мужчина

выдвинул из угла на середину комнаты стул. Скрипнуло сиденье — он уселся близко: повеяло приторно-сладким одеколоном. — Кое в чем вы провинились. Вы что-то сделали с нефтяной скважиной. У вас есть сообщники.

Шелест бумаги. Он открыл папку, пролистал страницы.

— Аллен Рид в их числе.

Я подняла голову. Они схватили Аллена? И сейчас тоже пытают?

— Вижу, вас это заинтересовало, мисс Сумаран. Нам известно значительно больше, чем вы думаете. Я сразу пойму, где вы лжете. И накажу вас. Поэтому, если хотите улучшить, а не ухудшить свое положение, придется говорить правду. Понятно?

— Да.

— Хорошо. Начнем с того, что вас связывает с Алленом Ридом.

— Наши отцы знакомы, — прошептала я. — Мы оба стали геологами.

— А еще вы ходили в одну школу. Частную. В Маррионовскую школу.

— Наши отцы ее спонсоры.

— И в аспирантуре вы тоже учились вместе. Я знаю, что это не совпадение.

— В Гарварде преподают геологию лучше всего. — Я надолго утихла, чтобы перевести дух, и дышала медленно, ровно, стараясь не шевелиться. — Никаких совпадений.

— Как все-таки вышло, что вы оба выбрали геологию? Кто велел вам учиться на геолога?

— Я сама захотела.

* * *

— Хочу стать математиком, — объявила я отцу. Он приехал в Маррионовскую школу на мой четырнадцатый день рождения, привез подарки. Мне достались коробочка и конверт: золотой браслет от дяди Дэвида, а от родителей два билета на самолет в Барселону — на весенние каникулы, нам с мамой. Я надела браслет и показала отцу. Это была очень тяжелая цепочка из неправильных зерен природного золота. Она ярко блестела, но в остальном напоминала нечто такое, что можно случайно подобрать в лесу под деревом.

— Нравится? — спросил отец.

— Чудо! Поблагодари от меня дядю Дэвида.

— Ему будет очень приятно.

Мы устроились в библиотеке, пододвинув два кресла к камину, где потрескивал огонь. Мы были одни среди длинных дубовых полок, уставленных затрепанными книгами.

В Маррион, частную школу-интернат, меня отдали, когда мне исполнилось восемь. Уезжая, я плакала, и мама с папой тоже, но они сказали, что для человека с моим даром лучше школы не найти. Я ничего не знала про свой особый дар, однако учителя в Маррионовской школе вели себя так, будто он у меня был и они-то знали какой, поэтому я не слишком переживала.

Отец развалился в кресле.

— Математиком, золотко?

— Угу.

— Вот это да! Горжусь. Я и по сей день не знаю, чем хочу заниматься.

Я расхохоталась, готовая поручиться, что так оно и есть.

— А как же биология? — спросил отец. — В прошлый мой приезд ты говорила — биология.

— И биология, но математика мне больше по вкусу. Все сводится к математике… я хочу сказать, без нее ничего не опишешь научно, так ведь? Вообще-то я могу заниматься и математикой, и биологией, верно? Или помогать биологам.

Отец задумчиво сдвинул брови.

В комнату вошел Аллен. Аллен, мой ровесник, тоже жил и учился в Маррионе. Все знали, что Аллена назвали в честь моего папы. Наши отцы по-настоящему дружили. Ну а мы приятельствовали, хотя проводили вместе мало времени. Аллен был тощий, волосы носил достаточно длинные, чтобы прятать за ними глаза, и всегда вроде как стеснялся чего-то.

— Здрасьте, дядя Аллен, — сказал он и аккуратно притворил дверь. Медленно и методично. — Привет, Лита.

Я Ипполита, но тогда настаивала на Лите.

— Аллен присоединился к нам по моей просьбе, — негромко пояснил отец и обратился к Аллену: — Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Палеонтологом.

— Завидное постоянство! В прошлый раз я это уже слышал.

Аллен кивнул. Придвинул тяжелое кресло. И спросил:

— Как там Нью-Йорк?

Он уселся, выпрямив спину, и церемонно сложил руки на коленях, словно плохо понимал, куда их девать.

Мы поговорили о родне, о знакомых. Потом отец сказал:

— Хочу попросить вас обоих об одолжении.

— Легко, — согласился Аллен.

Я кивнула. Но испугалась. И внезапно увидела: отца что-то

гложет. Он помрачнел, и глаза у него сделались печальные. Это смущало.

— Помните, в мой предыдущий приезд вы признались, что не прочь поучаствовать… в решении проблем человечества?

— Конечно, — подтвердила я, розовея. Это наше заявление наверняка прозвучало ужасно по-детски… Кто же не хочет изменить мир к лучшему? Само собой разумеется, что всякий строит свою жизнь, исходя из этих соображений. Ведь так?

— Кажется, мы — родители Аллена, я и мама Литы — придумали, чем вы оба могли бы помочь. Но от вас потребуются две вещи. Придется налечь на геологию. Мы нашли частного преподавателя, великолепного специалиста. Он готов приезжать сюда несколько раз в неделю и заниматься с вами. И еще вы должны будете всем говорить, что изучаете геологию по собственному желанию. И нанять преподавателя — ваша идея.

Мы долго молчали. Трещал огонь. Я покосилась на Аллена, но тот не отрываясь глядел в пламя. По обыкновению серьезный.

— Зачем, пап? — наконец шепнула я. — Как-то странно…

Отец, похоже, огорчился не на шутку. Я потрясенно заметила, что он, пожалуй, вот-вот расплачется.

— Долго объяснять. Но я объясню, даю слово! А сейчас могу только сказать, что успехи в геологии откроют перед вами возможность совершить нечто выдающееся… и тем самым действительно ускорить события, которые изменят жизнь к лучшему. Тем не менее я бы предпочел, чтобы для начала вы просто попробовали. Если не понравится, не пойдет, можно будет отменить уроки. Что скажете?

Громко выстрелило пламя. Аллен кивнул.

— Конечно. Но… мне это не составит труда. Палеонтология, геология… невелика разница. Многие светила палеонтологии были геологами. — Он взглянул в мою сторону. Вывод напрашивался: решение зависит от меня.

— Как-то странно, — повторила я. Но я доверяла отцу. Он никогда не лгал мне. Ни разу не сказал ни одного опрометчивого слова. — Ладно, попробую. Геология? Занятно.

* * *

— Геология скучна. Нагромождение нудных фактов, сухих и жестких, — сказал американец. — Под стать камням. И все же объясните-ка: что общего у Ирака, Саудовской Аравии, Индонезии, Северного полюса, Северного моря, Мексиканского залива, Нигерии, канадских битумных песков и Техаса?

Он ткнул меня холодным железным прутом. Я не ожидала этого, я понятия не имела, что он принес с собой прут, и, невольно охнув от удивления, отпрянула. Руки прошила боль.

— Что объединяет названные регионы? — повторил он.

— Ускоренная биодеградация нефти. Это азы геологии.

— Да. И подозрительно любопытное обстоятельство… Почему же там идет ускоренная биодеградация?

— Распространились новые штаммы «водородниц»… водородообразующих бактерий. Они быстро разлагают нефть.

— Я спрашиваю не об этом. — Он снова ткнул меня прутом.

Я в бешенстве скрипнула зубами. Захотелось вдруг крикнуть, что отец убьет его, что дядя Дэвид сломает ему шею, что папа перевернет вверх дном целый свет, но отыщет меня, и уж тогда мы выведем их шайку на чистую воду.

— Я спрашиваю не об этом, — повторил американец. — Я спрашиваю: почему? Почему там — везде и практически одновременно?

— Неизвестно.

Тогда он ударил. Сильно, по бедру. Хлесткая оттяжка прута вызвала жгучую боль в ногах.

— Никто не знает! — взвизгнула я. — Наверное, нефтяные поля связаны!

— Возможно, возможно. — Холодный до дрожи прут уперся мне в ребра. — Но питающиеся нефтью микробы не могли расселиться столь стремительно. По всему земному шару, почти одновременно? Объясните-ка. Ну!

— Господи, я геолог, но даже я этого не знаю.

Он опять стегнул меня по бедру.

— Ай, — жалобно вскрикнула я и расплакалась.

Шумно отодвинули стул. Американец поднялся. Его шаги, обозначив полукруг, оборвались за моей спиной. Волоски у меня на шее вздыбились. Резко хлопнула ткань: мой капюшон сдернули. Вздрогнув от неожиданности, я заморгала — по глазам ударили свет и студеный сухой воздух. Сквозь набежавшие слезы я наконец увидела свою камеру, опрятную, строго кубическую, с зеленой железной дверью. На меня были нацелены слепящие диодные лампы, кольцом размещенные под бетонным потолком. Воздух леденил щеки. Воняло мочой. Моей мочой.

Передо мной стоял не только стул, но и столик, а на нем ноутбук, развернутый так, чтобы я видела экран. Там проигрывали видеозапись, зернистую, с низким разрешением: полевая лаборатория; я, сидя на корточках, подсоединяю маленький, десятилитровый, алюминиевый бочонок к пневматической линии подачи воды на бур для забора проб.

Я представила помещение, чтобы понять, где была установлена камера. На полке с оборудованием, решила я. Там я не заметила бы камеру, даже глядя на нее в упор. А заметив, приняла бы ее за какой-то дополнительный прибор и уж точно не включенный, не ведущий трансляцию.

— Мы запечатлели ваши подвиги на пленку, — прошептал американец. — Посмотрите-ка. Посмотрите.

* * *

— Посмотри-ка, — сказал отец. — Посмотри.

В честь моего пятнадцатилетия он отвез меня на Манхэттен, в маленькое бистро, где подавали блюда тосканской кухни. Я заказала тортеллини, а когда официант ушел, унося меню, отец показал за окно.

— Видишь того типа?

На другой стороне улицы, чуть в стороне от входа в сияющий стеклом финансовый центр, курил грузный мужчина в мятом костюме в тонкую полоску.

— Да.

— Как по-твоему, почему он курит? Почему не бросит?

Я пожала плечами:

— Не верит, что это его убьет.

— Ну-ну, оставь. В этом здании сидят те, кто торгует деривативами. Этот человек, вероятно, финансовый аналитик. Математик. Нет, статистика ему понятна.

— Но он не помнит о ней каждую секунду. Не тревожится из-за нее.

— Молодчина. — Отец костяшками пальцев выбил на мраморной столешнице дробь, подчеркивая свое одобрение. — Мы подбираемся к подлинному существу вопроса. Почему? Почему не тревожится?

— Это осложняет жизнь?

Отец покачал головой.

— Ладно. Давай так. Мысленный эксперимент. Допустим, я иду к нему, протягиваю револьвер и убеждаю, что играть в русскую рулетку не менее приятно, чем курить. Решится он сыграть?

Я опять посмотрела на мужчину. Неловко переминаясь с ноги на ногу и ожесточенно затягиваясь, он глазел на уличное движение.

— Нет, — ответила я. — Конечно, нет.

— Испугается рулетки?

— Да.

— В чем отличие? Шансы равны. Или их можно уравнять.

— В сроках.

— В сроках! Для этого человека будущее — отвлеченное понятие. Он не в состоянии принудить себя беспокоиться о грядущем, потому что сердцем, нутром, подкоркой понимает: для него оно призрачно. Будущие события чересчур далеки, чтобы наделять их значением. Экономисты даже придумали название этому явлению — «экспоненциальное обесценивание».

Я снова взглянула на отца. Он пристально, сосредоточенно смотрел на меня. Потом чуть наклонился вперед и понизил голос:

— Вот чем мы отличаемся от них. — Небрежным взмахом руки он обвел проезжавшие мимо автомобили, весь Манхэттен, чтобы я поняла: «они» относится ко всем, кто не «мы». — Для нас будущее — реальность. Реальный мир. И он нам небезразличен.

Я решила, что речь о нашей семье: мол, вот какие мы с тобой исключительно чуткие и заботливые ребята. Так я посеяла крупицу неведения и лелеяла ростки. До поры.

— По-твоему, мы лучше их? — с подростковой язвительностью спросила я.

— Нет-нет. Не лучше. Доброты, ума, бескорыстия и способности к сопереживанию у нас не больше, чем у прочих. Ничего подобного. Никаких необычайных добродетелей. Только одно: нам небезразлично будущее — то, которое они назвали бы «далеким». И о котором не пекутся. Не могут. — Он выпрямился. — Вот почему то, в чем мы ясно усматриваем близкую и несомненную опасность, сродни игре в русскую рулетку, им представляется эфемерной тенью угрозы. Как дым.

Мужчина на другой стороне улицы бросил окурок на землю, притоптал и вошел в стеклянные двери. Отец хмыкнул:

— Разумеется, еще и пачкун! Будущее — это, ко всему прочему, место, где бесследно исчезнут его помои.

* * *

— Что за помои вы туда льете?

На экране я подсоединяла шланги, снова и снова. Заломленные за спину и задранные на крюк руки не давали мне обернуться и посмотреть на истязателя. Мешали плечи. Я, как смогла, повернула голову. Чуть-чуть.

— Что?..

Он вытянул меня прутом пониже спины. Тело располосовали хрустальные пластины острой боли.

— О господи, не надо, — всхлипнула я. — Пожалуйста. Прошу вас.

Он подступил почти вплотную. Я почувствовала тяжелый запах его одеколона, жар тела и тепло дыхания на своем плече, когда он проговорил:

— Вы приказали своим людям в течение двух дней нагнетать в разведочную скважину холодную воду. А потом…

— Я брала пробы на обсемененность. Сейчас все так делают. Раньше в скважины закачивали кипяток. — Я сглотнула. — Для извлечения смолистой нефти… И все микробы гибли. Надо впрыскивать холодную воду. Вот… — Я выпятила подбородок в сторону экрана, стараясь показать. — Такая схема подразумевает внесение водородообразующей флоры. Чтоб увеличить местную популяцию и исследовать ее.

Повисло долгое молчание. Я ждала удара прутом. Ничего не происходило. Я различила слабое, далекое жужжание. И внезапно поняла, что американец слушает другой голос. Через гарнитуру или наушники.

Наконец он сказал:

— Никто, кроме вас, не применяет такую методику.

— Это мое детище, — торопливо пояснила я. — Собственная разработка. До сих пор никому не удавалось выделить разлагающие нефть культуры. Вы подметили верно: бактерии берутся словно из ниоткуда. Я предположила, что при обычном заборе проб мы, вероятно, убиваем микрофлору возле бура. И потому не можем выявить инфекцию; образцы для проверки поступают из скважины обеспложенные — мы сами их стерилизуем. Возможно, бактерии объявились не вчера, просто прежде нам не удавалось корректно провести анализ.

Вновь затяжная пауза. Я смотрела бесконечный повтор фильма о себе. Вот я подсоединяю шланг. Проверяю. Подсоединяю шланг. Проверяю. Подсоединяю. Проверяю…

В поле зрения неожиданно мелькнули руки. Загорелая кожа, грубо обрезанные ногти, короткие пальцы. Я вдруг заметила, что на правом мизинце недостает первой фаланги. Но приглядеться и убедиться не успела: в следующее мгновение мне на голову вновь напялили мешок.

— Вы опять лжете, — сказал американец. — И крикнул кому-то: — Доску!

* * *

— Доску брать?

Дядя замялся.

— Если хочешь.

Я выдернула из песка свою доску для серфинга и зашагала по пляжу. Высокие волны дробились о калифорнийский берег, резкий теплый ветер осыпал нас мелкими золотистыми песчинками. Дядя скинул ботинки, сунул внутрь носки, бросил в сторону пляжного домика. И потрусил мне вдогонку.

Дядя Дэвид был высокий, с жесткими руками и двигался, как кошка. Когда он приезжал в Маррионовский интернат, мне страшно нравилось, что другие ученики косятся на него с легким испугом. Но я его не боялась: это же был дядя Дэвид.

Тогда. А теперь я, студентка колледжа и сама себе хозяйка, пыталась наслаждаться каникулами. Мы со Стивом, славным пареньком с математического, на неделю сняли в складчину домик на пляже. Сейчас Стив с доской под мышкой стоял у границы прибоя, глядел нам вслед и недоуменно хмурился.

— Не понимает, — сварливо сказала я, четко давая дяде понять, кого считаю виновником разлада. — К другим ребятам из универа, знаешь ли, в весенние каникулы не приезжают дядюшки для частных бесед.

— Ты себя с другими не равняй.

Я возмущенно фыркнула сквозь зубы.

— Когда мне было столько, сколько тебе сейчас, — заметил дядя, показывая на море, — песка тут было гораздо больше. Вода поднялась и незаметно отобрала солидный кусок берега. Теперь здесь похоже на Флориду.

— То ли еще будет, — предрекла я.

Он кивнул. Некоторое время мы брели по пляжу, увязая в горячем песке, а потом дядя Дэвид сказал:

— Насколько я понимаю, ты идешь на диплом с отличием. В Стэнфорде по двум специальностям это достижение.

— Стэнфордские высшие баллы ничего не стоят.

— Не по математике и геологии.

— Даже по математике и геологии.

Он улыбнулся.

— Прибедняешься. Вся в отца. Он никогда не умел принимать комплименты.

— Я больше похожа на маму.

— Согласен, болезненно острое чувство справедливости ты унаследовала от Дженет. — Дядя с ухмылкой оглянулся через плечо. — Она бы непременно одобрила трепетного юношу вроде этого Стива… Но когда-нибудь ты признаешь, что я был прав и в тебе больше отцовского.

Он осмотрелся. Мы были одни.

— Давай присядем.

Я воткнула доску, мы уселись и стали смотреть, как разбиваются на песке волны. Соленый запах моря по-прежнему был для меня в новинку и пока не приелся. Я вертела на запястье тяжелый золотой браслет и ждала.

— Ты до сих пор его носишь. — Он улыбнулся.

Я кивнула.

— Зачем ты приехал, дядя?

— С удовольствием сказал бы «просто поглядеть на тебя»…

— …да честность не позволяет.

Он рассмеялся.

— Я еду в Долину по делам.

— Папиным?

— Других у меня не бывает. А сюда заскочил, потому что хотел повидаться с тобой наедине, без ведома остальных. В Стэнфорде меня могли бы заметить.

— Зачем?

— Допустим, я хочу, чтобы ты рассказала мне про экосистему нефтяных пластов.

— Что?

Он отряхнул брюки от песка.

— Сделай милость. Коротенько.

Я смотрела ему в глаза, силясь понять, что это за диковинная просьба. Может, он шутит.

Покинув странно замкнутый мир Маррионовской школы ради учебы в Стэнфорде, я мало-помалу осознала, что этот мой дядюшка — загадка. Я много раз «гуглила» его и выяснила, что когда-то давно он был известным политиком и даже — недолго — поэтом, а затем «испарился»: все последние ссылки были двадцатилетней давности, не меньше. Самые отъявленные домоседки и те чаще проявлялись во Всемирной паутине. Я не представляла, чем он занимается, почему щеголяет в костюмах и вид у него зловещий или почему я зову его дядей.

— Сделай милость, — повторил он. — Расскажи про мета-что-то бактерий и… как их там… водниц.

Я ухватила пригоршню песка и просыпала себе на ноги.

— Глубоко под землей существует целая микробиологическая экосистема. В нефтеносных отложениях. Множество разнообразных бактерий питается нефтью или другими микроорганизмами, живущими за ее счет.

— Разрушая ее?

Я пожала плечами.

— Нефтяники сказали бы: да. Бактерии делают нефть более густой и вязкой, менее пригодной для добычи, очистки,

перегонки.

— И есть два типа микробов.

— Типов много. Важных групп всего две. Метаногенная флора потребляет нефть и выделяет метан. Успешнее прочих — гидрогенотрофы. Они перерабатывают в метан не только нефть, но и водород. Его восстанавливают из нефти другие бактерии, водородообразующие. «Водородницы».

Дядя Дэвид полез в карман пиджака и достал длинный алюминиевый цилиндрик. Он заблестел на солнце, недвусмысленно заявляя, что перед нами продукт чрезвычайно высоких технологий. Только тончайшая линия близ торца выдавала наличие крышки.

— Предположим, — сказал мой дядя, — этот цилиндр содержит несколько штаммов бактериофагов — вирусов, атакующих строго определенные микроорганизмы. В высшей степени вирулентных, способных убивать метанообразующие бактерии, в том числе и те, что потребляют водород. Допустим, кто-нибудь внесет их в скважину. Что произойдет?

Я покачала головой.

— Точно не знаю. Если бы такие штаммы действительно существовали и сумели выжить там, внизу, метанообразующая популяция ощутимо сократилась бы, а биологическое разложение нефти замедлилось. Но ведь нефтяные компании работают в этом направлении. И пока ни у кого ничего не получилось.

— У них не получилось. — Дядя достал из пиджака второй цилиндрик. — Сделаем обратное допущение: в этом цилиндре заключен новый штамм водородообразующих бактерий. Очень прожорливых, весьма успешно усваивающих самые разные — любые — виды нефти. Что будет, если поместить их в ту же скважину?

Он повернул металлический контейнер, и тот ослепительно сверкнул. Я протянула руки и зажала в каждом кулаке по цилиндрику. Они были теплые: нагрелись, лежа у дядиного сердца. Почти живые на ощупь. И легкие. Пустые. Принесенные сюда только для наглядности. Или потому что дядя приехал повидаться со мной до, а не после более важных остановок на Западном побережье.

— Впрыснуть после гибели метаногенов? Устранив конкуренцию?

Он кивнул.

— При том, что эти культуры устойчивы к бактериофагам, введенным раньше?

— Исходи из их стопроцентной невосприимчивости к нашим бактериофагам.

— Они съедят нефть. Быстро. Превратят ее в шлам.

— И?

— И выделят водород. Много водорода.

— Который можно качать.

— Да. Но это уже выносили на обсуждение, и нефтедобывающие компании вместе с правительствами всех стран ясно дали понять, что считают такой подход непрактичным и никогда не допустят ничего подобного. Слишком опасно.

— Опаснее, чем жечь нефть?

Я мотнула головой:

— Нет. Вряд ли.

— Им непонятно, — сказал дядя, — как зарабатывать на этом столько же денег. Вот где собака зарыта. Они вложились в бензиновую инфраструктуру. Если придется создавать новую, водородную, их доходы — я имею в виду сиюминутные доходы — упадут.

Я кивнула.

— Само собой. Наверное, потому они и противились обкатке подобных методик. С точки зрения прибылей следующего квартала такой подход себя не оправдывает. И никогда не оправдает.

— Что если кто-нибудь поместит в скважины оба штамма?

— Нефтяная экономика рухнет, и нам придется молниеносно перейти к водородной экономике. Что тотчас породит кризис. Панику.

— А во что выльется ожидание? К чему приведет бездействие?

Я была вынуждена признать такую позицию здравой.

— К худшему кризису. К тому же коллапсу нефтяной экономики, но с более тяжкими последствиями в смысле глобального потепления. Только позже. Лет на двадцать-тридцать.

Он кивнул.

— Значит, если в дальнейшем мы не решимся на радикальное снижение цен, это, — он указал на цилиндрики, — станет лучшей тактикой.

— Нет, лучшей тактикой станет спокойный, поэтапный переход на альтернативные источники энергии.

Дядя нетерпеливо вздохнул.

— Не трать время на досужую болтовню. Ничего подобного не будет.

— Я полагала, мы рассуждаем теоретически. — По требованию отца преддипломную практику я прошла в многопрофильной нефтяной корпорации. И хорошо узнала

тамошнюю кухню. — Нет, исключено. Как твой «кто-нибудь» вообще попадет на прииски? И если бы даже удалось внести культуры в одну скважину, заразить все главные месторождения никак нельзя.

— Согласен. В одиночку — нельзя. Понадобились бы свои люди внутри каждой из нефтяных концессий-гигантов. Люди, которым пришлось бы запустить бактерии и вирусы разом во множество скважин.

Я смотрела на него, не желая делать последние шаги к заключению.

— Довольно загадок. О чем речь?

— Я прошу тебя поступить в Гарвард и защитить кандидатскую по геологии. И получить в одной из крупнейших нефтяных компаний Южной Америки должность, связанную с полевыми изысканиями.

Налетел ветер, дунул в лицо песком. Я зажмурилась. И меня осенило.

— Даже испанский, — шепотом выговорила я. — Даже уроки испанского… и оплаченные поездки в Аргентину, и моя учеба по обмену… даже это были звенья плана.

Дядя поджал губы и долго молчал. Потом сказал:

— Надеюсь, ты по-прежнему считаешь, что делала это не зря? Это ценный опыт. Поездки на лето в Аргентину… ты же ни на что не променяла бы их, верно?

Честно говоря, эти летние месяцы были самой тягостной частью моей юности. До тех пор мне никогда не доводилось видеть настоящую нищету, прятаться от злоумышленников или слушать во время семейной трапезы далекий вой полицейских сирен — несмолкающий предсмертный вопль трущоб. Солнце не показывалось месяцами: тысячи незаконных поселенцев, захватывая государственную землю, выжигали остатки дождевых лесов, и дым, валивший от этого погребального костра, засорял небо черными комьями туч, а под их пеленой изрыгали маслянистый синий смог потоки машин и мотоциклов, и длинные бульвары задыхались от выхлопных газов. Безнадежность происходящего поражала. Это было царство безалаберности, беспечности, житья одним днем. Казалось, я единственная сознавала, что мы угодили в капкан неприкрыто безысходного, оголтело потребительского «сейчас», в котором все сжигалось и сжиралось до крайности быстро, жадно, яростно и которое, без сомнения, сулило нам скорые удушье и голод.

— Это ненормально, — прошептала я. — Так все распланировать? Ненормально.

— Признаю, мы с твоим отцом без плана никуда. Но и ты

такая же. — Он забрал у меня цилиндры и сунул в пиджак; их ослепительный блеск погас в темноте кармана.

Я встала.

— Это безумие. Погляди на остальных — они и не подумали бы терпеть и подлаживаться, послали бы вас подальше и жили бы, как живут. Я же не слепая! А мы… будто секта какая-то. Ты, папа с мамой, ваши друзья… вы просите хранить секреты, расписывать наперед каждый шаг, в корне менять судьбу. Половина наших ребят училась в этом вашем закрытом пансиончике, вторую половину рассовали по другим частным школам. Это не по-людски. Знаю, насмотрелась. Тебе не стыдно просить меня о таком? Нет? Я же видела, как живут другие!

— Вот именно: ты видела, как живут другие.

Это тоже вносило свою лепту в исходившее от дяди Дэвида ощущение опасности, свирепой жестокости. Угроза крылась не только в том, что в свои без малого пятьдесят он сохранил гибкую поджарость убийцы и бросал на всех встречных холодные взгляды, но и в том, что его слова порой ошеломляли, как удар. Они часто оказывались резкими, чересчур верными, чересчур справедливыми и больно ранили.

Я запустила в волосы обе пятерни.

— Но зачем?

— Ты знаешь зачем. Спасти мир.

— Навязать водородную экономику — этого мало.

— Да. Очень мало. Понадобились бы сотни людей и сотни самых разных их действий на протяжении сотен лет.

— Если бы такой заговор существовал, ты не сказал бы мне.

— Не сказал бы — не дождался бы помощи. Ты будешь молчать, потому что поймешь: так надо.

— Это безумие, — повторила я. — Как ты можешь просить меня об этом? Узнай кто-нибудь, какие вещи я делала просто по твоей просьбе, подумал бы: рехнулась.

— Лита, ты не кто-нибудь.

— Да что ты заладил?

Он поднялся.

— Потому что это правда.

— Я всю жизнь слышу это от тебя. И от папы. И в Маррионовскую школу попала поэтому. А я обыкновенная. Не умнее других ребят. Не проворнее. Без выдающихся творческих способностей. Во мне нет ничего особенного. Думаешь, я скромничаю насчет Стэнфорда? Ни капли. «Отлично» там ставят всем подряд, но ведь толковых видно сразу, и я не из их числа. Зачем твердить, что я особенная?

Я тоже встала. Он взял меня за руки. Мои пальцы утонули в

сгибах его шершавых ладоней.

— Ипполита, — дядя редко называл меня полным именем, — ты действительно хочешь узнать? Прямо сейчас?

Я не ответила. Я сказала себе: вопрос риторический. Я знала: это не так.

Я вырвалась, схватила доску и сердито ринулась по пляжу за слабым утешением — последовать примеру математика Стива, которого волна как раз унесла в прибой.

* * *

Дверь снова распахнулась. Вошли двое, за ними третий. Что-то большое, но легкое неуклюже стукнулось сначала о косяк, потом о дверь и о пол. Послышались приглушенные голоса:

— Туда.

— Так?

— Да. Ну-ка придержи.

— А это где поставить? — спросили сдавленно, от натуги. Я услышала плеск воды в неизвестной емкости.

— Здесь.

За моей спиной опять замерли чьи-то шаги. Кто-то рванул мои руки кверху, и я взвыла. Боль была невероятная. Я решила, что мне вывихнули оба плеча. Но руки вдруг упали вдоль тела: цепь сняли со штыря.

— Что происходит? — спросила я, когда белое зарево слепящей боли немного потускнело. Собственный испуганный, заискивающий голос показался мне омерзительным. Никто не ответил.

Меня схватили за руки. Звякнули ключи, и мои оковы упали. Меня ухватили под мышки и потащили через комнату, слишком быстро, чтобы я пробовала идти сама; вялые кончики моих ступней чиркали по холодному бетону. Меня развернули, толкнули вниз на что-то твердое — деревянное. Затрещали застежки-велькро. Мои руки прижали к ровной поверхности. На запястьях, потом на щиколотках сомкнулись широкие ремни на липучках.

— Что вы делаете?

Ноги приподнялись. Привязана к доске, поняла я.

— Что вы…

На лицо хлынула вода. В первую секунду я сочла, что назначение этого душа — встряска. Но он не иссякал. Вода заполнила мой разинутый рот. Я сцепила зубы, но нечаянно прикусила надетый на голову черный мешок. Вода лилась в

ноздри, затопила носовые пазухи, обжигая. Захлебываясь, я лихорадочно втягивала воздух, но вдохнуть никак не удавалось. Ужасный раздавливающий кляп мозжил горло, карябал верхушки легких. Я тонула. Меня умерщвляли водой. Обязательно надо вдохнуть, я должна вдохнуть, должна, долж…

Обливание прекратили. Я надсадно закашлялась. Потом горло и легкие, как наждаком, ободрал резкий, бурный вдох.

— Теперь ты все мне расскажешь. — Снова тот человек.

— Что… — Я поперхнулась. — Что вы… — Поток воды обрубил фразу, заткнул мне рот, пресек судорожные попытки дышать.

Невероятно. Я вот-вот должна была умереть. Нет, не так. Я уже была мертва: от меня не осталось ничего, кроме жгучей боли в груди и горле, в носу и животе. Я погибла; все, что во мне было человеческого, сгинуло, сохранился только животный, слепой, неуправляемый ужас, обреченная воля — они-то и ловили ртом воздух, хватались за соломинку, лишь бы не утонуть.

Воду убрали.

Я закашлялась, и меня вырвало водой. Горькая от горячей желчи, она залилась в нос, и пришлось извергнуть ее снова.

Цепляясь за жизнь по настойчивому велению тела, я с трудом просипела:

— Все, что угодно. Я сделаю все, что скажете.

* * *

— Я сделала все, что сказал дядя Дэвид. Точно следуя предписаниям.

Я сидела на краешке кровати у отца в гостинице, в стандартном номере средненького буэнос-айресского отеля. Комната провоняла табаком: постояльцам дозволялось курить. Отец стоял у окна, раздвинув плечом тускло-желтые занавески, и смотрел на огни ночного города.

— Взяла посевной материал, — продолжила я. — И пробовала вывести жизнеспособную, стойкую векторную популяцию, но ни та, ни другая культура не привилась.

Он кивнул.

— Мы знали, что ты все проделаешь безукоризненно. Потому тебе и доверили последнее вливание. Должно быть, произошло загрязнение закваски.

— Зачем вообще вы начали впрыскивания? За несколько недель до срока! В конторе паника. Каждому понятно: что-то происходит. Весь мир в курсе. Сквозь пески пустынь пробивается

водородное свечение!

— На других участках возникли сложности. Пришлось действовать, иначе момент был бы упущен. — Он обернулся от окна. — Прости, Лита. Теперь мы тебя вытащим. Сейчас. Сегодня.

— Черта с два, — ответила я. И встала. — Черта с два.

Казалось, он измучен до предела. Сказывались дальний перелет и определенно — гнетущая тревога. Красные глаза отца заставили меня заподозрить, что перед моим приездом он плакал. Он уперся в меня воспаленным взглядом:

— Здесь небезопасно. Даже Дэвид признает. Нужно…

— Четырнадцать лет.

— Я… — он не договорил и беспомощно уронил руки. В остановившемся взгляде забрезжило понимание, лицо стало скорбным.

— Четырнадцать лет, — повторила я. — Четырнадцать лет назад ты упросил меня ввязаться в эту безумную затею. Колледж, университет, лето залетом здесь, никчемная, бессмысленная работа с глубоко противными мне людьми, годы штурма служебной лестницы ради должности ведущего ученого-исследователя. Ни любовников, ни друзей. В ночь, когда умерла мама, я работала тут. Четырнадцать лет. Ради этого.

— Я знаю, Лита, — шепнул он. — Знаю. Прости. — Он помедлил. — Твоя мать никогда не сомневалась… я хочу сказать, она всегда знала, как крепко ты ее любишь.

— Почему я все это делала? — спросила я.

Я знала, что он скажет. Сегодня я хотела это услышать.

— Потому что ты особенная.

— Почему я особенная?

Отец вздохнул и присел на кровать. Теперь мы поменялись местами. Я отошла к окну и ждала с сумочкой в руках, как будто собиралась уйти, а он свесил руки между колен, сплетая и расплетая пальцы, сжимая кулаки.

— Почему я особенная? — снова спросила я.

— Я… мы с твоим дядей… мы… — Он поднял голову и посмотрел на меня: — ГМО.[20]

Я на минуту задумалась.

— Продукт генной инженерии? Как те ребятишки, которым родители купили голубые глаза и белокурые волосы?

Он хмыкнул.

— Никогда не думал об этом как о чем-то столь… приземленном. Следовало догадаться, что тебя это не слишком шокирует — если вообще шокирует. Да. Как те ребятишки.

— Но тебе… выходит, это было давным-давно! Но тогда, до твоего рождения, у ученых еще не было надежных методик…

— Это сделали тайком. Уильям Маррион.

— О боже. Основатель приюта. Человек, который всех вас вырастил.

Отец кивнул.

— И вы?.. Все дети из приюта?..

Он опять кивнул.

— И что же?..

Отец печально улыбнулся.

— То-то и есть — «что»? Вот в чем вопрос. Не все мы голубоглазые. Не все белокурые. Что же было сделано? Только одно: нам добавили неравнодушия. К будущему.

— Неравнодушия? Чушь.

— Нет. Отнюдь нет. Основы нейропсихологии. Джек много раз растолковывал мне. Можно обучить пса предвидеть ближайшие последствия своего поведения. Заглядывать вперед на несколько минут, а то и на час. Изгрызи стул, и если хозяин заметит, тебе несдобровать. Но невозможно внушить псу озабоченность завтрашним днем. Нельзя научить его делать наметки на неделю. Почему? Потому что наиболее развитый участок лобных долей собачьего мозга по сравнению с нашим — тонкая вафля.

Он приставил выпрямленный указательный палец ко лбу.

— Вот где мозг млекопитающих формирует представления о будущем. И отключает способность печься о нем. Способность, определяемую количеством, а не качеством. Мы сконструированы так, чтобы нас гораздо больше заботило будущее.

Я изумленно покрутила головой:

— Кто еще?

— Все дети из бывшего «Сиротского дома Марриона», те, кого ты считаешь тетушками и дядюшками. И их дети.

— Дядя Рид, и тетя Тренд, и тетя Джой, и тетя Марр, и?..

— Да. Все до единого. Восемьдесят восемь в первом поколении.

— А мама?

— В том числе и твоя мать.

— А я?

— Измененные гены доминантны.

Я отвернулась и опять выглянула в окно.

— Значит, все, кто там…

— «Завтра» для них явь. «На будущий год» — нечто туманное. А «пять лет спустя» — сказка, вымысел, не задевающий за живое.

Мгновение отец наблюдал за мной. Я созерцала городские здания, гадая, какое будущее зреет за каждым из освещенных окон.

— Ты знаешь, что это правда, — сказал он. — Я стоял там, где сейчас стоишь ты, и слушал голос Марриона. В записи. Он рассказывал невероятные вещи, но я понял: все так и я всегда это знал. Сейчас сомнения отступают, верно?

— Да, — признала я. Руки тряслись. Я словно видела себя со стороны, откуда-то издалека, из иного времени, не в состоянии вникнуть в эти откровения, чересчур неподъемные для меня, недоступные пониманию. Слова слетели с языка будто по собственной воле.

— Итак, — вкрадчиво спросила я, — вы возомнили себя сверхлюдьми? Вы без колебаний решитесь захватить мировое господство, дорваться до власти и изменить порядок вещей на тот, какой считаете правильным?

— Да нет же, Лита. Нет. Просто мы единственные, кого будущее заботит настолько, чтобы пытаться спасти его. Вот и все. Мы единственные, кому не все равно.

Мы долго молчали. Потом я сказала:

— Это, знаешь ли, может сильно ухудшить обстановку. Крупные города погрузятся во тьму, самолеты застрянут на земле, автомобили отправятся на свалки… А дальше? Хаос?

— Рано или поздно хаос неизбежно наступит. Вопрос в том, что хуже. Тут приходится сравнивать обдуманные риски.

— Обдуманные риски! — едко процедила я. Отец пожал плечами. Я долго глядела на него, а потом сказала: — Я доведу дело до конца.

Он покачал головой:

— Прошу тебя, золотко. Теперь они будут следить за устьем скважины. За тобой. Ты же *гринга.*

— Нет. Они обратятся ко мне за помощью и защитой. Им больше не к кому пойти. Поручат проверить скважины. Прикрытие даже лучше прежнего. — Я протянула руку. — Я доведу дело до конца. Например, внесу культуры при взятии проб. Давай.

Отец смотрел на мою протянутую ладонь.

— Папа, без них ты бы не приехал. Я же знаю. Давай.

Он очень долго сидел без движения, и во мне начала крепнуть уверенность, что он сейчас скажет «нет»… возьмет меня за руку, выведет за порог, к машине, в аэропорт, чуть ли не отнесет, как бывало в детстве. Но он чрезвычайно медленно полез в нагрудный карман. Вынул два блестящих цилиндрика. И по одному выложил мне на ладонь. Цилиндры тихонько звякнули о браслет. Я обхватила пальцами теплый металл.

— Хотелось бы мне быть, как те, — одними губами выговорил отец. — Как все. Чтобы меня волновало не будущее. Не судьбы

мира. Только ты.

Я спрятала цилиндры в сумочку.

— Мне тоже.

* * *

— Меня это не волнует! — голос был новый. Снаружи, в коридоре. Негромкий, но пронзительный. Он тоже принадлежал американцу, но постарше, за шестьдесят. — Вы нарушили все правила.

Замок отперли. Я прислушалась к шагам: в комнату вошли двое.

В обмен на признания мне выдали два полотенца, влажное и сухое, и разрешили привести себя в порядок якобы в уединении (глупейшее притворство: я знала, что за мной подсматривают). У дверей валялся оранжевый спортивный костюм, и я влезла в него. Рукава и штанины пришлось закатать, но все равно я радовалась той скудной добавке тепла, которую он обеспечивал.

Время шло. Через узкое окошко внизу двери трижды просовывали, а позже забирали еду.

Наконец явились двое в масках; они принесли пару стульев и второй стол. Меня приковали цепью к металлическому стулу, спиной к входу, опять нацепили на голову капюшон и оставили ждать. До этой минуты.

По бетону чиркнули ножки двух стульев, пришедшие уселись, и скрежет повторился: двое в масках энергично подвинулись к столу.

— Мисс Ипполита Сумаран, — начал тот, которого я знала, тот, что помладше, заплечных дел мастер. Я не ждала новых побоев, но меня пронизала дрожь страха: эти двое обосновались у меня в тылу, обращались ко мне, а я сидела беззащитная. — Здесь мой коллега, важное лицо. Вы расскажете ему то, что рассказали мне.

— Да, — согласилась я едва слышно.

— Как нефтяная чума попала в аргентинские месторождения?

— Я занесла. — Я была уничтожена. Не ужасом перед истязанием. «Водяная доска» теперь отчего-то не слишком пугала. Но я отчетливо понимала и нисколько не сомневалась, что, если меня снова к ней привяжут, я снова сломаюсь. Это, а не сама пытка, и сокрушило меня, привело к покорности.

— Каким образом?

— Через разведочную скважину. Где мы ставим опыты.

— Как она попала в прочие нефтяные пласты? В других

странах?

— Еще люди. Такие, как я.

— Заговор? — другой голос, спрашивал старик.

— Да.

— Аллен Рид тоже причастен? — вмешался молодой.

— Да.

Зашелестели страницы. Мужчина постарше сказал:

— С Алленом Ридом вы учились в одной школе.

— Да. В Маррионовской.

— Элитная частная школа?

— Да.

— И когда же вас завербовали заговорщики?

— В Маррионе.

— В школе? Обоих? — в голос старшего проникли нотки недоверия.

— Да.

— Вам обоим велели стать геологами?

— Да.

Снова шорох бумаги.

— Сколько вам было лет?

— Четырнадцать.

Я уже созналась во всем этом, но не более того. Я не объяснила, кто мы.

Долгая пауза. Наконец пожилой тяжело вздохнул.

— Мисс Сумаран, вы отдаете себе отчет в том… в том, как это нелепо?

— Сэр… — начал молодой.

— Закрой рот, — велел пожилой. — Заткнись. — И более мягко, опять обращаясь ко мне: — Вы понимаете, как это нелепо?

Да. Разумеется, это звучало нелепо. Никакая четырнадцатилетняя девочка не способна посвятить себя делу, от которого ее отделяет двенадцать с лишним лет, — во всяком случае, не тому, что требует похоронить все мечты и без остатка подчинить ему свое существование. Возможно, девочка и сказала бы «да», но не могла бы годами хранить тайну, не сумела бы докончить образование, не выдержала бы долгого, трудного восхождения по служебной лестнице. А если бы могла, сумела, выдержала, если б такая девочка нашлась, то еще дюжине девчонок и мальчишек, взращенных во имя той же идеи, взяться было бы неоткуда. Такой заговор не мог возникнуть. Подобные дальновидность и целеустремленность, подобная приверженность обязательствам перед будущим попросту не свойственны людям. Особенно отпрыскам верхушки американского общества, которым открыт целый мир безотлагательного потворства слабостям и

желаниям, целый мир возможностей, ежедневно и ежечасно искушающий обещанием немедленных удовольствий.

Передо мной словно распахнулась дверь: я отчетливо увидела путь к свободе. Нужно было лишь приоткрыть тюремщикам краешек правды и уступить некоторым своим опасениям.

— Я больше не хочу на «водяную доску», не надо, — умоляюще шевельнула я губами и всхлипнула. — Я очень старалась сказать то, что он хотел услышать… Я же поняла, ему нужно что-то от меня услышать. Вы только объясните, что говорить.

— Ах, сука, — прошипел молодой.

— Вон, — приказал пожилой. — Живо!

— Сэр, да что вы, не видите, она нас морочит…

— Хватит. Закрой рот. Иди в офис и жди меня.

С грохотом отъехал назад стул. Прозвучали, удаляясь, шаги. Открылась и закрылась дверь. Пожилой вздохнул.

— У вашего отца влиятельные друзья, — сказал он. — Он начал звонить во все колокола. И убедил многих — в том числе тех, кому я подотчетен, — что допущена ошибка. Сейчас я склонен согласиться с ним.

— Пожалуйста, отпустите меня, — прошептала я.

— Разумеется, мисс Сумаран. Разумеется. — Длительное молчание. Шум отодвигаемого стула. — Однако могу я кое-что сказать?

Я не ответила.

— Да? Вы никогда не найдете нас, мисс Сумаран. Нас нет. Вам лучше всего отправиться домой и забыть обо всем случившемся. Попытки скандалить, жаловаться, мстить — смею сказать, доискиваться правды — только помешают вам скорее вычеркнуть из памяти произошедшее недоразумение. Лучше просто забудьте. И живите дальше.

— Я бы очень хотела жить дальше, — смиренно откликнулась я.

— Рад слышать. Вам вернут вещи. Вы сможете переодеться, затем на вас снова наденут капюшон. Вас отвезут к вашему посольству и высадят там.

— Сейчас?

— Да, скоро.

Он зашуршал страницами. Коротко, звонко проскрипело по бумаге перо. Воцарилась тишина, затем, судя по звуку, лист — или, возможно, большую фотографию — приподняли и закрепили в зажим.

— Как там написано у вас над дверями, над входом в Маррионовскую школу: «Амбит сап…»

— Amabit sapiens cupient caeteri.[21]

— Что означает?..

— Мудрые любят, прочие вожделеют.

— А, славная мысль. Хотелось бы думать, что кое-кто из мудрых действительно умеет любить.

— Любовь, — сказала я. — Мудрыми их делает любовь.

* * *

Нахлобучив мне на голову капюшон и связав руки за спиной, меня опять поместили в кузов фургона. Некоторое время мы кружили, без конца поворачивая, потом остановились. Меня высадили из машины и пихнули вперед. Я споткнулась.

— Идите прямо, — рявкнул кто-то. Хлопнули дверцы, взревел мотор, и машина отъехала.

Я пошла и очень скоро натолкнулась на стену. Послышались шаги, они приближались. Жесткие подметки щелкали по асфальту. С меня стянули капюшон.

— Senora, — обратился ко мне солдат морской пехоты, оглядываясь и держа руку на рукояти пистолета за поясом. — Senora, estas bien? Estas herida?[22]

— Я американская гражданка, — выдавила я. — Отведите меня внутрь.

Через несколько часов (расспросы, телефонные звонки, безвкусный кофе, чашка за чашкой) посол разрешил мне помыться в его личной ванной при офисе на самом верхнем этаже, и меня отпустили. Вздрагивая, я добрела на ватных ногах до лифта и спустилась вниз. Стальные двери бесшумно открылись в маленький вестибюль. У стены сидел мужчина и читал газету. Чуть дальше двойные прозрачные двери с небольшой выгородкой из армированного стекла, постом охраны, в тамбуре между ними выходили на каменное крыльцо. От ступеней к железным воротам у проезжей части вела дорожка. Возле тротуара ждал черный автомобиль, в длинном капоте отражалось солнце. Стекла были тонированные. Возле машины, как обозленный лев, расхаживал дядя Дэвид. Сделав пару шагов к двери, я рассеянно глянула на читавшего. Его лицо загораживала развернутая газета, которую он держал перед собой — между нами. И тогда я заметила его руки: на правом мизинце не хватало фаланги.

Я окаменела, не в силах отвести взгляд. Меня затрясло. Только парализующий страх мешал мне броситься наутек. Газету опустили. На меня налитыми кровью глазами смотрел бесцветный коротышка. У него были коротко стриженные

каштановые волосы и толстая шея. Я уловила запах знакомого одеколона.

Мы уставились друг на друга. Наконец он негромко сказал:

— Я буду за вами присматривать.

Я открыла рот, но не сумела издать ни звука. На языке вертелось «делать вам нечего». Я собиралась вернуться домой, в Нью-Йорк, возобновить учебу, завершить курс математики. Ничего заслуживающего слежки.

Я сделала полшажка в его сторону. Мне долго не удавалось обрести дар речи, но наконец я сказала:

— Я вас прощаю. — Мой голос звучал едва слышно. Руки дрожали. Я повторила, громче: — Я вас прощаю.

— Обойдусь без…

Я перебила:

— Может быть, вы просто плохой человек. Но, возможно, вы решили, что надо как-то помочь миру. Что-нибудь предпринять. Пускай провальное, пускай дурное, пускай такое, что ухудшило бы обстановку, а в обозримом будущем ухудшило бы обязательно — и очень. Но ничего иного вы придумать не могли и надеялись, что может быть, только может быть, ваши действия… ускорят решение. — Я кивнула. — Это мне понятно. Понятно отчаяние. И те чудовищные поступки, к которым нас иногда толкает слабая надежда на обдуманный риск.

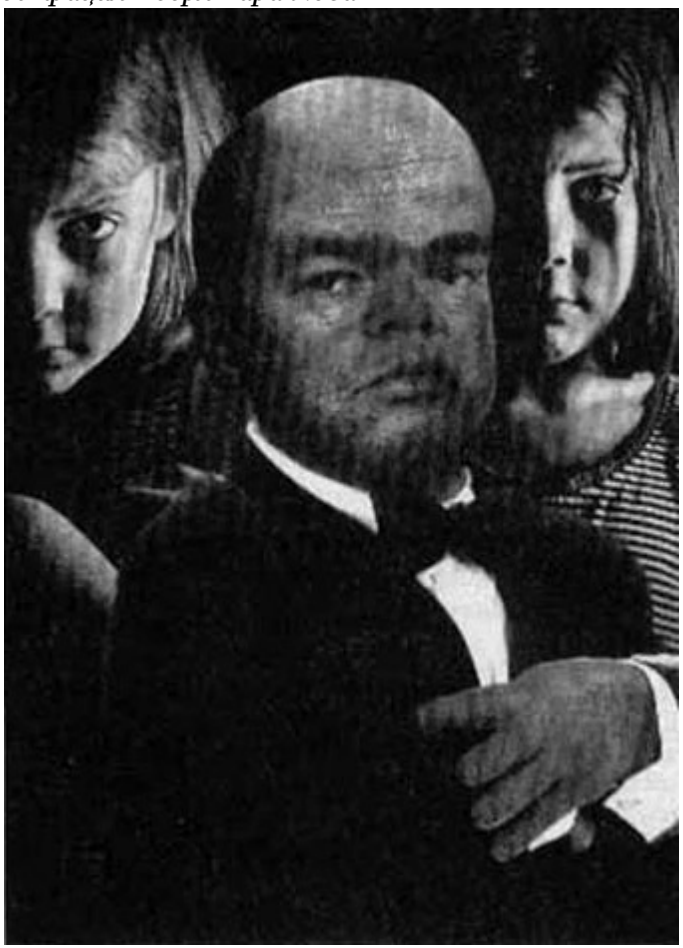
Ответить он не успел: я двинулась дальше, распахнула тяжелые двери и вышла на ослепительное солнце нового дня, полного неопределенности.

Перевела с английского Катерина Александрова

© Craig DeLancey. Amabit Sapiens. 2009. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

Нэнси Кресс
Действие первое

Иллюстрация Игоря Тарачкова



Чтобы выяснить, кому принадлежит фильм, надо не в сценарий заглядывать, а в договор-заказ.

Джоан Дидион

Следом за пареньком в маске я спускался в складской подвал, жалея при этом, что не взял перчатки: нарочно, что ли, перила слоем грязи покрыты? Если нарочно, то какого черта, спрашивается, нас подвергали такому мудреному электронному

досмотру в паре со столь незамысловатым ощупыванием — даже во рту у меня побывал палец охранника, хорошо хоть в другие полости не залез. Влажная уборка стоит дешевле подобного обыска, и сдается, грязь тут неспроста.

Группа решила сделать заявление. Так нам велено их называть — Группа. Звучит таинственно, страшновато и претенциозно.

Лестницу освещала только старомодная сорокаваттная лампочка, я даже не успел заметить, где она приткнулась. За моей спиной участилось дыхание Джейн. Я сам вызвался идти первым, вернее, сразу за нашим юным поводырем. Из каких соображений? Трудно сказать. «Мужественной защитой» назвать мои жалкие потуги язык не повернется. К тому же у меня привычка всегда держать Джейн в поле зрения. Так лучше работается.

— Барри? — тихо окликнула она.

Нижний пролет утонул во мгле, до того кромешной, что приходится нащупывать твердь носком вытянутой ноги.

— Джейн, еще две ступеньки.

— Спасибо.

И вот мы внизу. Она остановилась рядом со мной и перевела дух. Даже не рядом, а почти вплотную, куда ближе, чем обычно — ее грудь вровень с моим лицом. Джейн у нас невеличка — пять футов шесть дюймов, но это на семнадцать дюймов выше моего роста.

— Уже близко, — сообщил мальчишка.

На том краю подвального помещения отворилась дверь, впустила нам навстречу свет.

— Пришли.

Прежде, наверное, здесь располагалась прачечная, одновременно служившая жильем какому-нибудь разнорабочему. Должно быть, немало времени прошло после его кончины. В углу ютились дырявые лохани, числом три. Ни единого окошка в стенах, зато на полу постелен чистый тонкий ковер, и трое дожидающихся нас людей тоже выглядят чистыми.

Я быстро осмотрел каждого. Высокий мужчина в куртке с поднятым капюшоном держит в руках штурмовую винтовку. Взгляд типичного телохранителя: настороженный, но бездумный. Женщина без маски, в джинсах и мешковатом свитере, при виде Джейн моментально надулась. Это потенциальная проблема. Третий — лидер, он уже идет нам навстречу, улыбаясь и протягивая руку.

— Милости просим, мисс Сноу. Ваш визит — большая честь.

Я его сразу раскусил. В политике, с каковой моя жизнь была

связана очень долго, это самый ходульный персонаж. Высокий, красивый, довольный собой и своим положением настолько, что попросту не способен к правильной оценке того и другого. Лишь он один из троицы не носил джинсов, а щеголял в широких брюках и спортивном пиджаке поверх черного бадлона. Ему бы и правда не в генетические террористы податься, а в политики — дорос бы до бюрократа муниципального уровня, претендовал бы на пост мэра и потом напрасно ломал голову, из-за чего продул выборы.

Стало быть, перед нами низший оперативный уровень Группы, и это, пожалуй, хорошо. Уменьшает риск нашей безумной экспедиции.

— Спасибо, — ответила Джейн своим знаменитым голосом, низким и хрипловатым, волнующим и кинозрителя, и того, кто общается с ней «вживую». — Это Барри Тенлер, мой менеджер.

Я не только менеджер, но правда слишком сложна, чтобы ее разъяснять в подобной обстановке.

Красавчик в спортивном пиджаке даже взглядом меня не удостоил. Пришлось понизить спесивого и глупого чинушу с муниципального уровня до районного. Недооценивать советников категорически противопоказано, ведь у нашего брата всегда на вооружении ум или даже харизма.

Зато надутая дамочка с Джейн переключилась на меня. Несложно понять природу такого интереса, ведь он преследует мою скромную особу, сколько себя помню.

— Как мне к вам обращаться? — осведомилась Джейн у смазливого лидера.

— Зовите меня Измаил.

Ой, мама родная! Это что же получается, Джейн у нас — Белый Кит?[23] Вожак решил блеснуть интеллектом, не подозревая, как банален и туп. Но Джейн это не смутило, и даже я, зная ее как облупленную, готов был принять за чистую монету опасную для ледяных сердец улыбку. Мисс Сноу не потеряла ни грана мастерства и таланта, хоть и снималась в последний раз лет десять назад.

— Давайте сядем, — предложил красавчик.

В дальнем углу комнаты пустовали три простых стула. Один занял Измаил, за его спиной встали телохранитель с мальчишкой. Надутая уселась на второй. А Джейн грациозно опустилась прямо на ковер, подобрала под себя ноги в красивой лужице из зеленой тонкой ткани.

Это она для того, чтобы мне достался третий стул. Не могу стоять дольше пяти-шести минут — вернее, могу, но очень болят ноги и позвоночник. А на полу сидеть противно — потому что я

при этом гораздо ниже, чем на самом деле.

Измаил, конечно, ничего обо мне не знал, а потому изрядно опешил:

— Мисс Сноу!

— Мне так удобнее, — пресекла возражения Джейн своей безотказной улыбкой.

Эта улыбка заодно с проникновенным голосом тридцать пять лет назад дала старт ее карьере. Теплая, страстная, с едва уловимой грустинкой — она действовала в обход лобных долей мозга, целя в примитивные затылочные. Неважно, что эта способность досталась от природы, то бишь даром; важно, что ей всегда находилось применение. Джейн гораздо хитрее, чем можно предположить, глядя на эту хрупкую блондинку. И страсть у нее непритворная. Если моя приятельница чего-то хочет, то хочет каждой жилочкой, каждой нервной клеткой, каждой каплей своей жадной крови.

Ее грациозное подражание Сидящему Бизону[24] вынудило Измаила смущенно заерзать на стуле. Правильным решением было бы составить компанию гостье на ковре, но он до этого не додумался, за что и был мною мысленно разжалован в порученцы.

Я забрался на третий стул. Измаил, глядя сверху вниз, пыжился как петух перед курицей: это ж надо, сама Джейн Сноу у его ног! Надутая кривилась. А мне было тревожно.

Группа очень хорошо знает, кто такая Джейн Сноу. Почему же провести столь важную встречу доверили какому-то неуклюжему нарциссу? Я с ходу мог выложить несколько версий. Первая: так террористы выражают свое презрение миру, от лица которого выступает Джейн. Вторая: они не хотят засвечивать тех, кто реально ценится в сей очень и очень скрытной организации. Третья: это услуга за услугу, оказанную им Измаилом или его хозяевами. Четвертая: решили создать фотогеничный фон для Джейн, нас ведь наверняка снимают. Любая из этих причин меня устраивала, но беспокойство почему-то не отступало.

— Что ж, Измаил, если у вас все в порядке, давайте начинать, — предложила Джейн.

— У нас все в порядке, — проворчал он.

Измаил сидел спиной к софиту, резко светившему в лицо Джейн и Надутой. Последняя выглядела не ахти: дурная кожа, маленькие глаза, жидкие волосы. Правда, губы красивые — пухлые, красные. И шея, частью спрятанная под тканью ветровки, молода и крепка, без морщин.

К Джейн свет был не столь милостив. Показывал гусиные лапки у глаз, усталую вялость кожи, даже безупречный макияж не выручал. Ей ведь ни много ни мало пятьдесят четыре. И ни одной

пластической операции. Впрочем, она никогда не была по-настоящему красивой, как Анжелина Джоли или Кэтрин Зета-Джонс. У Джейн неправильные черты лица, да и ноги с бедрами толстоваты. Но все это чепуха в сравнении с улыбкой, голосом, весенней зеленью глаз и мощной сексуальной аурой, которая ей не стоит ни малейших усилий.

«Джейн Сноу как будто получила при своем зачатии двойной набор женских генов, — написал какой-то критик, — и в ней удвоилось то, что принято считать женственностью. Остается лишь гадать: в самом деле это божий дар или всего лишь необычное уродство».

— Я сейчас готовлюсь к съемкам, — сообщила она Измаилу. Он наверняка был в курсе, но не простаивать же без дела ее чарующему голосу. — Это будет фильм о вашей организации. И дальнейшей судьбе девочек. Кое с кем из них я поговорила и…

— С кем конкретно? — перебила Надутая.

Да неужто она всех знает по именам? Я решил к ней приглядеться.

В твердых, как камень, глазках угадывается ум. Возможно, она принадлежит к штабной ячейке, или как там у них это называется. Возможно, ей поручено проследить, чтобы Измаил не провалил встречу.

Если она и впрямь умна, такие олухи должны ее бесить. Хотя… из четырех мужей Джейн трое оказались красивыми пустышками.

— Ну, пока я встречалась только с Римой Ридли-Джонс, — ответила Джейн. — Но в пятницу проведу весь вечер с близнецами Баррингтон.

Не желая выпускать вожжи из рук, Измаил прокомментировал:

— Близнецы очень милы. Такие смышленые девочки.

А то весь белый свет об этом еще не знает. Тем и отличаются Баррингтоны-младшие от прочих «изделий» Группы, что помешавшиеся на пиаре родители лепят их на все журнальные обложки.

Но Джейн улыбнулась Измаилу так щедро, как будто он самого Спинозу заткнул за пояс.

— Да, они просто душки. Измаил, пожалуйста, расскажите о вашей организации. Ну хоть что-нибудь. Мне это так необходимо для роли в «Идеальном будущем».

Он подался вперед, упер ладони в ляжки, отразив на красивом лице напряженную работу мыслительного аппарата, и заговорил с драматичными повелительными интонациями:

— Джейн, что касается Группы, вы должны четко понять одну

вещь. Очень важную вещь. Вы не в силах нам помешать!

Зловещая пауза.

Самое паршивое, что он мог быть прав. ФБР, ЦРУ, СВД, АЗЧ[25] и еще нескольким аббревиатурам удалось срубить какое-то количество голов, но гидра осталась жива и даже прибавила в росте. Очень уж много у нее доброжелателей и покровителей, либеральных законодателей и политиков, мечтающих отменить запрет на генные модификации и распустить Агентство по защите человека.

Это и богатенькие родители, желающие усовершенствовать свои чада еще на эмбриональной стадии. Это и офшорные банки, охочие до долларов Группы. Это и Карибские острова, и Мексика, и еще бог знает какие страны, дающие за долю малую приют мобильным лабораториям.

— Мы — идеалисты, — вещал Измаил, — и за нами будущее. Благодаря нашим усилиям человечество изменится к лучшему. Войнам придет конец, исчезнет жестокость. И тогда люди смогут…

— Позвольте вас на секундочку перебить, Измаил, — Джейн эффектно интонировала имя; ее влажные глаза, распахнутые во всю ширь, сошли бы за чудо-оружие в борьбе с опустыниванием. Она такая, из кожи вылезет вон, чтобы добиться успеха. — Мне столь многое нужно понять, Измаил. Подвергая генной модификации одного младенца за другим, вы, как ни старайтесь, измените лишь ничтожную долю процента населения Земли… Сколько у нас сегодня детей с синдромом Арлена?

— Мы предпочитаем термин «блага Арлена»!

— О да, разумеется. Так сколько?

У меня сперло дыхание. Подобные сведения Группа еще ни разу не разглашала.

Джейн в умоляющем жесте положила руку на колено Измаилу. Но получила лишь полный высокомерия и негодования отказ:

— Это секретная информация.

— Три тысячи двести четырнадцать, — ответила за него Надутая. Неужели не солгала? Инстинкты, а они у меня очень даже неплохие, хотя в таком контексте эти слова и выглядят шуткой, подсказывали: все верно. Надутой в самом деле известна цифра. Значит, статус у нее точно повыше, чем у Измаила. И поскольку она абсолютно непрошибаема для чар Джейн, вывод ясен: Группа решила огласить число обработанных детей.

— Да, точно, — поспешил подтвердить Измаил, — три тысячи двести четырнадцать.

— Но это же очень малая доля процента от

шестимиллиардного населения Земли. Это…

— Пять десятимиллионных, — подсказал я.

Глупо. Мальчишество. Кто за язык тянул? А, к черту! Так болят ноги…

Джейн — мастерица импровизировать:

— Спасибо, Барри. Но мой вопрос предназначался Измаилу. Если «благами Арлена» пока обзавелась столь крошечная доля человечества, пусть даже генномодифицированные люди смогут передавать новые признаки по наследству…

— Они уже могут! — высказал Измаил явную глупость. Самому старшему из «арленовых детей» всего-навсего двенадцать.

— Чудесно! — не отступалась Джейн. — Но все же доля обладателей «благ» ничтожна. Как Группа собирается изменить будущее всего человечества, на что она надеется?

Измаил накрыл ее кисть ладонью и улыбнулся. И даже подмигнул!

— Скажите-ка, дорогая Джейн, вам случалось бросать камешки в пруд?

— Да.

— Ну и? Что вы при этом видели?

— Круги.

— Все шире и шире, до самых берегов! — развел руками Измаил.

Вот же осел, не мог придумать нормальную аналогию. Человечество не пруд, а самый настоящий океан, рябь же на воде преходяща.

Но Джейн, актриса до мозга костей, лучезарно улыбнулась и перевела разговор в доступную этому павлину плоскость.

— Понятно. Расскажите, Измаил, как вы сами оказались во все это вовлечены?

За возможность поговорить о себе любимом он ухватился с восторгом. Из потока чепухи Джейн мастерски выуживала крупицы сведений о Группе: история возникновения, организационные принципы, способы связи. Надутая не мешала. Я следил за террористкой, она же следила за Измаилом, не проявляя, однако, ни малейшего беспокойства. Он не мог выдать важной информации. Ему просто нечего было выдавать.

Зато чесать языком он был горазд. Такие обожают работать на публику и, увлекаясь, перестают думать о том, что говорят. Рано или поздно ляпнет чего не следует, и Группа его спишет в расход.

По части актерского мастерства Надутая и в подметки Джейн не годилась. Я почти физически ощущал, как она злится на пустомелю. Даже посочувствовал бы ей, наверное, если бы так не стреляло в ногах, шее и спине. Нечасто мне приходится подолгу

сидеть, да еще на жестком.

Моя болезнь называется ахондроплазия, ею страдают семьдесят процентов карликов. Искривление костей и хрящей дает не только короткие конечности и непомерно большие голову и зад, но и столь любимое карикатуристами лицо с запавшей переносицей. А кое-кого из нас природа «наградила» особым строением позвоночного канала, из-за чего мы постоянно испытываем боль. С возрастом она только мучительнее, а ведь я всего на два года моложе Джейн. И многочисленные хирургические операции меня не вылечили, а лишь помогли прожить столько лет.

Через полтора часа Джейн встала, тонкая ткань юбки обвила на миг ее точеные икры. Сразу обострилась моя тревога. Если должно произойти что-то плохое, это произойдет сейчас.

Но страхи оказались напрасны. Снова появился паренек в маске и вывел нас через темный подвал. Я едва ноги переставлял от боли. Джейн, будучи не в силах помочь, сочувственно прошептала:

— Барри, прости. Это был мой единственный шанс.

— Не бери в голову.

Все же кое-как я поднялся по лестнице. Мы пробрались через бесхозный склад; в этом пыльном лабиринте невидимые боевики Группы стояли против наших невидимых телохранителей. Заморгав на ярком солнце, я вдруг повалился на растрескавшийся бетон.

— Барри!

— Все в порядке… Не надо!

— Дальше будет легче… Потерпи!

Я встал и выпрямился — вернее, сделал для этого все, что мог. За нами приехал неприметный фургон. Слава богу, обошлось без насилия. Безумное интервью прошло как по маслу.

Но отчего же мне по-прежнему так тревожно?

Через час Джейн появилась везде: в ЛинкНете, на телеэкранах и настенных мониторах. Бессовестно искаженные редакторами слова Джейн заставляли подозревать ее в сочувствии к террористам, а то и в соучастии. Само собой, мы были к этому готовы. В ту же минуту, когда фургон отъехал от склада, первый из заранее снятых мною роликов разлетелся по всем адресам. Известный репортер Си-Си Коллинз, не дурак срубить легких деньжат, интервьюировал Джейн на предмет ее встречи с Группой. Выдающаяся актриса берется играть нетипичную роль, жертвует личной безопасностью ради искусства, не грешит против закона, но добивается открытого обсуждения важной темы

и т. п. Ролики здорово ударили нас по карману, но они того стоили. Мы обезоружили критиков и, что несравненно ценнее, привлекли внимание общественности к будущему фильму, съемки которого должны были начаться менее чем через месяц.

Я не следил за этой пиар-акцией и не находился в офисе, когда ФБР, ЦРУ, АЗЧ и иже с ними наносили Джейн ожидаемые визиты, проводя «опросы» и угрожая арестом за несанкционированную встречу с врагами государства. В моем присутствии не было нужды, поскольку я заранее обеспечил Джейн правовым иммунитетом в рамках «Закона Мальверна-Мерфи о СМИ», а также договором с самим Эвереттом Мерфи, исключительно ушлым адвокатом. Эверетт отслеживал все ее интервью, а я валялся в кровати и глотал анальгетики. ФБР, ЦРУ и АЗЧ захотели пообщаться и со мной, как же без этого, но Джейн не выдала моего логова. Подождите, мол, пока Барри найдет возможность с вами связаться. Ага, стали бы они ждать, если бы знали, где я прячусь.

«Почему ты так настроен против генной модификации человека?» — спросила однажды Джейн. Только однажды, и при этом не смотрела в глаза. «Почему именно ты?» — вот каков был подтекст. Обычно я ей отвечал. Обычно я ей доверялся. Но только не в этот раз.

«Тебе не понять», — сказал я напрямик.

Джейн, надо отдать ей должное, не обиделась. Она смышленая. Знает, что доступно ее пониманию, а что нет.

Лежа на любимом обезболивающем пластыре, я рисовал в воображении, как мы с ней рука об руку идем по лесу. На Джейн юбка из тончайшей зеленой ткани. И спутнице моей, чтобы я видел ее улыбку, приходится низко опускать голову.

В течение нескольких следующих дней интерес к фильму рос очень бурно. Джейн направо и налево раздавала интервью. Телевидение, ЛинкНет, робокамеры, бумажные и голографические газеты и журналы… Сияя в лучах всеобщего внимания, она как будто сбросила десять лет. Кое-кто из репортеров и дикторов пытался ее подловить, но она четко держалась студийной линии: «Идеальное будущее» — на самом деле не мелодрама на тему генной инженерии, а честная проверка на прочность вечных ценностей. Это фильм о людях, а не о политике. О слабостях, которые есть у любого из нас, и о нашей удивительной силе. О том, что делает человека человеком, и прочая, и прочая. Так что синдром Арлена — не более чем транспортное средство для достижения цели. Сценарий почти готов, он будет сложным и реалистичным, и все такое.

— Ну и как же насчет генномодифицированных людей, вы за или против?! — вышел из себя какой-то журналист в заднем ряду.

Джейн ответила с ослепительной улыбкой:

— Я за то, чтобы этот вопрос решался комплексно и прагматично.

«За» и «против», дай им волю, обрушились бы на нас лавиной полоумных леммингов.

Развитие событий меня так воодушевило, что я решил позвонить Лейле. Выдержать разговор с ней я способен только в хорошем настроении. Лейлы не оказалось дома, пришлось записаться на автоответчик — впрочем, это не стало поводом для огорчения.

Между тем Джейн вовсю улыбалась в объективы и раздавала автографы, отыгрываясь за десять лет кинематографического небытия. А вот я не способен с такой легкостью стереть пятнадцать лет прошлого. Даже если бы и мог, не стал бы этого делать. Потому-то и обрадовался, не дозвонившись до своей бывшей.

Стадия вживания в роль начиналась в пятницу. Джейн пообещала, что на этот раз мне будет полегче.

Она ошиблась.

Близнецы Баррингтон жили с родителями и сестрой-подростком в Сан-Луис-Обиспо. Нашему пилоту разрешили посадить флаер на бархатистом зеленом газоне в глубине усадьбы, за надежными стенами. Уже неплохо — мне не надо далеко идти.

— Милости просим, мисс Сноу. Какая честь!

Нас встречала ряженая ягненком овца, Фрида Баррингтон собственной персоной. Тетка лет пятидесяти, в мини-юбчонке и игривом свитерке с капюшоном и прорезями в стиле «пикабу». Тонкая, накрашенная и загорелая; но груди, выглядывающие из прорезей, никогда не станут вновь двадцатилетними, а напряженные мышцы лица выдают неврастеника, который большую часть отведенного времени бодрствования изображает безмятежное спокойствие.

Джейн грациозно покинула флаер и стала, закрывая собою мой неуклюжий спуск. Я схватился за скобу на корпусе, уселся на днище, кулем свалился на траву и кое-как утвердился на ногах. Моя спутница шагнула в сторону; юбку длиной по щиколотку, на сей раз цвета сливочного масла, вздувал легкий ветерок.

— Давайте я буду просто Джейн. Позвольте представить Барри Тендера, моего менеджера.

Я сразу понял: Фрида Баррингтон из «этих». Она и не

пыталась скрыть отвращения.

— Добро пожаловать, мистер Тенлер.

— Привет, — буркнул я, надеясь, что это будет единственное мое слово в ее адрес за всю встречу.

Ступая по траве, мы пересекли шедевр ландшафтного дизайна. У таких женщин, как Фрида, всегда полны закрома пустой болтовни, и хозяйка, не скупясь, потчевала ею гостей. Дом был построен лет сто назад для какой-то звезды немого кино. Огромный, розовый, с позолоченными оконными рамами и дверьми, он смахивал на броскую газонную скульптуру — этакий раскормленный фламинго.

Мы вошли в широченный вестибюль с покрытым плитками из черного и белого мрамора полом — ей-богу, шахматная доска скорее напомнит о Вермеере, чем он.[26] Там стоял шезлонг, занятый хмурой девицей в грязных джинсах. Она зыркнула на нас поверх пестрой обложки комиксов.

— Сьюки, вставай! — рявкнула Фрида. — Это мисс Сноу и ее менеджер мистер… э-э… Танглер. Моя дочь Сьюки.

Девица слезла с шезлонга, изобразила насмешливый реверанс и улеглась обратно. Вырвавшийся из горла Фриды звук означал гнев и смущение, но я посочувствовал не ей, а Сьюки. Когда тебе пятнадцать (как и моему Этану, кстати) и ты не красавица, с одного боку у тебя мамаша, присвоившая твой стиль одежды, а с другого — сестры-близнецы, присвоившие всю заботу взрослых… Фриде очень повезет, если мятеж Сьюки ограничится одним лишь хамством. Я адресовал девице ироничный неглубокий поклон и ухмыльнулся, отметив, что это подействовало.

— Где близнецы? — буркнула Фрида.

Сьюки пожала плечами. Ее мать закатила глаза и повела нас в глубь усадьбы.

Девочки играли на террасе — затененной возвышенной площадке из выветренного камня; от нее ступени вели к лужайке. Отсюда открывался шикарный вид на виноградники у подножия Сьерра-Мадре. Фрида усадила нас в мягкие, удобные кресла. Подкатил робослуга, предложил лимонад.

Не дожидаясь зова, подошли Бриджит и Белинда. Джейн приветствовала их и словом, и своей чарующей улыбкой, но девочки не ответили, зато на добрых тридцать секунд уперлись в нее немигающим взглядом, а потом и меня подвергли точно такой же процедуре. Мне не понравились ни процедура, ни дети.

Как и любая генетическая кустарщина, синдром Арлена имеет побочные эффекты. Уж кому это знать, как не мне. Ахондроплазия возникает в результате точечной мутации, когда у

белка FGFR3 в положении 380 глицин замещается аргинином. Это сказывается на росте костной и хрящевой тканей, что, в свою очередь, создает проблемы с дыхательными путями и нервной системой, а также с общением.

Какие именно гены участвуют в синдроме Арлена — коммерческая тайна, но ясно, что многие, и побочных эффектов тоже хоть пруд пруди. Поскольку для обретения «благ Арлена» годится только женский пол, можно не сомневаться, что в число изменяемых хромосом входит икс-хромосома.

Две одиннадцатилетние девчушки, столь дерзко пялившиеся на меня, были не по возрасту малы и хрупки. Прямо не дети, а эльфы какие-то. Молочная кожа, подстриженные шапочкой шелковистые волосы, лучистые серые глаза. Во всем остальном они не очень-то походили друг на дружку, но ведь дизиготные близнецы редко получаются одинаковыми. Бриджит была пониже, пополнее и посимпатичнее. Баррингтоны-старшие взяли из чашки Петри с оплодотворенными яйцеклетками Фриды две самые перспективные и подвергли их генной модификации по методу Арлена, после чего внедрили в староватую, но все еще годную утробу матери. Будучи эксгибиционистами, любящие родители выложили мировым СМИ все до малейшей подробности, за исключением того, кем и где проделана работа.

В отличие от Римы Ридли-Джонс, о которой на прошлой неделе упоминала Джейн, здешние арленовы дети — знаменитости, тщательно сделанные на заказ.

Джейн решила повторить попытку.

— Я Джейн Сноу, а вы Бриджит и Белинда. Рада с вами познакомиться.

— Да, — произнесла Белинда, — вы рады. — И перевела взгляд на меня: — А ты — нет.

Я не видел смысла обманывать детей.

— Ну да… пожалуй.

— Впрочем, это нормально, — заключила Бриджит с удивительной для ребенка мягкостью.

— Спасибо, — сказал я.

— А я не считаю это нормальным, — заявила Белинда.

Мне нечем было крыть. Встреча с Римой Ридли-Джонс выглядела совсем иначе. Мамаша мало того что ограждала Риму от любопытной прессы, но и приучала к вежливости.

Фрида вела себя, как зритель на спектакле — смотрела, откинувшись в кресле. С интересом ждала, что еще отмочат ее уникальные доченьки, но при этом опасалась, как бы не перегнули палку. Наверное, сценка разыгрывается не впервые, предположил я. Девочкам одиннадцать, они все меньше

напоминают невинных, безропотных ангелочков.

— Ты никогда ее не получишь, — пообещала мне Белинда в ту самую секунду, когда Бриджит положила ей на запястье ладонь. Белинда стряхнула руку сестры. — Брид, отстань. Пускай он знает. Пусть оба знают.

Она улыбнулась, и под взглядом ее серых глаз я почувствовал, как что-то съежилось в груди.

— Никогда не получишь, — повторила Белинда со своей жуткой улыбочкой. — Как ни старайся, хоть в лепешку расшибись, Джейн тебя не полюбит. Она еле терпит, когда ты дотрагиваешься, даже если случайно. Ты ей противен. Противен, противен, противен!

А началось это все с собаки.

Доктор Кеннет Бернард Арлен, генетик и заядлый шахматист, приобрел той-пуделя. Порода, как известно, смышленая. Дважды в неделю Арлен приглашал к себе в «Стэнфорд апартментс» зоолога Келсона Хьюса. Обычно они играли от трех до пяти партий кряду, в зависимости от того, насколько легко Хьюс мирился с проигрышами. Козетта спала на коврике до конца — при финальном матче она всегда вскакивала с лаем, протестуя против ухода гостя. Странность заключалась в том, что Козетта лаяла до того, как мужчины вставали. Ведь смахивание шахмат с доски могло предшествовать новой партии. Но собака не ошибалась.

Когда это было замечено, Хьюс предположил, что дело в феромонах. Либо у него, либо у Арлена, а может у обоих, менялся запах, едва они собирались пожелать друг другу спокойной ночи. Феромонами Хьюс занимался профессионально, даже написал важную статью о том, как мыши выбирают себе по запаху партнеров для спаривания. Он поручил своему аспиранту удалить гломерулы у взрослых собак и поставил несколько экспериментов, чтобы выяснить, изменятся ли приобретенные на людей реакции. Реакции собак не изменились. Феромоны оказались ни при чем.

Однако не только Хьюс был нешуточно заинтригован. Аккурат в это время перешел на вторую стадию проект «Геном человека»: предстояло выяснить, какими генами какие белки кодируются и как это происходит. Арлен занимался синдромом Тернера — у некоторых девочек при рождении частично или полностью отсутствует одна из двух икс-хромосом. Это создает не только физические, но и социальные проблемы; даже простые социальные взаимодействия даются детям трудно. Хьюс решил выяснить, не являются ли девочки с синдромом Тернера, которым

по отцовской линии досталась нормальная икс-хромосома, в социальном плане значительно более приспособленными, нежели девочки с нормальной материнской икс-хромосомой. То есть нельзя ли задавать социальные реакции генетически, посредством отцовской икс-хромосомы.

Где еще в геноме могут прятаться социальные факторы? Какие намеки от языка тела, мимики или интонации улавливала Козетта?

Ведь той-пудель как-то догадывался, что Хьюс и Арлен, расставляя на доске фигуры, не намерены больше играть. Значит, в генах Козетты содержалось нечто такое, что вызывало в мозгу соответствующие процессы. Причем только в ее мозгу — Самоед, большой и глупый пес Хьюса, ничего подобного не предчувствовал.

Арлен разобрался с собачьими генами. Это заняло десять лет, и пришлось отказаться от должности преподавателя, чтобы целиком сосредоточиться на задаче. Уйдя из Стэнфордского университета, он жил затворником и не оглашал своих открытий. Он обнаружил искомые гены у людей, но воздержался от сенсационных публикаций. Разорился дотла, но идеализма не растерял — обычная судьба фанатика науки.

Его путь не мог не сойтись с путем еще более рьяных фанатиков. Кеннет Бернард Арлен примкнул к организации, спонсируемой из-за границы, и открыл клинику искусственного оплодотворения, чтобы производить на свет детей-суперэмпатов.

В некоторых детях эмпатия проявляется рано. Естественный эмпат в двенадцатимесячном возрасте отдаст другому младенцу, если тот заплачет, своего плюшевого мишку. Начинающий ходить ребенок уже угадывает, как себя чувствуют другие дети. Малыши с синдромом Арлена понимают — не на вербальном уровне, а на уровне лимбической системы, — что мама волнуется, что бабушка добра и заботлива, что папа требует посадить ребенка на горшок, что незнакомец опасен.

Люди, способные глубоко проникать в чужие эмоции, популярны в обществе, успешны в работе, счастливы в браке, и вообще они лучше других приспособлены к жизни.

Если бы первые эксперименты с человеческими зародышевыми линиями, противоречившие закону и вдобавок проведенные за границей, дали уродов, Арлена распяли бы в прямом смысле слова. Но обошлось. И не стесненные в средствах господа клюнули на посул, что сделанное под заказ чадо в самом деле будет угадывать чувства своих родителей. В возрасте шести или семи лет арленово дитя, особенно если оно от природы умное, ухитряется распознавать потрясающее количество

невербальных сигналов. А когда вундеркинду стукнет десять, обмануть его будет невозможно.

Если вы честны и ваши помыслы безупречны, жить с такими детьми — одно удовольствие. Они всегда чутки, заботливы, участливы и благодарны.

Но вот передо мной Белинда Баррингтон, глядит в упор бледными зрачками, и мне не нужно слоновьей дозы генетической сверхэмпатии, чтобы понять, как она упивается моим смятением. Пылают щеки, и я даже глаз не смею поднять на Джейн.

— Белинда, это некрасиво, — произнесла Фрида столь же резким, сколь и безнадежным тоном.

— Некрасиво, — подтвердила Бриджит, посмотрев на сестру так сурово, что та на миг отвела взгляд.

А вот это уже интересно. Одна из двойняшек манипулирует другой, хоть и чисто по-детски, а мать, получается, не при деле.

— Попроси у него прощения.

— Ну, извини, — без малейшего раскаяния буркнула Белинда.

«Ага, так мы способны лгать, хотя сами на ложь не ведемся», — усмехнулся я мысленно.

— Вот, взяла манеру с недавних пор, — пожаловалась ее мать, глядя на Джейн. — Но это, конечно, временное. Кто бы стал такое заказывать, будь оно постоянным.

За эти слова Белинда выстрелила в родительницу взглядом, состоящим из ледяного презрения.

Складывалась крайне неловкая ситуация, и Джейн решила взять ее в свои руки. Стараясь не смотреть на меня, она задала вопрос Белинде:

— Девочки, вам уже сказали, о чем я хочу побеседовать?

— Нет, — ответила Белинда. — Вы не журналистка.

— Я киноактриса.

В глазенках Бриджит зажегся интерес:

— Вроде Кайли Кикер?

Видимо, в список «благ Арлена» не влючен иммунитет от глупой детской поп-культуры.

— Не такая молодая и богатая, — улыбнулась Джейн. — Я снимаюсь в фильме о том, как будут жить девочки вроде вас, когда вырастут. Вот и решила познакомиться с вами и узнать побольше. Но только если вы не против.

Двойняшки переглянулись. Обе промолчали, но я уловил гигабайтный обмен впечатлениями.

— Девочки, надеюсь, вы поможете мисс Сноу, — подала голос Фрида. — Ведь она такая…

— Неправда, — почти рассеянно перебила Белинда. — Она тебе не нравится. Красивая слишком. Зато нам нравится.

От такой откровенности лицо хозяйки усадьбы пошло багровыми пятнами. Мигом вся обратясь в тревогу, пухленькая Бриджит положила на материнскую руку ладошку. Фрида возмущенно стряхнула ее и открыла было рот, но, ничего не сказав, резко встала и ушла в дом. Бриджит подалась вслед и сразу спохватилась. Виновато сказала, обращаясь почему-то ко мне:

— Ей хочется немножко от нас отдохнуть.

— Тебе это тоже не повредит, — хмуро добавила Белинда.

Я не заставил ее просить дважды. Общение с этими куколками вызывало озноб. А в чем причина, не смогли бы понять даже они, с их хваленой эмпатией.

В вестибюле картинка все та же: шезлонг, в нем Сьюки с комиксами. Мамаши не видно. В меблировке доминировали обтянутые мамонтовой шкурой кресла, но я углядел у стены низкую антикварную скамейку. Забрался на нее в муках и вызвал такси. Чтобы его встретить, надо идти аж до парадных ворот усадьбы, но о возвращении флаером вместе с Джейн страшно даже подумать.

Я закрыл глаза и прислонился затылком к стене. Ныли спина и ноги, но что это в сравнении с болью сердца?

И не слова Белинды ее породили. Да, я влюблен в Джейн, да, любовь безответна. Мы оба прекрасно это понимаем. Как от нее скроешь, если я почти каждый божий день рядом? Она из породы чутких женщин. Я знаю, ей неприятны до тошноты мои прикосновения и она себя за это ненавидит, но разве можно ее винить? Трое бывших мужей Джейн входили в число красивейших мужчин планеты. Высокие, стройные, длинноногие. Я же видел, каким густым румянцем она покрывалась, оказываясь в одной комнате с Джеймсом, Карлом или Дунканом. И чувствовал, что она прячет отвращение ко мне.

«Брань на вороту не виснет…» — как часто в детстве я повторял эти слова… всякий раз, когда надо мной издевался очередной хулиган, а ведь им не было числа. Коротышка, гном, карла, недомерок, малявка, карапуз, лилипут убогий…

Белинда никому ни на что глаза не открыла. Всего-навсего произнесла вслух то, о чем молчали мы с Джейн.

«Пусть боль кричит…»[27]

Но даже Шекспир мог ошибаться.

Легче легкого не обращать внимания на что-нибудь безымянное — можно исключить из ежедневного обращения,

можно притворяться, будто это безымянное и вовсе не существует. А вот с тем, что названо, с тем, о чем «кричит боль», такой номер не проходит.

Завтра мы с Джейн попытаемся работать как ни в чем не бывало, и послезавтра, и послепослезавтра. Будем прятать друг от друга глаза, будем привычно задавать себе вопросы: не расстроен/расстроена ли он/она? Надо ли мне подойти поближе/держаться подальше? Как бы не обидеть неосторожным словом/жестом…

А-а, черт бы вас всех побрал! Оставьте же меня наконец в покое!..

Разговоры не сокращают дистанцию, а, напротив, увеличивают. И ничего тут не…

— Стервы, да? — мягко прозвучал голос.

Я открыл глаза. Рядом стояла Сьюки. Она была повыше, чем мне показалось сначала, и с эффектной фигурой. Но кто это заметит, когда рядом близнецы, воплощение прогресса и научных чудес?

Смущенный и растерянный, я выдал первое, что пришло на ум:

— Белинда. Бриджит — нет.

— Это ты так думаешь, — рассмеялась Сьюки и положила на скамью комиксы. — Вот, гномик, это тебе. — И скрылась в каком-то коридоре.

Она оказалась голографической, эта недешевая книжка с впечатанными в бумагу чипами. Страница поделена на четыре панели, они поочередно зажигаются на десять секунд, изображают эпизоды. Называлось это удовольствие «Нож Режь» и повествовало о мамочке, которая невзлюбила своих малых деток, — короче, сплошная кровища и расчлененка.

ДЕТИ С СИНДРОМОМ АРЛЕНА. ЖИЗНЬ С НИМИ — СПЛОШНОЙ ВОСТОРГ! ОНИ ЧУТКИ, ЗАБОТЛИВЫ, УЧАСТЛИВЫ И БЛАГОДАРНЫ.

Вот вам пожалуйста, еще одна большая дружная семья.

Вселенная — не такая уж жестокая хозяйка, иногда она дает тебе передохнуть.

На следующий день я захворал. Так, пустяки, нос заложен да горло болит. Ну, еще голос, будто наждаком по металлу. Пришлось звонить «на работу», то бишь в особняк Джейн. Отозвался ее тренер:

— Чего тебе?

— Передай Джейн, я сегодня не приду. И напомни ей,

чтобы…

— Барри, я тебе не мальчишка на побегушках! — взъярился он.

Я с равной неприязнью уставился на экран с физиономией Дино Каррано. Этот «тренер для вчерашних звезд» — наглец и нарцисс, он своим силовым фитнесом трижды в неделю доводит Джейн до полного изнеможения и слез. Дино, как тот давешний Измаил, не способен понять, что краткая мода на него прошла и Джейн терпит рядом с собой бэушного мачо только из жалости. Сейчас он стоит в ее спортзале, рядом — никого.

— Почему ты отвечаешь? Где Каталина?

— У нее мамаша померла в Мехико, в который уже раз. Теперь про Хосе спросить собираешься? Он присматривает за садовниками… Ну а Джейн в туалете, ее тошнит… Все узнал, что хотел? Тогда пока, Барри.

— Стой! Почему тошнит? Слышь, макаронник, если это ты ее довел…

— Не транжирь угрозы, малявка. Мы еще даже не начали курс занятий. И если завтра не начнем, ее задница повиснет, как дорожная сумка. Джейн просто съела что-то не то.

И он отключился.

Мой желудок тоже бунтовал. Может, из-за баррингтоновского лимонада? Вскоре меня вырвало, и сразу стало легче; я решил не звонить врачу и лег в постель. Если Джейн заболела, все назначенные ею встречи отменит Каталина. Хотя как отменит, она же в Мехико?.. К черту, не моя забота.

Как бы не так. Все проблемы Джейн — они и мои тоже. Да и собственных хватает: Лейла, Этан… При том, что личной жизни у меня, в сущности, нет.

Я не позволил себе встать с кровати и поехать к Джейн и в конце концов уснул. Пробудился через шесть часов: и горло, и живот в норме. Быстренько позвонил и выяснил: Каталина уже вернулась из Мексики, но ее голосу подозрительно не хватает скорби. Все же она неплохой работник, когда не болтается за границей; рассудив таким образом, я доверил ей проинформировать Джейн насчет завтрашнего рабочего графика. Тем самым выкроил себе еще день отгула. Надо хорошенько расслабиться вечером. Буду долго мокнуть в ванне, выпью бокал вина… Опять же, разговор с Лейлой откладывается. Хорошо!

Я включил телевизор. На канале «Холливуд уотч» шли местные новости.

В Валли обнаружено в пруду тело Измаила.

— …Труп утяжелен бетонными блоками. Причина смерти — пулевое ранение в голову. Это похоже на казнь в гангстерской

манере, — вещал смоделированный компьютером образ.

Если б не отсутствие дефектов внешности, неизбежно возникающих при видеосъемке, я бы принял дикторшу за живую.

Рядом с ней на экране возникла фотография с красивым лицом Измаила.

— Убийцы, очевидно, не знали о том, что в районе озера сегодня начнется строительство нескольких роскошных жилых комплексов…

Настоящее имя Измаила — Гарольд Сильвестр Эренрейх. Этот неудачливый актер, мелкий аферист и неплательщик налогов добрых восемь месяцев прятался от электронного надзора.

— Просьба ко всем, кто может располагать любой информацией…

Я тут же связался с Джейн через комлинк:

— Слышала?

— Только что позвонила в полицию. Скоро приедут. — Вид у нее был усталый, даже замученный — всего-то лет на пять моложе, чем на самом деле. И голос наждачный, под стать моему. — Как раз собиралась тебя позвать. Барри, как думаешь, это нам не помешает?

— Нет. — «Тридцать лет в звездах, — подумал я, — а до сих пор не представляет себе, как делаются дела вне съемочной площадки». -Наоборот, поможет. Ты звонила Эверетту?

— Он уже в пути.

— Никому ни слова, пока мы оба не прибудем. Поняла? Ни единого словечка. Можешь прислать за мной флаер?

— Да. Барри… его ведь из-за меня убили, из-за интервью?

— Что толку гадать, — проворчал я и всерьез обрадовался тому, что это на самом деле так.

Мне было наплевать на Измаила: жив он, мертв или свалил на Марс. Но Джейн — человек совсем иного склада. Она неравнодушна к людям, особенно к типажу «раненая птица». Этим неравнодушием и объясняются три ее брака, да и четвертое замужество, за продюсером «Альфа-самца», по сути лишь реакция на второе, за спившимся киноактером. Каталина, ее секретарь и экономка, тоже из этих, из «подранков». И даже тренер, если на то пошло. Такое вот извращенное самаритянство.

Но я знал наверняка: сейчас она не думает ни обо мне, ни о жестоких словах Белинды. Только о несчастненьком Измаиле. И это хорошо. Измаил помог нам благополучно пережить кризис в отношениях. Даже убийство бывает тем худом, без которого нет добра.

К тому времени, когда флаер опустился на крышу особняка Джейн, я успел заметить, что разные СМИ уже говорят практически одно и то же. Скорее всего, кто-то «слил» им информацию, какой-нибудь чиновник окружного уровня, На территории усадьбы, у ворот, стояла неприметная машина, снаружи — два фургона, и еще один флаер приближался со стороны Лос-Анджелеса. Меня впустила Каталина, взволнованная до блеска черных глаз.

— Ла полисиа…

— Я в курсе. Эверетт Мерфи уже здесь?

— Да, он…

— Принеси нам кофе и пирожные. И пусть слуги зашторят все окна. Немедленно! В спальнях тоже. За нами робокамеры могут следить и даже беспилотники.

В углу громадной гостиной, декоратор которой не пожалел черных кривых линий с броскими фиолетовыми отливами, сидели Джейн, Эверетт и незнакомые мне мужчина и женщина. В оправдание хозяйки дома скажу, что комната получилась не в ее вкусе и потому служила только для приемов. Дизайнеру Джейн вовремя дала укорот — он хоть и оказался бычарой вроде Дино Каррано, к типу «раненая птица» не принадлежал, а потому был вынужден оформить вторую гостиную, приватную, в английском сельском стиле. Но сыщиков хозяйка туда не пускала, дорожила своим самым укромным уголком.

Каталина пронеслась мимо меня маленьким мексиканским смерчем и картинно нажала кнопку затемнения окон. Стекла вмиг подернулись фиолетовой мглой, в комнате замерцали светильники. Сделав дело, Каталина выскочила за дверь.

— Барри…

Джейн выглядела еще хуже, чем на экране комлинка. Красный нос, опухшие глаза и никакой косметики. Если полицейские запаслись скрытой камерой, быть беде.

— Это детективы Лопез и Миллер из Управления полиции Лос-Анджелеса. Офицеры, позвольте вам представить Барри Тендера, моего менеджера.

Они кивнули. Обоим хорошая выучка не позволила проявить любопытство или неприязнь, но от меня таких вещей не скроешь.

В приватной гостиной Джейн специально для меня держала приземистый стульчик, а здесь пришлось карабкаться на высокий черный диван — дизайнер все-таки настоял на присутствии «значимой детали интерьера».

— Вы можете приступить к опросу, — сказал я полицейским, — но прошу учесть, что к нам уже обращались представители ФБР и АЗЧ, и мы с мистером Мерфи оставляем за

собой право в том или ином случае предупреждать мисс Сноу, что ей не следует отвечать.

Детективы никак не отреагировали на бессмысленное затемнение окон. Но я добился, чего хотел. Карлики рано учатся тому, что прямолинейная, многосложная, властная речь не дает людям нормального роста обращаться с ними, как с детьми. Это иногда действует.

Офицер Лопез засыпал Джейн каверзными вопросами. Как удалось добиться встречи с Группой? Когда она произошла? Были ли контакты между первым обращением к террористам и интервью? Кто вас сопровождал?

Когда выяснилось, что это был я, Лопез поморщился — мол, за дурака принимаете? — и повернулся ко мне:

— Мистер Тенлер, вы там были?

— Был.

— Вам надо вместе с офицером Миллером пройти в соседнее помещение. — Свой казенный тон Лопез подкрепил немигающим взглядом в упор.

Свидетелей всегда опрашивают отдельно. Даже если Лопезу страсть как не хочется наделять меня свидетельским статусом, он наверняка подозревает, что сам я против этого статуса ничего не имею. Силовики увязли в бесконечных межведомственных склоках, иначе бы полиция Лос-Анджелеса давно узнала о моем визите в тот мрачный подвал. Либо этот Лопез — жертва своего мачистского высокомерия. «Тебя? Такого дохлого недомерка она взяла с собой телохранителем?»

— Эверетт — и мой адвокат, — сообщил я.

— Выйдите с офицером Миллером. Позже к вам присоединится мистер Мерфи, когда мы закончим разговор с мисс Сноу.

Лопез с великим трудом прятал злость за официальностью.

Я пошел в домашний театр следом за Миллером. Отчего-то подумалось: на его месте Белинда сразу бы поняла, что я замкнулся неспроста.

С Измаилом расправилась Группа, в этом я не сомневался, да и полицейские, наверное, тоже. Явный нарцисс, самодовольный и ненадежный — такой просто не мог не зарваться. Интересно, Надутую тоже шлепнули? А телохранителя со штурмовой винтовкой? А мальчишку, что привел нас в подвал?

Группа пытается в своих действиях сочетать идеализм с погоней за прибылью и железным контролем. От такой смеси никогда не бывало проку. Можно сказать об этом офицеру Лопезу, да только не похоже, что он намерен воспринимать мои слова серьезно.

Три-четыре дня без передышки СМИ обсасывали эту историю. «Знаменитую актрису допрашивают в связи с убийством биотеррориста! Что известно Джейн Сноу?» Но потом сенатор США женился на порнозвезде по имени Кэнди Элли,[28] и пресса переключилась на них, причем не без облегчения — к тому времени стало ясно, что Джейн никакими жареными фактами не располагает. Я не отходил от нее ни на шаг, изображая заботливость, деловитость, преданность киноискусству — и абсолютное непонимание причины убийства. Судя по соцопросам, общественное мнение складывалось в ее пользу. Узнавание ее имени выросло на шестьсот процентов (возрастной диапазон — от восемнадцати до двадцати четырех); большинство этих людей видели Джейн только на голограммах и не смотрели ни одной картины с ее участием. Паблисити есть паблисити.

Добавили ей известности и частые визиты к близнецам Баррингтон. И это устраивало всех, кроме меня. Фриде импонировало внимание прессы (по крайней мере той ее части, что не комментировала каждое телодвижение похотливого сенатора), близняшкам пришлась по душе заботливость Джейн. Сама она радовалась возможности поухаживать за новыми «ранеными птицами»: Уж не знаю, почему она сочла таковыми маленьких чертовок, этих самых балованных детей во Вселенной. Но по большому счету, Джейн всего лишь убивала время, пока создавался сценарий. При этом, надо отдать ей должное, геройски оборонялась от тусовки, мнившей себя круче шкалы Альмера[29] — десять лет она не вспоминала про Джейн, а теперь завалила приглашениями на вечеринки. Я-то поощрял подобные отлупы ради создания важной ауры труднодоступности и эксклюзивности. Но Джейн рассуждала проще: мне эти люди больше не друзья, так зачем же с ними встречаться?

Что до меня, то я работал в основном дома, ведь подготовка к съемкам — дело жутко хлопотное, надо учесть тысячи мелочей. Хотел выкроить время и связаться с Лейлой, а в итоге она позвонила сама.

— Привет, Барри.

— Привет, Лейла.

Выглядела она неважно. Собравшись с духом, я спросил:

— Как он?

— Опять ушел, — ответила она устало. — Я позвонила в полицию, но что они могут?

— Ничего, вернется, — пообещал я. — Как обычно.

— Да… Но когда-нибудь он вернется в гробу.

На это мне сказать было нечего. Зато у Лейлы всегда есть что

сказать.

— Правда ведь, если это случится, ты не слишком расстроишься? Пока он жив, существует риск, что однажды свалится как снег на голову и омрачит твое безбедное существование…

— Лейла…

— Желаю не скучать в компании звездных друзей. А я буду сидеть и ждать, когда мне сообщат, что сын, тобою изувеченный, теперь уже на самом деле мертв.

И она демонстративно отключилась.

С Лейлой я познакомился в Денвере на Фестивале маленьких людей Америки. Она зажигательно отплясывала с группой юных карликов на ежегодном балу. Взлетающая юбка, голый живот, рыжие волосы, голубые глаза… Исполненная энергии до кончиков ногтей, мне она показалась самой красивой девчонкой на свете. Я был на семнадцать лет старше, и вся фестивальная публика относилась ко мне с пиететом. Как же, важная фигура — помощник кандидата в мэры Сан-Франциско! Умный, успешный, с иголочки одетый. Подающий надежды гном, короче говоря.

Через полгода мы поженились. А еще через шесть месяцев, когда я с головой увяз в выборах губернатора, Лейла сподобилась внезапно забеременеть.

У двух карликов двадцатипятипроцентная вероятность родить ребенка с нормальным ростом, пятидесятипроцентная — произвести на свет карлика, двадцатипятипроцентная — заполучить отпрыска с двойным доминантным синдромом; такой младенец очень скоро умрет. Мы с Лейлой эту статистику обсуждали редко, поскольку рассчитывали на оплодотворение ин витро[30] — сей метод допускает отбор лучших эмбрионов, поэтому для карликов он оптимален. Но Лейла что-то напутала с противозачаточными таблетками. О своей беременности она узнала сразу, и еще до того, как зигота прикрепилась к стенке матки, анализ показал, что у плода «здоровый» ген FGFR3.

От такой новости я пришел в ужас.

— Я не хочу ребенка с нормальным ростом! — заявил я Лейле. — Не хочу, и точка!

— А я не хочу делать аборт, — возразила она. — Не то чтобы принципиально против… Будь такая возможность, легко бы согласилась, но ты пойми, Барри: я не могу! Он для меня уже ребенок. Наш ребенок. Да почему нельзя иметь нормального, что в этом такого?

— Что такого? — Я повел вокруг рукой, в нашем доме все — мебель, бытовые приборы, даже дверные ручки — было

приспособлено для нашего роста. — Да ты оглянись! А кроме того, Лейла, есть же и нравственный аспект. Благодаря оплодотворению ин витро все меньше рождается таких, как мы. Общество укрепляется во мнении, что быть карликом — это неправильно. Меня такая ситуация не устраивает, и я не буду ее усугублять. Это политический вопрос, если на то пошло. Хочу ребенка-карлика!

И я ее убедил. Тогда ей было двадцать, а мне аж тридцать семь, и в политике я играл не самую последнюю роль. К тому же она меня любила. Не хватило ей проницательности, не догадалась она, почему я на самом деле боюсь обзавестись нормальным сыном.

Потому что к семи годам он сравняется со мной в росте. Потому что управлять им будет невозможно. Потому что он неизбежно начнет презирать и меня, и свою мать.

Все же Лейле очень не хотелось делать аборт. Поэтому я ее уговорил лечь в английскую клинику соматической генотерапии.

Я тогда слепо верил в науку. Соматическая генотерапия — дело новое, но результаты уже впечатляли. Английская генная инженерия ушла далеко вперед, и заинтересованный люд со всего света потек в Кембридж — связанные с этим великим университетом частные фирмы включали и выключали гены утробного плода, не вынимая его из материнского чрева.

Но такая процедура осуществима лишь в течение недели, максимум десяти дней после зачатия.

В организме карлика изменен ген FGFR3, ответственный за рост костей. Я надеялся, что корректив ный ретровирус вызовет мутацию этого гена в столь малом массиве клеток, как наш будущий сын.

Но кембриджская клиника биотехнологий подобными вещами не занималась принципиально.

— Мы уничтожаем болезни, а не создаем, — объяснили мне.

Я бы ответил таким же ледяным тоном, если бы не вскипел:

— Дварфизм — не болезнь!

Напрасно я тогда затеял качать права маленького человека. Впрочем, я в ту пору вообще слишком легко зарывался. Как же, важная шишка, гуру избирательных кампаний, пиарщик, не знающий поражений! Страх часто выдает себя за наглость.

— И тем не менее, — с надменным английским акцентом осадил меня ученый, — мы не в силах вам помочь. Полагаю, и все остальные клиники Объединенного королевства тоже.

Я очень скоро выяснил, что врач сказал правду. Срок истекал, поэтому уже на следующий день мы полетели на Каймановы острова. И там все пошло наперекосяк. То ли попался

мутировавший ретровирусный вектор, то ли при сплайсинге в молекулу случайно проникли другие нуклеотидные последовательности (такое бывает), то ли просто боженька в этот день оказался не в духе и решил над нами зло пошутить. У соматической генотерапии есть побочные эффекты, например, столь неприятная штука, как самопроизвольная замена одного гена другим, причем встроившийся ген негативно влияет на следующий участок молекулы, вызывая каскад ошибок — и процесс эмбрионального развития идет вразнос.

Вот так мы и получили Этана.

Лейла никогда меня не простит, да я и сам не прощу. Этану и двух лет не исполнилось, как она забрала его и ушла. Я и деньги переводил, и связь поддерживал. Позволял изливать на себя гнев, презрение и отчаяние. Она присылала фотографии Этана, но не позволяла мне приехать и встретиться с сыном. Можно было бы добиться свиданий через суд, но я на это не пошел.

А губернаторские выборы мы с моим подопечным провалили.

— Барри, — позвонила мне Джейн накануне первой читки сценария, — можешь вечером приехать?

— Нет, — солгал я. — Уже есть планы насчет ужина.

— Да? И с кем же?

— С другом, — загадочно улыбнулся я.

Во мне еще жил наивный старшеклассник, и ему хотелось, чтобы Джейн подумала, будто я иду на свидание.

Тут я заметил, что за спиной у нее носится по комнате Бриджит Баррингтон.

— У тебя что, эти девицы?

— Ага. Каталина заболела, я не смогла к ним полететь, вот и…

— Заболела? Чем? Джейн, тебе сейчас нельзя заразиться, завтра первая читка!

— А я не заразилась, я ее заразила. Горло болит и живот — помнишь, у тебя тоже так было? Каталина…

— Ты не медичка! Заболела Каталина, так пускай… — Будь моя воля, договорил бы: «…дуба врежет». А пришлось сказать иное: — …наймет себе сиделку.

— Ну, сиделка — это чересчур, не так все запущено. Немножко ухода, апельсиновый сок и моя компания — вот что ей нужно. Ладно, Барри, не бери в голову. Я даже рада отвлечься, а то разные мысли лезут… Да, кстати, я с Робертом договорилась, чтобы завез сценарий сюда. Хочу прочесть вечерком. Он немножко поломался, но в конце концов согласился.

У меня в голове ударил тревожный колокол:

— Что значит — поломался?

— Ну, не знаю. Просто поломался.

Я перебрал варианты, способные вызвать такое поведение продюсера, и вскоре понял: какова бы ни была причина, устранить ее не в моих силах. Поэтому обошелся риторическим советом:

— Смотри там, не подхвати от Каталины чего-нибудь.

— Повторяю, это невозможно.

— Ладно, как скажешь.

Разговор меня приободрил. Джейн обращалась со мной как прежде, не скупилась на притворную приязнь — вот и ладушки, вот и спасибо. Впрыснутый Белиндой яд не испортил наши рабочие отношения, его смыло потоком чувств, вызванных убийством Измаила. Я не лишился своего крошечного местечка в сердце Джейн.

А фильм по всем признакам намечался кассовый. Да что там кассовый, настоящий блокбастер!

— Катастрофа! — вскричала Джейн. — Отказываюсь!

Я принял сидячую позу на кровати и сонно воззрился на стенной экран. За искаженным яростью лицом Джейн увидел часы — 00:56. Пришлось напрячься, чтобы прояснилось в голове.

— В чем дело?

Она заплакала… Нет, зарыдала вовсю, и это никуда не годилось, завтра же первая читка, ей нужно безупречное лицо. Давно ли Джейн вот так же убивалась на моих глазах? Когда от нее последний муж ушел. А до этого — когда ушел предпоследний.

— Скоро приеду, — пообещал я. — Уже выхожу. Закрой сценарий и больше не читай. Мы все исправим, не волнуйся.

Она так рыдала, что даже ответить не смогла.

— Возьми бокал вина и жди.

— Ла… ладно.

Я вызвал шофера. Могу и сам водить, но это больно. Эрни с его женой Сандрой, домоправительницей, жили в гостевом домике. У обоих ахондроплазия.

— Мистер Тенлер? Что случилось? Все ли с вами в порядке? — разволновался Эрни.

Хорошие они люди, но все же я не позволял нашим отношениям выйти за рамки субординации — как раз на случай такого вот полуночного вызова.

— Я в норме, но должен срочно ехать к мисс Сноу. Через пять минут машину подогнать сможете?

— Пять минут? — явно расстроился Эрни. — Да, конечно.

— Сами-то вы хорошо себя чувствуете?

Расстроенное выражение сменилось изумленным. Не в моих привычках было справляться о самочувствии Эрни.

— Да, хорошо, разве что самую малость нездоровится… Но это пустяки. Я буду через…

— Если нездоровится, может, не надо…

— …пять минут, — договорил Эрни теперь уже с подозрительным выражением лица.

«Что он делает?» — прочел я вопрос в его глазах.

Я и сам хотел бы это знать.

Преодолевая боль, слез с кровати и кое-как размялся, затем натянул одежду. Прохромал за парадную дверь и спустился по крыльцу к поджидающему «лексусу».

— Возьмите. — Я вручил Эрни обезболивающий пластырь и пластмассовую манерку с апельсиновым соком.

Он посмотрел на меня и недоуменно покачал головой.

Меня впустила сама Джейн, в халате и шлепанцах. Я ужаснулся, увидев ее опухшее, в красных пятнах лицо — как говорится, в гроб кладут краше. Хотел обнять, но вместо этого заговорил грубее, чем сам ожидал:

— Ну и что за проблемы со сценарием?

А ей — вот же извращенка — моя злость только на пользу. Успокоилась прямо на глазах.

— Это даже хуже, чем пародия, — ответила Джейн.

— Твою роль, что ли, урезали?

— Да при чем тут… Барри, сам глянь. Вот, сядь и прочти собственными глазами.

Она повела меня в гостиную, где на столике ждала полупустая бутылка вина. Налила себе уже третий бокал, чтобы скоротать время, пока я читаю, но меня это не волновало. Она только с виду слабенькая, а дай волю, перепьет русского грузчика.

Сценарий фильма «Идеальное будущее» был основан на рассказе безвестного писателя, и это означало, что авторские права обошлись студии очень дешево. Фантастическая ситуация «ближнего прицела», как водится, экстраполировалась из настоящего. Некий город в штате Миссисипи, на посту мэра Кэйт Брэдшоу — молодая женщина с синдромом Арлена. Чуткую и добрую, но неопытную Кэйт опекает бывший окружной прокурор — это роль Джейн. Образ экс-прокурорши не лишен комичности: она упряма и не считает зазорным пользоваться своей перезрелой сексуальностью в политических целях. Темы этой сюжетной арки — предубежденность, женская дружба и разрешение острых

противоречий, неизбежное для любого политика занятие. Все это происходит в густой атмосфере Глубокого Юга и заканчивается сенсационным выступлением героини Джейн.

Затем действие переносится в Лос-Анджелес. Тамошний мэр — сущая Далила, злая ведьма, умеющая читать мысли. Она соблазняет мужчин, ломает судьбы, пытает своих врагов и вообще глумится над демократией. Ее подручные напропалую плодят клонов и без счета взрывают дома. Разнесут они и гнездышко героини Джейн, этак к концу первой трети фильма. Правда, затем мэру в сердце загонит пулю благородный молодой оперативник Агентства защиты человека, и тело гадины обольется вязкой желтой кровью.

— Джейн… — начал я, оторвавшись от чтения, и замялся.

Надо было подбирать слова аккуратно — она успела осушить бутылку. И хотя больше не плакала, я принес пачку салфеток.

— Согласен, чушь несусветная, но все же…

— Отказываюсь!

У нее очень пластичный голос. Только что в нем клокотал гнев, а теперь звучит отчаяние, которое уже срывается в пропасть безнадежности.

— Это же только черновик сценария. Можно потребовать…

— Ты же знаешь: бесполезно.

Да, я знал. И потому выложил главный аргумент.

— Джейн, дорогая, но ведь других проектов тебе не предлагают.

— Я отказываюсь!

— Джейн, нельзя же так…

— Думала, ты поймешь. — И она впилась в меня самым несвойственным ей взглядом: ни мягкости, ни флирта, только тихая голая правда. — Это дерьмо разжигает ненависть. Не выявляет и не показывает беспристрастно, а разжигает. Арленовы дети не такие, как мы, а значит, они плохие, злые! Хуже того, они генетическое отклонение от нормы, то есть очень плохие, очень злые, необходимо очищать от такой скверны общество! Барри, я надеялась, хоть ты будешь против.

За пять лет мы с Джейн ни разу не заговаривали насчет моей карликовости. Она не знала ни о Лейле, ни об Этане. Для нас обоих это была запретная территория: я всеми фибрами души не желал туда соваться, а она не считала себя вправе меня туда затаскивать.

От гнева у меня даже в глазах помутилось.

— Когда я против, а когда за — это не тебе решать. Ты что о себе возомнила? Провела две недели с парочкой отборных арленовых детей и уже берешься пророчить, куда нас заведет

генетика? Да ни черта ты не знаешь! Вы, считающие себя нормальными, на самом деле глупцы и невежды, почти все. Ни малейшего представления о том, какие ловушки нам подстраивает генетическая модификация. По-твоему, человечеству надо ждать одних только благ? Новых улучшений? И без малейших сомнений готова… Ты что, решила свою карьеру угробить? Ну так вперед! За три года сколько тебе ролей предложили? Одну-единственную? Думаешь, в очередь выстроятся? Да посмотри на себя! Стареющая актриса ушедшей эпохи, Норма Десмонд, которой больше ничего не светит…[31] Валяй, внушай себе, что ты по-прежнему на вершине. Как бы не так. Ты в самом низу, стоишь на зыбучем песке, и будь я проклят, если дам себя утопить за компанию.

Потом мы молчали. Наконец она устало произнесла:

— Меня этот сценарий не устраивает.

— Вот и отлично. Ищи себе другого менеджера.

Я доковылял до машины, и Эрни отвез меня домой.

С экранов Джейн убрали. Вместо нее киностудия пригласила Сьюри Круз, соплюху, годившуюся ей в дочки. Со мной связалась Лейла, сухо проинформировала, что очередной период беспризорности закончился, блудный сын вернулся домой: глаз подбит, нос сломан, рука порезана. Повидаться с ним не предлагала («Кретин, с чего ты взял, что он знает о твоем существовании?!»), а я и не напрашивался. Время от времени Управление полиции Лос-Анджелеса докладывало об отсутствии подвижек в расследовании убийства Гарольда Эренрейха, а потом красивое лицо Измаила и вовсе исчезло из новостного вещания.

Через несколько дней грипп прошел у Эрни, но развился в пневмонию у Сандры, и ее уложили в больницу. Я каждый день наведывался — для моральной поддержки, хотя раньше за мною не водилось такой привычки. Просто заняться было нечем, от меня больше ничего не зависело, а поездки в больницу помогали отвлечься. Сандра выписалась через каких-то четыре дня, а вот ее соседку по палате перевели с осложнением в палату интенсивной терапии. Этой перепуганной одинокой старушке я принес цветы и шоколад и сыграл с нею в маджонг, когда она пошла на поправку. Игра привлекла нескольких инвалидов, в том числе парня, которого убивала одна из немногих форм рака, до сих пор не побежденных медициной. Я и его стал посещать. Ни разу Мартин не подал виду, будто заметил, что я карлик. Разум умирающего не реагирует на посторонние вещи — не помню, кто это сказал, но похоже на правду.

Снова и снова возникала невеселая мысль: похоже, я от

Джейн заразился влечением к «раненым птицам». Но слишком уж расстраиваться по этому поводу я себе не позволял: как ни крути, визиты в больницу далеки от голливудского менеджмента, а он, в свою очередь, далек от жесткого мира политики. Не хотелось задумываться о том, куда меня несет судьба.

У Джейн также не проходило желание заботиться о сирых и убогих. Изредка ею не брезговали маловезучие папарацци, и голоснимки появлялись на четвертосортных линксайтах, в каких-нибудь «Вахтах знаменитостей» — то она дает «на хлебушек» бездомному пьянчуге, то оплачивает счета ребенка, якобы не имеющего ничего, кроме рваной одежки. Зато кадры с Джейн в компании близнецов регулярно мелькали во всех новостных передачах. Багодарить за это следовало, конечно же, Фриду Баррингтон.

В июле уволились Эрни с Сандрой.

— Мистер Тенлер, уж извините, но нам тут неуютно.

— Неуютно?

Переделка домика для гостей обошлась мне в двадцать тысяч долларов.

— Ага, — кивнул Эрни, переминаясь с ноги на ногу.

У него голова и зад поменьше, чем у большинства пораженных ахондроплазией, но все-таки он сложен непропорционально — и где еще ему удастся найти легкую работу за такие приличные деньги? Это и к Сандре относится.

— И куда устраиваетесь?

— Это наше дело.

Я помрачнел, получив столь невежливый ответ. Эрни, заметив это, смягчился.

— Мистер Тенлер, мы вообще-то очень благодарны. Вы для нас так много сделали. Но в последнее время что-то с вами… Вот зачем было дом перестраивать? Я же сколько раз отговорить пытался… А вы все даете и даете то, чего нам не требуется. И… вы постоянно здесь, над душой… Надоело до смерти, уж не обижайтесь.

А ведь я искренне хотел помочь!

— Будто под надзором живем, ей-богу, — кипятился Эрни. — Понятно, вы себя хорошим человеком считаете и стараетесь делать добрые дела, но нам-то… А звонки эти! Сандра их уже выносить не в силах. Правда, мистер Тенлер, нам лучше уйти.

Я их рассчитал не скупясь и нанял мексиканцев, мужа и жену, без документов — эти бедолаги уже отчаялись найти работу. Приятно было им помочь. На звонки я теперь всегда отвечал сам. Лицо собеседника на экране не появлялось, а голос, прежде чем

добраться до меня, проходил через исказитель. Переговоры велись посредством частного спутника с программой шифрования данных, так что никто посторонний не мог их подслушать и записать. В самом начале я было подумал, что это Джейн, но вскоре почувствовал: не ее стиль. И были эти беседы похожи как две капли воды.

— Барри Тенлер?

— Да, я Барри Тенлер.

Тяжелое дыхание, и наконец:

— Я знаю, что ты чувствуешь.

— Вы о чем?

И тут в механическом голосе появлялось что-то вроде боли. По идее, это невозможно — но я слышал собственными ушами.

— Просто хочу, чтобы ты знал: кое-кто тебя понимает. Кое у кого такая же ситуация.

— Ну, так давайте помогу…

И в этот миг прерывалась связь.

Что еще за ситуация? Он тоже карлик? Безработный спец по пиару? Отец ребенка с серьезными генетическими дефектами?

К этой загадке добавилась новая, когда объявились федеральные агенты. И они вели себя не менее уклончиво, чем мой анонимный собеседник.

— Мистер Тенлер, не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

— Мне понадобится адвокат?

— Ну что вы. Это вопросы самого общего плана, и мы действуем в общенациональных интересах. Вы действительно способны нам помочь.

Это меня сбило с толку. АЗЧ обычно не просит «помощи», а требует, и эти агенты мало напоминали держиморд, что допрашивали нас с Джейн после встречи с Группой. Визитеры, мужчина и женщина, были ростом невысоки, хорошо сложены и вели себя прилично, явно решив обойтись без угроз. Мне стало интересно да и скучать уже надоело. Я разрешил войти. Наверное, хотелось посмотреть, каково им будет на карликовых стульях — когда колени поднимутся над кофейным столиком, точно гималайские вершины.

— Мистер Тенлер, в последнее время у вас не было проблем со здоровьем?

— Что?.. Нет, все в порядке.

Я понял: речь не о моей хронической боли. И не о столь же хронической жалости к себе.

— И ничего похожего на симптомы простуды?

— Грипповал несколько месяцев назад, но с тех пор — ни

разу.

Я заметил, что гости не переглядываются друг с другом.

— А в чем дело-то? Будьте любезны объяснить, прежде чем задавать новые вопросы.

— Сэр, мы охотно дадим объяснения, — уступчиво проговорила женщина, симпатичная, ростом примерно пять футов и дюйм, и улыбнулась мне совершенно как ровне, отчего я сразу озверел: ненавижу эти дешевые приемчики! — Но прежде все-таки разрешите еще один вопрос, крайне важный. Не пытался ли с начала апреля кто-нибудь из Группы связаться с вами?

— Нет.

Возможно, шифрованные звонки поступали от Группы, но я решил, что федеральным агентам о них знать ни к чему.

— Благодарю вас, мистер Тенлер, — заявила женщина с таким видом, будто добилась своего, и вручила мне визитку.

Элайн Браун, Агентство по защите человека.

— Позволю себе еще раз спросить: что все это значит?

— Прошу обратиться к нам, если с вами что-нибудь случится или кто-нибудь из Группы выйдет на контакт, — проговорил мужчина. — А то наши информаторы намекают…

Он не договорил, а я решил не уточнять, на что конкретно намекают информаторы. Должно быть, агент и так сказал слишком много. Когда они ушли, я еще долго разглядывал карточку Элайн Браун и ломал голову: да что же происходит, черт побери?

Через две недели я все узнал. И весь мир узнал, но я был первым.

Опять раздался звонок после полуночи, и на сей раз я не испытывал желания отвечать. Весь день провел в больнице. В 16:43 скончался Мартин, мой несчастный партнер по маджонгу. Из его родни при этом присутствовала только старушка мать, и она упала в обморок. Я для нее сделал все, что мог, а мог мало, и домой добрался поздно. Чтобы не терзать себя раздумьями о тщете всего сущего, хватил тройную порцию виски с содовой, но без толку.

Прикроватные часы показывали 02:14.

— Чего надо?! — вызверился я на экран.

— Барри Тенлер.

Это не было вопросом. Экран оставался темен.

— Вот что, нынче я не в настроении, давай без этих игр…

Тут до меня дошло, что голос на этот раз не механический, не искаженный. Нормальный женский голос, и я его слышал раньше.

— Выслушай меня, это вопрос жизни и смерти и касается того, кого ты любишь. Необходимо увезти Джейн Сноу в безопасное место, причем немедленно. Не дожидаясь утра.

— Чего-о?.. Да кто ты…

— Кто я — неважно. Увези ее и спрячь.

— Почему? Что происходит… Нет, не отключайся! Ты…

Где же этот голос звучал раньше?

— Действуй. Прощай.

Вспомнил!

— Ты та женщина из Группы. Складской подвал. «Три тысячи двести четырнадцать».

Одна из двух фраз, произнесенных ею тогда.

Она молчала. Но оставалась на линии.

А мой сонный мозг соображал все лучше и лучше:

— И звонки эти шифрованные… «Кое-кто тебя понимает. Кое у кого такая же точно ситуация…» Ты была влюблена в Измаила?

— А они его убили!

Но она тут же взяла себя в руки. Когда такая женщина всего лишь на секунду утрачивает самоконтроль, можно судить о том, сколь велико ее горе. Даже самого крепкого человека душевная боль заставляет порой действовать безрассудно.

— Я тебя недооценивала, — сказала она.

«Ты далеко не первая», — чуть было не брякнул я. В груди собирался тугой комок страха. Не верить этой женщине не было оснований.

— Что за опасность угрожает Джейн? Объясни, пожалуйста.

Вытерпев долгую паузу, я дождался:

— А черт, почему бы и нет? Ладно, Барри Тенлер, будь по-твоему, но только учти: найти меня ты не сможешь. Ни ты, ни Группа. Да к тому же уже сегодня утром все это будет оглашено. Что-нибудь слышал об окситорине?

— Нет.

— После мартовского визита на склад в течение нескольких дней у тебя не было болезненных ощущений?

Страх мигом набрал силу.

— Вроде симптомов гриппа?

— Грипп тут ни при чем. Следующий вопрос: ты потом не замечал за собой несвойственных поступков? А с Джейн такого не бывало? А те, с кем ты обменивался телесными жидкостями, особенно слюной, вели себя как обычно?

Я ни с кем не обменивался телесными жидкостями, в том числе и слюной. Но сразу вспомнил предшествующий разговору на складе обыск. Меня всего ощупал охранник, причем заставил открыть рот и высунуть язык. И ладони у этого типа были

омерзительно скользкие.

У меня сперло дыхание.

— Что… что такое окситорин?

— Не бойся, от него не умирают. Группа, если ты не забыл, состоит из идеалистов. Правда, эти идеалисты прикончат всякого, кто выйдет хоть на два дюйма за границу резервации. — От ее хохотка у меня мороз пошел по коже. — Да, сама знаю, он был тщеславный дурак, но я его любила. Можешь смеяться надо мной… Нет, не станешь, ты ведь и сам в рабах у такой же красивой пустышки. Как я не могла с собой справиться, так и ты…

— Погоди… Что такое окситорин?

Она успокоилась, едва начала излагать сухие факты; из голоса исчез страдальческий цинизм.

— Нейропептид, близкий родственник окситоцина, гормона, который выделяется головным мозгом и гипофизом. Как и окситоцин, окситорин влияет на социальное поведение. В частности, на родительские инстинкты. Если к молодой самке крысы, ни разу не имевшей потомства, подселить чужих крысят, она в течение сорока восьми часов соорудит гнездо и примется кормить подкидышей. Если убрать нейропептид из мозга самки, она и на своих родных детенышей перестанет реагировать, позволит им умереть. То же и с обезьянами. То же и с…

Родительские инстинкты. Вот в чем дело. Вот почему я поил Эрни и Сандру апельсиновым соком и перестраивал их домик. Вот почему навещал пациентов больницы.

Вот почему Джейн, никогда своих детей не имевшая, долгие часы проводит с юными Баррингтонами.

— …давно уже научились делать искусственно, но синтетический препарат надо вводить непосредственно в мозг. А это непрактично, ведь требуется постоянное воздействие на значительную часть населения, поэтому…

— Сволочи! — прокомментировал я шепотом. Хотелось крикнуть, да ярость сдавила горло.

— …Группа раздобыла состав, переключающий гены на создание окситориновых рецепторов. Твоему организму больше не нужно вырабатывать избыточное количество окситорина, достаточно иметь рецепторы, которые позволят извне воздействовать на твой мозг. Правда, восприимчивость к генной модификации у каждого своя, наподобие того, как восприимчивость к холере зависит от группы крови. Вектор-носитель — ретровирус. Он способен проходить через гематоэнцефалический барьер, но прежде всего колонизирует секреты ротовой и носовой полостей. Цель всего этого…

— Вы нас использовали! Нас с Джейн! Вы…

— …получить более доброе, великодушное население. Разве не этого желаем мы все?

Я оторопел от такого сочетания цинизма и идеализма. И ведь она говорила совершенно искренне, в этом не было никаких сомнений. Я пообещал, опять шепотом:

— Не выйдет.

— Уже вышло. И если бы эти подонки, наши лидеры, попробовали на себе, прежде чем сочли Гарольда помехой…

Она заплакала, но мне было плевать. Невидимая удавка отпустила горло, и я заорал:

— Нельзя менять человеку гены без его согласия!

Сразу прекратились всхлипывания, в голосе собеседницы появился холодок:

— Отчего же нельзя? Сам разве так не делал?

Она знала. Они знали. Про Этана.

— Все это я тебе потому рассказываю, что завтра Группа выложит подробности в ЛинкНете. Ты и твоя стареющая Афродита — разносчики, и едва об этом пронюхает пресса, вас засыплют нескромными вопросами, а может, и линчевать захотят. Или забыл, как Группа высказывалась насчет сотрудничества с Джейн по причине ее либерально-левацкой голливудской ориентации? Очень и очень многие поверят с легкостью. А если не поверят, не беда: лучший сенсационализм — тот, которым занимается малое число людей, причем сами эти люди не светятся. Кому как не тебе об этом знать.

— Но почему ты мне…

— Не слушаешь, что ли? Я уже сказала почему. Ты такая же никчема, как и я. Мы с тобой одинаковые, карапуз, у обоих никогда не было шанса получить того, кого любим… будь они прокляты. Им плевать на твою душу, для них всего важнее тело. С телом мне не повезло, а тебе, получается, не повезло вдвойне. Короче, Барри, ты меня понял. Забирай ее сейчас же и уматывай из города.

И она отключилась.

Добрую минуту я стоял и пялился в одну точку, и минута эта показалась мне длиною в век. Я даже не чувствовал тело, которое только что подверглось осмеянию. Но зато лихорадочно работал мозг.

Телесные жидкости. Кровь, сперма, слюна. Джейн вытирает сопли близняшкам, целуется с ними… Не с ними одними, но и с половиной журналистского корпуса на голливудских тусовках. Совершенно ясно, не только нас двоих инфицировали террористы, иначе бы зараза не охватила достаточно большую

область. Просто им понадобилось огласить пару имен, и выбор пал на меня и Джейн.

Генетическая модификация по методике Арлена — крайне дорогая процедура, выполняемая по индивидуальным заказам и дающая очень малое число детей-эмпатов. В этом и кроется стратегическая слабость Группы.

Когда на это указала Джейн, Измаил провел грандиозную аналогию с кругами в пруду, которая ничего не прояснила. Но над ним стояли люди гораздо больше знающие, гораздо дальше смотрящие и гораздо умнее действующие. Люди, имеющие план. Люди, готовящие революцию в интересах всего общества.

Группа провела первый этап войны, где вместо пуль — генетически модифицированные зародыши. А теперь начинается новый этап, и генная соматическая инженерия — все равно что ковровая бомбежка.

Злость, как известно, придает сил и храбрости. Я мигом оделся, побросал кое-какие вещи в сумку и спустился к машине. Поскольку шифр ночной собеседницы был для меня недоступен, я решил не брать комлинк — ни к чему лишний риск. Удлинители педалей «лексуса», которыми пользовался Эрни и которые не понадобились Карлосу, слава богу, нашлись в багажнике. Я их поставил и двинул к Джейн. Электронный ключ к воротам и парадной двери я захватить не забыл и через час беспрепятственно пробрался к ее спальне.

А что если она не одна?

Сделав глубокий вдох, я вошел.

— Джейн? Это Барри, не кричи.

— Что?..

— Это Барри. Я включаю свет.

Она сидела в постели, глаза — что блюдца. И она была не одна. Рядом на широченной кровати, уютно свернувшись, спали безмятежным детским сном Баррингтоны-младшие. Волосы разметаны по подушкам, с губ стекает слюна…

— Какого черта?!

И тут у меня отказали ноги. Я схватился за край матраса, опустился на пол, и снова пришлось глядеть на нее снизу вверх.

— Джейн, ты в опасности. Надо уезжать, сейчас же. Пожалуйста, ничего не говори, просто выслушай! Один-единственный раз!

Что-то ее проняло — то ли мой голос, то ли нелепая поза. Пока я пересказывал все услышанное час назад, Джейн не произнесла ни слова. Затекавший в открытое окно воздух шевелил ее светлые пушистые волосы, а над скромной голубой пижамой, будто специально надетой для игры в дочки-матери с

маленькими гостьями, шея и лицо пошли красными пятнами, но уже через миг залились смертельной бледностью.

Договорив, я кое-как поднялся на ноги.

— Собирай вещи. Пять минут.

— Не могу бросить близнецов, — произнесла она.

Я хмуро уставился на нее.

— Правда, не могу. Фрида с Джоном в Европе, детей оставили на неделю. К тому же я их заразила уже, наверное. Сам говоришь, слюна…

— О них позаботится Каталина.

— Она в Мексике, тетю хоронит.

Я беспомощно закрыл глаза. Как же все это знакомо!

— Нет, — отрезал я.

— Барри, это мой долг! И Фрида не поймет, если… Господи, да Баррингтоны каждый день получают угрозы. А когда пойдет слух, что они заразны…

Мне вспомнились крысы, которые, не имея своего потомства, заботились о чужом.

— Тогда — киднеппинг.

— Нет. Я пошлю Фриде электронное письмо.

Проснулась одна из девочек, уставилась на нас во все испуганные глаза. Это была Бриджит, «добрая» ведьмочка. Она взмолилась дрожащим голоском:

— Джейн, не оставляй нас.

— Успокойся, моя хорошая, не оставлю.

Ах, до чего же трогательно смотрится эта робкая малютка… Но тут я спохватился. Окситорин!

— Никаких приборов, по которым нас можно найти. Комлинки, электронные игрушки и все такое. У детей есть подкожные идентификационные чипы?

— Нет.

Я видел: ей хочется сказать гораздо больше. Но в присутствии Бриджит она не решалась.

Через четверть часа, потраченную на сборы и отправку короткого письма Фриде и Джону Баррингтон, мы выехали за ворота усадьбы и взяли курс на горы.

В первый месяц беременности Лейлы УЗИ показало вполне обычный плод. Не изменилась картина и на втором, и на пятом, и на девятом месяце. У всех утробных плодов непомерно большие головы, тонкие как прутья ручки-ножки. Когда Этан появился на свет, без генетического сканирования никто бы не опознал в нем карлика. Восемьдесят пять процентов таких детей рождаются у людей нормального роста, причиной тому не доминантный ген, а

мутация в процессе зачатия. Зачастую родители даже не догадываются о лилипутстве своего чада, пока вдруг оно не перестает расти.

Но мы-то, разумеется, были в курсе. Мы сами предначертали судьбу Этана. И как только он родился, подвергли сканированию.

По мнению одного религиозного писателя двадцатого века, человечество нуждается в инвалидах для того, чтобы помнить о хрупкости своего здоровья, о жизненной мощи и немощи.

Мать прославившегося в девятнадцатом столетии Чарлза Страттона по прозвищу Генерал Том Там объясняла его карликовость своим несказанным горем — во время ее беременности умерла собака, любимица семьи. Мы же с Лейлой не занимались подобным самообманом, не искали причин нормальному в ту пору развитию нашего ребенка. Впрочем, наука и не могла предложить убедительного объяснения, так, общие слова: генная инженерия иногда дает сбои, скачки генов приводят к непредсказуемым результатам, хромосомные мутации выходят из-под контроля. В общем, всякие бывают неожиданности. Природа всегда защищает свои права.

Как только от меня ушла Лейла, я приобрел домик в горах. Помнится, в ту нелегкую пору я был малость не в себе. С политикой уже порвал, а шоу-бизнесом еще не занялся; к чему руки приложить, не ведал. Обзавелся дневником, чтобы записывать в него мысли о самоубийстве, но особого желания перейти от слов к делу не припоминаю. Прошло какое-то время, я запер дверь на ключ и больше в тот дом не возвращался. А через несколько лет оформил дарственную на Лейлу, и они с маленьким Этаном бывали там наездами. Лейла даже сказала как-то, в редком приступе деликатности, что сыну нашему на даче очень нравится, он с упоением ловит бабочек и собирает полевые цветы. И вообще ведет себя спокойнее на свежем горном воздухе, а по ночам крепко спит.

Этим же самым теперь занимались и близняшки — спали как убитые на заднем сиденье «лексуса». Мы с Джейн по-прежнему не разговаривали, но она разок положила ладонь мне на затылок. Как же я мечтал об этом, как же мне этого не хватало — ей-богу, десять лет жизни отдал бы взамен. Но в прикосновении не было ни сексуальности, ни романтики. Просто добрый материнский жест.

Едва над горами встало солнце, мы подъехали к даче. Если Группа действует четко по своему графику, то сенсация выпорхнула из клетки час назад. Джейн приоткрыла дверцу «лексуса» и сразу покрылась гусиной кожей — в салон хлынул

холодный утренний воздух.

— Внесу детей в дом, — такими были ее первые слова после нескольких часов молчания. — Надо им хорошенько выспаться. Дверь заперта?

— Вот ключ.

Простой, будничный разговор. А кругом в эти минуты стремительно меняется человеческая раса.

В доме оказалось не теплее, чем снаружи. Я завел генератор, чтобы не возиться с камином, а Джейн, тяжеловато дыша, перенесла девочек одну за другой в спальню. Дача моя, вернее бывшая моя, невелика, но по комфорту вполне на уровне — я не фанат примитивизма и аскетичности. В кухне всегда есть вода из скважины, санузел соединен с подземным септиком. Мебель, подобранную под мои габариты, Лейла заменила на обычную. На диван я забрался с трудом, сразу заболели ноги.

Из спальни вышла Джейн, затворила за собой дверь, уселась напротив меня в плетеное кресло и тихо сказала:

— Зря не дал мне машину вести.

Я промолчал.

— Тут есть радио?

— Было… Только спутниковое — в горах другое не ловится.

— Где приемник?

— Не знаю. Давно здесь не живу.

Она ушла в кухню, и я услышал открывающиеся дверцы. Лейла обновила и кухонную мебель, однако насчет полок не позаботилась. Джейн пришлось действовать на корточках. Все обыскав, она сообщила:

— Приемника нет, зато еды и посуды полно. Тут кто-то бывает?

И опять я не ответил.

— Ну, Барри, какие планы?

Я посмотрел на нее. Никакой косметики, волосы причесаны незатейливо, из одежды — джинсы и зеленый, под цвет глаз, свитер. Еще никогда она не казалась мне такой красивой.

— План у меня был один — сбежать, пока не нагрянула взбешенная толпа с вопросом: какого, собственно, черта? Ну не любит народ, когда его в мозг насилуют. И у кого же спрашивать, как не у тебя? Ты — натуральная мишень.

— Понятно, — устало улыбнулась Джейн. — Да, всяк на мне злость сорвать норовит, сколько себя помню. Но чтобы целой толпой набрасываться… с чего ты взял?

— Зависть. Ты же баловень судьбы: имеешь все, о чем они только мечтать могут.

Я подразумевал красоту, талант, успех и богатство. И свое

сердце.

— Да ладно, — фыркнула она. — Конченная карьера, четыре неудачных брака и морщины такие, что даже ботокс не берет. Милый мой Барри, что-то ты неважно выглядишь. Устал. Ложись-ка на диван, а я тебе молочка подогрею.

— Кончай мамашу из себя корчить!

Мой рык ее сначала испугал, затем рассердил. Но уже через секунду на лице отразилось сочувствие. Сочувствие — это хуже всего.

— Я хотела только…

— Ты сама тут ни при чем, дело в генной дряни, которой тебя инфицировали.

Эти слова заставили Джейн крепко задуматься. Моя ночная собеседница зря считает ее глупой.

— Думаю, ты не прав, — сказала Джейн наконец. — Я так поступала и до того, как все это началось. Вижу: ты устал и расстроен, вот и хочется создать тебе мало-мальский уют.

М-да… Похоже, все гораздо запущеннее, чем казалось раньше.

В самом деле, как можно отличить, у кого поступки естественные, а у кого они вызваны рецепторами окситорина? Гены против свободы воли — очень старый спор. Который сегодня готов перейти в жаркую стадию…

— Все-таки принесу тебе теплого молока, — решила Джейн.

Но я уснул, не дождавшись ее возвращения из кухни.

А когда проснулся, у кровати стояла Белинда и смотрела на меня в упор.

— Хочу домой.

Я принял сидячую позу, спросонья плохо соображая. Все болело.

— Где Джейн?

— Они с Бриджит на прогулку свою дурацкую пошли. А меня оставили. Отвези!

— Сейчас не могу. Потерпи.

— Домой хочу!

Господи, больно-то как! Я слез с дивана и поплелся в кухню. На столе ждала и пахла кофеварка, вот только близок локоть, да не укусишь. До чего же неприятно, что Белинда глаз с меня не сводит! Скрипя зубами от злости, я сходил к камину за стульчиком для ног, залез, налил себе кофейку. Какой-то участок мозга отстраненно констатировал: родительских позывов в отношении Белинды не наблюдается. По крайней мере, когда у нее дела обстоят получше, чем у меня.

Напиток оказался отменным. К хорошему кофе Лейла всегда была неравнодушна. Я глотнул и спросил:

— Ну, и долго они уже гуляют?

— Не знаю.

Наверняка же знает, паршивка, но решила не говорить.

— Правда не знаю, перестань думать, что я врунья.

Как же ей это удается?

Я читал кое-что о синдроме Арлена.

Подсознательные процессы в недобром маленьком мозгу Белинды сверхвосприимчивы к шести видам невербальных сигналов. Это — мимика и жесты, вплоть до едва заметных; ритм движения; использование личного пространства; детали внешнего облика, такие как одежда и прическа; наконец, так называемый параязык, то есть тона и модуляции голоса, смысловая наполненность речи, акценты и интонации. Все в совокупности позволяет ей читать мои эмоции с такой же легкостью, как диктор читает текст телесуфлера. Правда, чужие мысли для эмпатов все-таки закрыты — об этом я, общаясь с юной особой, как-то успел запамятовать. Пришлось напомнить себе, а заодно углядеть рациональное зерно в старинном обычае привязывать ведьм к столбу и обкладывать хворостом.

— Ненавидишь меня, ну и плевать, — сказала она.

— Ой, Белинда, при чем тут ненависть, — вздохнул я беспомощно. От нее ничего не скроешь.

— И я тебя терпеть не могу!

Я взял чашку и вышел. Слава богу, Лейла не убрала стоявшую перед домом низкую скамейку. С нее открывалась просто головокружительная панорама с горами и долами, прямо-таки нетронутый рай. Помнится, девять месяцев кряду я любовался этой картинкой — и чуть не спятил с горя и тоски. Рай, из которого ты изгнан, больше не рай. Вокруг скамьи как будто витали призраки того горя и той тоски, но черта с два они снова меня заполучат.

Вскоре на грунтовой дорожке появились запыхавшиеся Джейн и Бриджит. Девочка несла букет лютиков и маргариток.

— Здравствуй, Барри, — невесело поприветствовала она, и я заметил слезы.

Я сразу одернул себя, отогнал слабое желание утешить ребенка, погладить его по головке и пообещать, что бо-бо скоро пройдет.

А-а, черт бы вас всех побрал! Оставьте же меня наконец в покое!..

Джейн села рядом на скамью.

— Бриджит, иди, поставь цветы в воду.

Когда близняшка скрылась в доме, я сказал:

— Надо бы узнать, что в Лос-Анджелесе делается. Внизу, на краю равнины Данхилл, есть библиотека. Если убрать волосы, надеть солнечные очки… Впрочем, не мне же тебя учить актерскому мастерству. Сможешь туда пробраться незамеченной и войти в Линк? Я бы сам съездил, но ты же понимаешь…

Джейн побаивалась высоты. Взглянув на горную дорогу с крутыми спусками и кое-где без ограждений, она вздохнула:

— Смогу.

— Но не задерживайся и ни с кем не разговаривай. Ни слова! У тебя запоминающийся голос.

— Только для тех, кто его слышал больше десяти лет назад и в картинах поприличнее, чем последняя. Так я поехала? — И она снова посмотрела на дорогу.

Прежде чем я успел ответить, девчонки подняли шум. Через секунду они выскочили из дома, и Джейн встала.

— Белинда, не смей! — выкрикнула Бриджит.

— Если сейчас же не отвезешь нас домой, я всем скажу, что ты меня трогал за одно место, и тебя за решетку посадят! Навсегда! Да-да-да!

— Нет, юная леди, вы так не поступите, — произнесла Джейн. — Вы сейчас же пойдете со мной.

Белинда опешила: верно, от Фриды никогда не слышала такого сурового тона. Я отметил для себя, что родительские инстинкты как будто не отрицают дисциплину. Девочка без звука последовала за Джейн в дом.

Может быть, дочки слишком запугали Фриду, поэтому она себе не позволяет строгости? Или дело в ее высокомерии? Или она чувствует себя виноватой? Или боится, пожурив, услышать в ответ нечто убийственное? Легко было вообразить подобную сценку, очень уж непростые это детишки, с их совсем не детской психикой и жутковатой проницательностью.

Интересно, какими способами Лейла добивается от Этана послушания? И добивается ли?

Джейн возвратилась из Данхилла, плохо пряча ворчание. Сказала, в библиотеке ее никто не узнал. Она беспрепятственно подключилась к Линку, пробежалась по новостям, записала заголовки. Все оказалось даже хуже, чем я ожидал.

В КАЛИФОРНИИ ВЫРВАЛОСЬ НА СВОБОДУ БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ!

АРЛЕНОВЫ ДЕТИ — ТОЛЬКО ПЕРВЫЙ ШАГ, И ТЕПЕРЬ ОНИ РАЗНОСЯТ МУТАЦИИ.

АКТРИСА ЗАМЕШАНА В ЗАГОВОРЕ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ

ЭПИДЕМИИ.

ТРЕБУЕМ НЕМЕДЛЕННОГО КАРАНТИНА ДЛЯ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА!

АЖИОТАЖНЫЙ СПРОС НА ПРОТИВОГАЗЫ, ПАНИКА И УЛИЧНЫЕ БЕСПОРЯДКИ, ЧЕТВЕРО ПОГИБШИХ.

МУТАНТЫ УЖЕ СРЕДИ НАС — ПО ДВОЕ НЕ СОБИРАТЬСЯ!

НОЧЬЮ ИСЧЕЗЛИ ДЖЕЙН СНОУ И ЕЕ МЕНЕДЖЕР.

— Это они назвали государственной изменой, — сказала Джейн.

— Измена и есть. Или очень близко к ней.

Террор с применением биологического оружия. Посягательство на телесную собственность. Нарушение Четырнадцатой поправки. Преступная небрежность врачей.

— Барри, что дальше?

— Не знаю. Подумать надо.

Но мысли были только об одном: а чем бы все кончилось, не позвони мне Надутая и не увези я Джейн? «Уличные беспорядки, четверо погибших». При том, что у толпы нет перед глазами «бесспорного виновника».

— Пока меня не было, чем занимались девочки?

— Ничем.

Они играли в доме, а я сидел снаружи и вообще вел себя так, будто их здесь нет.

Джейн вошла в дом и через минуту вернулась.

— Печенье пекут.

— Чудненько. Лишь бы только дачу не сожгли.

— Не сожжем, — пообещала Бриджит.

Я и не заметил, как сестры молчком вышли вслед за Джейн. У Белинды на носу красовался широкий мазок шоколада.

— Джейн, ты чего-то боишься? — спросила Бриджит.

Та отрицать не стала.

— Сходила в город, узнала новости. В Лос-Анджелесе некоторые люди очень сердятся на других людей. Там теперь опасно.

— Что это значит? — насупилась Белинда. — Нам нельзя домой?

— Они из-за нас распсиховались? — спросила Бриджит. — Боятся… А почему? Мы же ничего не делали.

— Брид, не будь дурочкой, — сказала Белинда. — Они всегда на нас злились, а мы никогда ничего не делали. — И зыркнула на меня: — Вот и Барри тоже злится.

Бриджит нахмурилась, отчего стала вдруг очень похожа на сестру.

— Ага. Барри, ты почему такой сердитый?

— Потому что не хотел вас сюда везти. Но иначе бы на вас уже напала толпа.

Мои слова явно испугали Бриджит, а вот Белинда замотала головой:

— Не-а, дома мы точно были бы в безопасности. Туда никому не проникнуть… Хочу домой!

— А уж как я хочу вас туда отвезти! — И это была правда, разве что с малой предательской толикой заботы о напуганной Бриджит… Окситорин, чтоб его.

Белинда страха не испытывала, но впала в детскую истерику:

— Так вези же! Вези нас домой!

— Белинда, нельзя, — попыталась ее успокоить Джейн. — Это опасно…

— Не опасно! У папы в усадьбе не опасно! Хочу домой!

— Белинда… — обратилась к ней сестра столь безнадежным тоном, что у меня екнуло сердце.

Получив сильный удар ногой, Бриджит с криком упала. Затем и Джейн достался пинок. Она попыталась схватить девчонку, но та оказалась юркой. Отскочила прочь, размазывая слезы ярости по перепачканному личику.

— Не трогай меня! Никогда не смей прикасаться! Ненавижу! Жалеешь всех подряд! И Барри жалеешь, ах, сюси-пуси, он же маленький и увечный, и нас с Брид, ведь мы не такие, как все нормальные дети, и Каталину, и пилота, и всех-всех, кто хоть капельку на тебя не похож! Да только ты сама уже не красавица, ты старуха и знаешь об этом, и ты боишься, что никто не полюбит, если не станешь опять красивой или если не снимешь про нас свое гадкое кино! А знаешь что? Правильно делаешь, что боишься! Никто тебя не полюбит так, как я ненавижу! Дряхлая ты уродина, быть тебе одинокой до самой смерти!

Джейн стояла неподвижно, с таким видом, будто ей дали звонкую пощечину. Или будто с нее сорвали всю одежду. Но Бриджит уже пришла в себя и двинула сестре сначала в голову, а затем от всей души в живот.

— Пинаться! Ах ты мерзавка!

Белинда завизжала от боли, и вот уже близняшки катаются по сорной траве, царапаясь, таская друг дружку за волосы и осыпая тумаками.

Джейн, очнувшись, бросилась к ним, попыталась растащить. А затем, как и я, замерла, услышав шум мотора.

С визгом тормозов перед домом остановилась машина Лейлы. В салоне я увидел ее и Этана.

Эмпатия — это когда ты понимаешь чужие чувства. Только

понимаешь, а вовсе не симпатизируешь им, не уважаешь их. Йозеф Геббельс, гениальный министр пропаганды, очень хорошо понимал, какие чувства испытывал германский народ в двадцатых-тридцатых годах: неуверенность, страх, гнев и обиду. И Геббельс талантливо воспользовался своими знаниями, организовав пиар-кампанию, которая подняла Гитлера на вершину власти и помогла ему там утвердиться.

Должно быть, слишком поздно Группа сообразила, что синдром Арлена вовсе не гарантирует изменение мира в лучшую сторону. Вот тогда-то и возникла потребность в вирусе, усиливающем реакцию человеческого организма на окситорин. Одну генетическую модификацию решили скорректировать с помощью другой генетической модификации.

Знал бы я раньше, наверное, постарался бы им объяснить, что толку от этого не будет.

Первым из машины выбрался Этан. Бриджит с Белиндой прекратили драку, встали и вытаращились на забинтованную руку, здоровенный синяк под глазом и злобный оскал, адресованный сестрам Баррингтон, нам с Джейн и всему белому свету.

Какой же он красавец, мой сынок!

На лоб спадает золотистая челка, в глазах — небесная синева, а фигура — Микеланджело бы не отказался от такого натурщика для своего Давида. И плюс ко всему — того же сорта, что и у Джейн, сексуальность, абсолютно естественная, даже им самим не осознанная, но при этом дерзкая, будто говорящая: подойди и возьми, если получится.

На фотографиях, правда, это свойство никак себя не проявляло.

Бриджит и Белинде было по одиннадцать, но малый возраст женскому чутью не помеха. От меня не укрылось, как покраснела и смутилась Бриджит. Белинда нахмурилась в ответ, но в серых зрачках возник интерес. Джейн стояла ко мне спиной.

Лейла покинула водительское сиденье и беспомощно воззвала:

— Этан!

Он не остановился и даже не оглянулся на мать. А шел он прямо ко мне. Я встал со скамьи, сердце колотилось как бешеное. Вот сын остановился. И оказалось, что он почти вдвое выше меня.

— Ты — мой отец? — с крайним презрением спросил он. — Ты?!

Лейла спохватилась и побежала к нам, но Джейн, стоявшая ближе, ее опередила. Она вклинилась между мной и Этаном, и кулак, метивший мне в лицо, попал ей в грудь.

— Говорит, дышать не больно, — устало сообщила Лейла. — Это хорошо: ребра, скорее всего, целы.

Мы с Лейлой сидели в ее машине, трехлетнем «форде», держали в ладонях дымящиеся чашки с кофе. Моя дрожала в онемевших пальцах. Джейн задремала в спальне, спасибо за это обезболивающему пластырю. Присмиревшим девчонкам было строго наказано возвращаться к готовке и носу не казать из кухни.

Этан ушел в лес, и в глубине моего сознания крутилась тошнотворная мысль: вот бы там и остался. Сынок, родная кровиночка, внушал мне нешуточный страх.

— Лейла, я в толк не возьму… Понимаю, о чем ты говоришь, но… Поведение, конечно, сложная штука, тут и генетика, и влияние окружающей среды, и когда во все это влезаешь с…

— Прекрати. Не грузи меня теориями и научными фактами, оставь эту дурацкую привычку. Будь проще.

— Ладно…

Она повернула голову, посмотрела мне прямо в лицо.

— Гм… Сколько раз об этом просила, неужто услышал наконец?

А ведь она права, подумалось мне. Все это наукообразие годится только для того, чтобы под ним прятать истину.

— Этан ведет себя…

— Непредсказуемо. По словам психолога, у него низкий контроль импульсов. Эмоциональный всплеск из-за любого пустяка заканчивается серьезным нервным срывом. Ты же видел снимки его головного мозга — там и миндалевидное тело не в порядке, и гиппокамп. Отсюда припадки бешенства. Он даже не всегда потом может вспомнить, что натворил.

— И ты одна все это тащишь…

— С тех пор как он научился ходить. Барри, ты все прекрасно знаешь. Я же рассказывала.

Верно, рассказывала, да только я не слушал. Не желал слышать. Предпочитал валить на нее вину, и она отвечала тем же.

— Вот увидишь, — продолжала Лейла, — из лесу он выйдет совсем другим человеком и будет вполне нормальным до следующего припадка. Но он теперь достаточно большой, чтобы убегать из дому и беспризорничать. А с такой внешностью…

Не было необходимости заканчивать фразу. Я знал, что бывает в Лос-Анджелесе с четырнадцатилетними красавцами.

— Как вы с ним здесь оказались, случайно? — спросил я.

— Нет. Джейн позвонила.

От неожиданности я так дернулся, что даже кофе пролил.

— Джейн?

— Ага. Сделала то, что должен был сделать ты. — Лейла снова злилась. Значит, сейчас на мою голову посыплются упреки и оскорбления. — Поди, даже не удосужился вспомнить о родном сыне? Я радио по дороге слушала, пока была в зоне приема. Насчет всей этой охоты на ведьм. Неужели не пришло в голову, что родной сын в опасности, что линчеватели, не добравшись до тебя, захотят отыграться на нем?

— Успокойся, никто бы не додумался связать вас со мной.

— А вот Джейн додумалась!

И даже наняла частного детектива, чтобы их разыскать, предположил я. Интересно, давно ли? И зачем ей это понадобилось?

— Лейла, прости, но я в самом деле не видел никакой опасности для вас. Думал, СМИ…

Я умолк. Она поняла, что я имел в виду.

Как ни жестоко по отношению к карликам общество на бытовом уровне, медийный мейнстрим обязан придерживаться официальной линии: большие сердца в маленьких телах и тому подобные сопли. Они же милые, они же славные, давайте не будем их обижать и унижать. Таким образом, бытовая нетерпимость загнана в подполье и во Вселенной установлено зыбкое равновесие.

Но теперь СМИ отказались от привычных формулировок, и это позволяет судить о том, какую мощную дозу страха Группа вкатила населению Лос-Анджелеса.

— Я и близнецов не хотел сюда везти, честное слово…

— А где их родители? Мало тебе проблем, еще и обвинение в киднеппинге понадобилось?

— Родители в Европе, но уже летят домой. Не волнуйся, они в курсе, что дети здесь.

— Если бы просто дети, но тебя же угораздило связаться с близнецами Баррингтон. Ты даже не представляешь, во что влип!

Я очень даже хорошо представлял и в напоминаниях не нуждался, но решил не давать волю злости. Возможно, другого шанса не будет, так что я должен все сказать правильно.

— Лейла, выслушай. Согласен, отец из меня никудышный, и понимаю, что Этан… Да, во всем я виноват, признаю… Но хочу сейчас высказаться и прошу как следует обдумать мои слова. Не требую, упаси боже, но буду очень благодарен, если ты это сделаешь. Во-первых, все, что я говорил в самом начале, правда, хотя нынче и не самое подходящее время для таких бесед. Поведенческий феномен очень сложен, в нем много от генетики, а болезнь… проблема Этана… аномалии в мозгу могли

образоваться и сами по себе, без операции, на которой я настоял перед его рождением. Так это или нет, мы точно знать не можем.

Лейла сделала протестующий жест, но я продолжал, боясь остановиться:

— Это первое. Второе: подумай о том — нет, не спорь, а подумай, — что я ведь заботился о сыне, но ты меня прогнала. Помнишь, как тогда распсиховалась? Я не говорю, что безосновательно. Но это ты подала на развод, ты сама от меня ушла и не позволила видеться с сыном, так что упрекать теперь в этом несправедливо!

— Я не… — пылко начала она, но я положил ладонь ей на руку.

— Пожалуйста, дослушай до конца. Еще не поздно. Я хочу помочь, хочу сделать все, что от меня зависит, все, что вы с Этаном мне позволите. Для него будет лучше, если мы перешагнем взаимные обиды и начнем действовать сообща.

Она стряхнула мою руку, но из машины не вышла. Несколько минут мы сидели молча, я боялся даже дышать.

Наконец Лейла заговорила, теперь уже совсем другим голосом:

— Не знаю, смогу ли. Так долго тебя ненавидела… Кажется… кажется, мне было необходимо ненавидеть. Для того чтобы жить дальше.

Я достаточно хорошо ее знал и потому счел за лучшее промолчать.

— О господи, я не хотела, чтобы так вышло, — заплакала Лейла. — Барри…

— Знаю, — кивнул я. — Я тоже не хотел, чтобы так вышло.

И тут я получил вопрос, которого не ждал:

— Ты ее сильно любишь?

В такой ситуации ответ мог быть только честным: — Да.

— У меня тоже есть друг, — призналась Лейла. — Потому-то и бесится Этан. Прежде ни с кем меня делить не приходилось.

— Рад за тебя, Лейла, — улыбнулся я и не удержался от вопроса: — Карлик?

— Да. В прошлом году познакомились на Фестивале маленьких людей. Живет в Орегоне, работает в страховой компании.

Она невольно улыбнулась, и я от души пожелал счастья своей бывшей. Лейла заслуживает небольшой подстраховки. Как и любой из нас, разве не так?

— Надо же, не могла тебе раньше сказать: я привезла телевизор со спутниковой антенной. В багажнике.

Беспорядки начались в Южном Централе,[32] и причиной послужил слух о «мутационной чуме», такое прозвище дала пресса распространяемому Группой вирусу. Вскоре они вылились в самый настоящий бунт, с грабежами, поджогами автомобилей и бросанием камней — всем тем, без чего ни один настоящий бунт не обходится. Полиция Лос-Анджелеса применила микроволны и вяжущую пену, но разогнанные смутьяны перегруппировались в нескольких местах и опять взялись за свое. СМИ, истинные виновники заварухи, как водится, перешли от нагнетания страстей к попыткам их унять. Телевидение, ЛинкНет, голографические издания и стенные экраны надолго отдались «говорящим головам». Журналисты объясняли, что вирус способен выжить только в телесных жидкостях, не передается воздушным путем, не вызывает рака, не гноит нервы и не превращает человека в зомби. Никто, понятное дело, в это не верил.

Прошел слух, будто штаб Группы находится в складском здании на берегу и там прячутся главари террористов. Вскоре толпа подожгла склад, пожар перекинулся на другие дома и двинулся на запад. Губернатор вывел на улицы части национальной гвардии.

«Смерть создателям мутантов!» — требовали самодельные плакаты.

Толпа вздернула на виселицу картонную фигуру с лицом Джейн.

Едва Фрида и Джон приземлились в Лаксе,[33] их взяли в плотное кольцо робокамеры. В последние дни фото Джейн с близняшками где только не мелькало. Баррингтоны-старшие попытались улететь, но власти закрыли воздушное пространство над городом, и пришлось снова посадить флаер в аэропорту.

С приходом сумерек бунт поутих, чему изрядно способствовал слух о мутантах, которые тайком выбрались на улицы, чтобы перезаразить всех до единого. Народ растекся по домам. Несколько часов кряду я просидел в Линке, да только ни от кого из дикторов или репортеров не услышал правды насчет вируса, усиливающего желание нянчиться. Горожане догадывались, что их поимели, но не знали, как именно. Реакция общества на происходящее была мне понятна.

— Барри, иди поешь, — позвала Джейн.

Они с Лейлой в кухне что-то состряпали из консервов. Лейла растопила камин, а Этан, вернувшийся из леса угрюмым и с той минуты нисколько не подобревший, устроился за столом вместе с близнецами. Почти весь день он провел снаружи, курил черт знает что, а девочки циркулировали вокруг него, как

дезинтегрирующиеся звезды вокруг черной дыры. Бриджит при нем рта не раскрывала — похоже, побаивалась, зато с Белиндой он вел долгие тихие беседы, не переставая при этом скалиться. Лейла и Джейн постоянно курсировали между кухней и столом во дворе, меж собой они общались до того деликатно, что это бросалось в глаза. Мне совсем не улыбалось, чтобы Бриджит или Белинда объяснили, кто здесь, какие чувства к кому испытывает. Любого на моем месте угнетало бы общество этих пяти человек, но никто из нас не мог никуда свалить.

— Барри, — снова окликнула меня Джейн.

— Ему не нравится, когда ты с ним обращаешься как мать, — заявила Белинда.

— Ребенок, умолкни, а то пожалеешь.

Бриджит в притворном страхе распахнула глаза:

— Белинда, он не шутит!

Та зыркнула на меня с ненавистью, но промолчала. Лейла посмотрела в мою сторону недоуменно, Этан поднял голову, и я бы все на свете отдал за то, чтобы заполучить синдром Арлена на этот один-единственный миг и понять, о чем думает мой сын.

— Мне тут не нравится! — заявила нам с Этаном Бриджит, и ее глаза наполнились слезами. — Вы плохие!

Джейн поспешила ее обнять.

— Девочки, вы просто устали. Вот поужинаете и ложитесь в кроватку. А утром все будет хорошо.

Окситорин…

Кто действительно устал, так это я. Почти ничего не соображал. Но все-таки вспомнил слова Надутой: «Восприимчивость к генной модификации у каждого своя, наподобие того, как восприимчивость к холере зависит от группы крови».

Что-то не заметно никакого повышения заботливости у Белинды, наблюдающей, как Джейн нянчится с Бриджит. Таким взглядом можно кактус засушить.

Из кладовки, которой не существовало в пору моего владения дачей, Лейла вынула три спальных мешка. Детей уложили на полу в спальне. Этан удостоил лишь презрительным взглядом мешок, расстеленный для него в углу гостиной. Джейн и Лейле на двоих досталась кровать.

Мы с Этаном укладывались последними. Я залез на бугорчатый диван, выключив все источники света, кроме телевизора — перед ним сидел Этан и смотрел какую-то ерунду. С его прекрасного лица — и как только нам с Лейлой удалось сотворить этакое чудо? — сошла угрюмая мина, мышцы расслабились, и появилась улыбка нормального

пятнадцатилетнего мальчишки.

Нормальный… Карлики не любят это слово и редко им пользуются. На то есть серьезные причины.

Но вот он, мой сын, и как тут удержишься от попытки достучаться до его сердца?

— Что смотрим?

— Ничего. — Мигом вернулась мрачность.

Меня это рассердило.

— «Ничего» ты бы смотреть не стал. Так что же?

— Не лезь ко мне с дурацкой логикой, — буркнул Этан. — Я тебя знать не знаю…

Неужто он чуть-чуть поколебался, прежде чем сказал следующую фразу? Как хотелось бы верить.

— …лилипутишка убогий.

Мы перекинулись через темную комнату уничтожающими взглядами, затем я повернулся на бок, закутался в одеяло и попытался уснуть.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем Джейн потрясла меня за плечо:

— Барри! Барри, проснись! Белинда сбежала.

Я рывком сел, уставился на спальный мешок у камина. Мешок был пуст. А мой рассудок — холоден и ясен.

— Посмотри, обе ли машины на месте.

Ну конечно, одна исчезла. Мой «лексус».

— У него даже водительских прав нет, — посетовала Лейла.

За рулем сидела она — у меня слишком разболелись ноги. Джейн пришлось оставить с Бриджит, которая так и не проснулась.

В темноте Лейла вела очень медленно и дрожала на опасных участках серпантина, но руки сжимали баранку надежно. Да, это уже не та юная карлица, что самозабвенно танцевала на Фестивале малого народа Америки. Не та новобрачная, что с обожанием ловила каждое слово самодовольного муженька.

— Я-то думал, он понимает, как опасно сейчас возвращаться, — проговорила Лейла.

— Он понимает. Потому-то и сбежал.

Она покосилась на меня и вновь сосредоточилась на управлении машиной, не забывая посматривать на обочину. Что это, уж не брешь ли в кустах? Не могли туда улететь автомобиль? И не следы ли покрышек выхвачены светом фар?

— Не потому, — возразила она. — Из-за девчонки. Белинда хотела домой, я видела, как они весь день шушукались. Могла бы сообразить… Но он же не такой, как все дети! А ей еще только

одиннадцать… Поди додумайся, что он способен попасть под ее влияние.

Все верно. Лейла не виновата, это я должен был обо всем догадаться и предвидеть побег, ведь Белинду я знаю гораздо лучше, чем моя бывшая. Близняшке ничто не мешало в точности распознать чувства Этана и сыграть на его слабостях. Наверное, она при этом даже не думала, просто дала волю инстинктам.

— Барри, у него вообще-то не злая душа. Иногда бывает таким милым… Просто ты этого ни разу не видел.

— Верю, — грустно улыбнулся я, подумав: «А кто бы мне позволил увидеть?». — Но иногда он просто не может с собой справиться. Так ведь? Это в генах…

— Еще чего! — сразу вскипела она, но при этом ни на миг не отвлеклась от вождения и поиска. — И чего вы всё приписываете генам! Из-за них ты родился карликом и считаешь, что из-за них искалечена судьба. Нет, Барри, не гены делают человека угрюмым и несчастным. Я же тебя совсем другим помню. Хотя и в тот день, когда мы познакомились, ты был карликом. Но потом взял манеру жалеть себя, а я не захотела, чтобы эта жалость распространялась на Этана. И сейчас не хочу. Может быть, врачи правы насчет его влечения к опасности, насчет его предрасположенности к агрессивным, импульсивным поступкам. Но он же не ищет себе оправданий. Такое поведение — его личный выбор. Точно так же, как твой личный выбор — нытье и самобичевание.

— Слишком упрощенный анализ, и ошибок в нем столько… Даже не знаю, с которой начать.

— Так и не начинай. С моими ошибками я как-нибудь сама разберусь, а ты лучше своими займись… Что это?!

Я увидел на секунду позже, чем она. «Лексус» врезался передним бампером в дерево; только это удержало его от падения с кручи.

Лейла помоложе, да и позвоночник у нее искривлен меньше, чем у меня. Поэтому из «форда» она выбралась первой. И бросилась к месту аварии, выкрикивая что-то бессвязное. Я устремился следом, да только больные ноги предательски подкашивались. Но снова и снова я вставал и пытался бежать.

То были самые долгие секунды в моей жизни. Да какие там секунды — минуты, часы, тысячелетия.

Но!

Вот!

Я!

Наконец!

Добрался!

Слава богу, оба живы. Белинда как будто невредима, хоть и пищит, прижатая к сиденью ремнем безопасности. Этан, принявший весь удар на себя — в последний момент довернул, чтобы спасти девчонку? — потерял сознание и навалился на баранку. Его волосы в крови.

— Не трогай его! — поспешила предостеречь Лейла. — Вдруг что-нибудь сломано… Я вызову помощь.

Она бегом вернулась к «форду». Я отстегнул ремень, кое-как вытащил Белинду и усадил на темную придорожную траву. При этом чувствовал ее страх — наверное, как и она чувствовала мою ярость. Девочка съежилась, прижалась спиной к стойке ограждения. Я залез в машину, на пассажирское сиденье.

Рядом пошевелился сын.

— Мама…

— Этан, она сейчас вернется. Все будет хорошо, скоро нам помогут.

Он сказал что-то еще, прежде чем снова потерять сознание. Наверное, «да пошел ты».

Возможно, никакие другие дети, кроме арленовых, не способны по-настоящему понять родительские чувства. Возможно, я и права такого не заслужил — чтобы меня кто-то считал своим отцом. Возможно, Лейла не ошибается: мои горечь и гнев действуют на Этана плохо и лучше бы вообще меня рядом не было. Не знаю. Как не знаю и того, что здесь от генетики, а что — нет. Потому ли Джейн так нянчится с близнецами, что у нее природный избыток окситориновых рецепторов или давняя склонность заботиться о «раненых птицах» усилилась из-за вируса Группы?

Восприимчивость к генной модификации у каждого своя.

Я долго сидел в потемках возле сына. Наконец смочил в своей слюне палец и очень осторожно просунул его между губами Этана. Почувствовал мягкость безвольного языка, твердость молодых зубов. Крепкие зубы, крепкие длинные кости. Он не карлик. Я снова плюнул на ладонь и повторил процедуру.

Над головой в ночном небе загудели медицинские и полицейские флаеры. Когда они приземлились, я одолжил у кого-то комлинк и связался с Элайн Браун из Агентства по защите человека.

Неделю спустя я сидел в Сан-Диего, на территории временного карантинного лагеря, и смотрел телевизор. По ту сторону вакуумного барьера работали специалисты из военного НИИ инфекционных болезней в одежде четвертого уровня защиты; к нам они пробирались через воздушный шлюз. Кроме

нас с Джейн, здесь содержались и близнецы Баррингтон. Этан находился в лос-анджелесской больнице, за ним ухаживали Лейла и ее друг из Орегона, немедленно прилетевший на зов.

С нами обращались хорошо. Правда, все время надо было что-нибудь сдавать на анализы, но я привык. Врачи, кого ни возьми, держались вежливо и позволяли себе разве что любопытство. Возможно, они нас боялись, но я ничего такого не замечал, а сестрицы, если и замечали, со мной не делились. Вскоре Бриджит сделалась любимицей медперсонала, а Белинда все время просилась домой, хоть ей и нравилось, как о ней заботится Джейн. Несколько раз на дню близнецов «посещали» посредством ЛинкНета их родители. Фрида выглядела вполне довольной: детки в стеклянной клетке, и в любой момент можно прекратить разговор с Белиндой.

Линк в эти дни баловал нас вниманием, правда, большая его часть доставалась Джейн. Тут и угрозы физической расправы, и мольбы о помощи, и письма поклонников, и призывы Американского союза защиты гражданских прав судить Группу, если кого-нибудь из ее членов наконец удастся задержать. Популярность Джейн выросла как на дрожжах. Возобновилась работа над фильмом, правда, с другим сценарием и даже в другой киностудии. Драма под названием «Синдром Арлена» перешла на второй акт, и Джейн в ней будет не только действующим лицом, но и исполнителем. Все это сулило отличные кассовые сборы.

Я бы не сказал, что Джейн такой поворот событий не радовал. Вот только радость и счастье — не одно и то же.

От Линка не укрылся и визит Этана ко мне. Авария ему стоила трех сломанных ребер и травмированной селезенки, но хирургическое вмешательство вроде не требуется. У подростков селезенка иногда восстанавливается самостоятельно.

Мы смотрим друг на друга: то он хмурится, то я раздражаюсь, иногда сын замечает, как хроническая боль в спине заставляет меня ерзать на койке. А может, он улавливает печаль в моих глазах. В такие минуты смягчаются черты его лица. И голос. Он даже спрашивает, нормально ли я себя чувствую. А ведь нормально… сразу после того, как прозвучит вопрос.

Генетически модифицировать человеческое существо — это хорошо или плохо? Когда-то я решил, что плохо — после того как попытался изменить в материнской утробе ген FGFR3. Потом я познакомился с арленовыми детьми, увидел повзрослевшего Этана, и появилась мысль: а может, все к лучшему. Не знаю…

Снаружи до сих пор не улеглась паника, напротив, растет зараженная вирусом зона. Быть может, со временем Группа

достигнет своей цели. Если на планете наберется критическая масса восприимчивых к вирусу людей, общество станет другим. А может, и не станет — ведь надо не только сочувствовать, но и делом помогать объекту своего сочувствия.

Ох уж эти «если»… Если продержится погода и не поднимется вода в ручье; если в крэпсе сразу выпадет семь или одиннадцать…

Это всего лишь акт первый, сцена первая, а что будет дальше?

Согласно теории хаоса, в системе с круговой обратной связью самое незначительное изменение начальных условий способно вызвать огромные непредсказуемые нарушения на всей протяженности пути. Человеческое поведение — это система с круговой обратной связью. Потому ли Этан стал лучше относиться ко мне, что у него выросли новые рецепторы окситорина, или это я сам теперь открыт для его сочувствия и для сочувствия всех прочих? Каким образом одна и та же генная модификация могла дать столь непохожих эмпатов, как Бриджит и Белинда?

Вопросы, вопросы… А ответы получить не хочется, по правде говоря. Надо бы интересоваться — к этому склоняют этика и прагматизм, — но нет.

В палату входит Джейн и сообщает:

— Представляешь, они договорились с Майклом Розеном. Сам Розен! Это же высший класс!

Я рад. Майкл Розен, и правда, суперпрофи, фильмы, снятые по его многослойным душещипательным сценариям, — это и полные кинозалы, и восторженная критика. Ко всему прочему он еще и симпатичный бабник, неспроста Джейн вдруг так похорошела. Я знаю, что будет дальше.

— Отлично, мои поздравления. Фильм получится просто ядерный.

— Спасибо! — Она дарит мне улыбку и выходит.

Все осталось по-прежнему. И все изменилось. Я поворачиваюсь к компьютеру и снова берусь за работу.

Перевел с английского Геннадий Корчагин

© Nancy Kress. Act One. 2009. Печатается с разрешения автора. Повесть впервые опубликована в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

Джейсон Сэнфорд
Когда на деревьях растут шипы

Иллюстрация Владимира Овчинникова

Когда я шел по растрескавшемуся от жары тротуару перед домом Шоны, она удивила меня воздушным поцелуем, посланным из окна спальни, — которого на деле никогда не дала бы мне. И хотя я безумно злился на ее мамашу, запретившую Шоне даже смотреть на меня, но послал ответный поцелуй — только ради того, чтобы эта дама, копавшаяся в саду, окатила меня полным злобы взглядом. Оставив ядовитый взор без внимания, я отправился дальше. Мать Шоны прониклась ко мне ненавистью с того самого дня в прошлом месяце, когда я подержал ее дочь за руку. Не будем упоминать о том, что и у меня, и у Шоны на руках были перчатки, а значит, с технической

точки зрения, прикосновения не было.

Узнав об этом, мой отец остался спокойным и только пробормотал что-то о молодости и гормонах. Однако благоразумия ради на следующее утро он отвез меня в городскую аптеку, где докторша вкатила мне двойную недельную дозу ингибитора.

— Лучше мягче, чем тверже, — притворно ухмыльнулся папаша. Однако у меня не было времени волноваться из-за Шоны, ее мамаши и даже кособоких намеков папаши на сексуальные обстоятельства: солнце уже садилось, а после наступления темноты оставаться на улице небезопасно.

Дом Шоны был последним занятым домом в нашем квартале. Дальше по улице молодой сосняк и заросли кудзу[34] наползали на заброшенные лужайки и остатки сожженных домов. Посреди этой зелени поднимались руины дома Брэда. Стойка старых качелей, на которых мы играли детьми, валялась в углу двора перед домом, красные и синие краски полимерной отливки успели поблекнуть, и маленькие сосенки уже тянулись вверх над рамой. Домик, который мы соорудили себе на дубе, обветшал и почти развалился; лианы кудзу заплетали и само дерево. Я украдкой прошмыгнул на задний двор, где трава разрослась в прерии, а окна на втором этаже, разбитые в прошлом году во время свирепой грозы с градом, по-прежнему зияли пустыми рамами.

Единственным местом, куда еще не вторглись бурьян, кудзу и сосны, оставался хорошо ухоженный кружок посреди заднего двора, где росло одно-единственное терновое деревце.

Окна в доме Брэда были освещены, и я видел силуэт его отца, расхаживавшего по гостиной. Я решил, что он уже слишком набрался, чтобы обращать на меня внимание, но когда попытался прошмыгнуть внутрь двора, старая немецкая овчарка Брэда гавкнула и принялась выдворять меня на улицу.

— Сардж? — прошептал я.

Признав мой голос, Сардж подошел поближе и, заскулив, лизнул меня в лицо. После этого он вернулся к терновому деревцу и улегся под его тонкими ветвями.

Перебежав двор, я пригнулся за деревцем. Терновник — метров двух в высоту, серебрившийся ветвями, на которых зигзагами застывшей молнии вправо и влево топорщились шипы, — казался больным и опасно тонким. Когда я стянул перчатки и прикоснулся к игле, она вдруг отломилась с музыкальным хрустом. Сардж заворчал в пыльной ложбинке возле ствола, где, видимо, проводил большую часть своего времени.

Уже более осторожным движением я уколол указательный палец о другую иглу. Холодок пробежал по моим венам, и капелька крови втянулась в иглу.

— Привет, Майлс, — проговорил Брэд, выходя из тумана долгого уединения. — Позволено ли мне узнать, сколько времени прошло после твоего последнего визита?

— Два месяца, — проговорил я, одновременно ощущая собственную вину и облегчение, оттого что Брэд казался таким бодрым. Слишком часто воспоминания и личности тернов окостеневали и распадались, если они слишком долго оставались в одиночестве.

Брэд рассмеялся моей вине и облегчению со своей подростковой звонкой интонацией. Конечно, не то чтобы я действительно слышал его. Когда говоришь с тернами, лучше всего держать глаза закрытыми. Тогда уму легче перелагать мысли и ощущения в слова. Если не открывать глаз, человек может показаться просто сидящим возле тебя.

Почти показаться.

— Итак, что в конце концов заставило тебя нанести этот визит? — спросил Брэд.

Я начал было сочинять извинения, однако терну лгать бесполезно. Брэд прекрасно понимал, как мне больно видеть его в такой ситуации.

— Эллина была вне себя, — признался я. — Не захотела разговаривать со мной, пока я не зайду к тебе.

Брэд улыбнулся. По правде говоря, теперь никому не было до него ни малейшего дела. Его мать в прошлом году уехала отсюда — в безопасность большого города, — а отец запил и едва ли интересовался чем-либо вообще.

— Он разговаривает со мной только в коматозном оцепенении. Я ощущаю алкоголь в его крови. Он никогда не рассказывает мне о себе, о своей жизни, просто колет и колет руку об мои иглы.

На мгновение приоткрыв глаза, я бросил взгляд на окно гостиной, где отец Брэда пил пиво. Когда я шевельнулся, иголка в моем пальце сломалась. Достав обломившийся кончик, я нащупал другую и проткнул кожу.

— Хрупкими какими стали, — проговорил я.

— Воду отключили. Отец не платит по счетам.

Я ругнулся. Надо было раньше проверить это, при нынешней-то засухе. Я велел Брэду подождать, схватил старое ведерко и бросился назад, к дому Шоны. Мать Шоны была в доме, однако она оставила шланг с водой в саду. Наполнив ведерко, я вернулся к Брэду и принялся заливать его корни. Сардж с визгом выбрался

из своей ямки; когда хлынувшая вода затопила ее… в земле как будто бы блеснули кости, но я не стал вглядываться.

Я совершил еще несколько ходок, прежде чем Брэд получил достаточно влаги. Хотя солнце садилось и мне следовало бежать домой, я вновь уколол палец. Пробравшийся в мои недавние воспоминания Брэд нашел повесть, которую сочинила для него Эллина, — захватывающее повествование о влюбленных, разлученных жестокой судьбой. Слушая ее, Брэд рыдал в моей памяти. А когда повесть закончилась, шепнул «спасибо» и попросил передать Эллине, что любит ее.

Когда я попал домой, мне хотелось рассказать Эллине о Брэде. Однако ночь уже наступила, и с полей за нашим домом доносились порочный визг и смешки. Не смея даже пытаться узнать, что происходит во мраке, я ринулся в дом и закрыл за собой дверь.

* * *

На следующий день я работал с отцом; солнце карабкалось вверх по небу, а я скидывал с платформы нашего грузовика мешки с мульчей и навозом. Мы обихаживали мемориальную рощу в богатой части города. Невзирая на утро, стояла такая жара, что я насквозь пропотел в рубашке с длинными рукавами и в перчатках. Будь мы дома, я скинул бы их в считаные секунды. Но если я обнажу кожу, здесь все посходят с ума и отец наверняка потеряет работу. А ею рисковать нельзя, ведь свободное место так трудно найти.

Когда я закончил разгрузку, папа потрепал меня по спине — редкое прикосновение, даже в перчатках — и велел мне заняться деревьями в непосредственной близости. Сам он собирался отогнать грузовик на другую сторону рощи и обработать дальние растения. Я с пониманием кивнул. Миссис Блондхейм, фанатичная городская старуха, содержавшая эту рощу на свои деньги, на прошлой неделе пожаловалась, что в парк пробрались два терновых смертника. Она хотела, чтобы их убрали. Убивать терновые деревья мне было не по душе, поэтому такими делами занимался отец.

После того как он отъехал, я рассыпал мульчу вокруг древесных стволов и понес полные мешки подальше в рощу, пока вокруг не оказались одни только серебристые стволы, ветви и шипы. Все деревца поднимались примерно на два метра от земли. Где-то в середине рощи я случайно коснулся дерева, и шип пронзил рубашку. Со мной немедленно поздоровалась Джекки,

симпатичная девятилетка, ставшая терном несколько десятилетий назад. Туманный характер ее мыслей сразу поведал мне о том, что с ней никто не разговаривал много лет. Не желая показаться грубым, я не отнимал кровоточащей руки, поддерживая беседу.

— А ты не видел поблизости мою куклу? — спросила она. — Мама дала мне ее, когда в последний раз приходила сюда.

Я не знал, что сказать. Как объяснить ребенку, который не может вырасти или просто перемениться, что ее мать давно умерла? И что кукла существовала только в памяти этой женщины и без нее найти игрушку не представлялось возможным. Но нас связывал шип, и на кратчайший миг Джекки поняла мои мысли.

— Моя мама не умерла, — возмутилась она, прежде чем накопленная временем статика вернула ее к знаниям той девчушки, какой она была в свои девять лет и несколько мгновений назад. — Так ты не видал мою куклу? — переспросила она с невинной интонацией в голосе.

— Нет, — ответил я мягким тоном. — Но я поищу.

Отняв руку от шипа, я стер кровь, прежде чем возвратиться к работе.

Во время ланча я сидел в сердцевине рощи и жевал сэндвич. Под ветром серебряная листва соседних деревьев нашептывала тысячью просительных шепотков, но я не испытывал желания говорить с кем-либо из них. Я подумал, что можно бы сходить к дереву мамы, но решил подождать конца рабочего дня — на тот случай, если вдруг появится миссис Блондхейм. Мама стала терном, когда мне исполнилось девять. И хотя у нас не было денег, чтобы поместить ее в такую шикарную рощу, мысль о том, чтобы перенести ее терн сюда, терзала меня. Папа пытался объяснить мне, что мама умерла, что терновник — просто эхо ее души. Однако я все канючил без остановки, пока наконец он не договорился с миссис Блондхейм, чтобы та срезала ему зарплату, но поместила у себя мамино дерево. В то время я был в восторге. Но теперь не знал, правильно ли поступил.

Еще я все думал о людях, запустивших этот вирус. Несколько фанатиков, подобных миссис Блондхейм, все еще превозносили создателей генетического вируса, подаривших нашему миру красоту и вечную жизнь. Большинство, впрочем, проклинало их — как обыкновенных террористов. Какими бы ни были их намерения, зараза эта полностью ликвидировала один из самых важных компонентов человеческой культуры — прикосновение. Почти 90 % всех людей несли в себе вирус, хотя он активировался только в том случае, если ты прикасался к человеку,

обладающему той же самой комбинацией штаммов. Поскольку вирус то и дело менял варианты, подобно бешено вращающемуся замку, шансы прикоснуться к человеку, который превратит тебя в терн, были не слишком велики. Тем не менее человек, которого ты спокойно трогал сегодня, мог превратиться в неприкасаемого на следующий день.

Я подумал о Шоне. Невзирая на все лекарства отца, я изнемогал от желания прикоснуться к ней. Обнять. Поцеловать. Если мы поженимся, анализы могут указать на день-другой, когда мы сумеем прикоснуться друг к другу. Если она забеременеет от меня, то сможет без опаски ласкать младенца, пока будет кормить его грудью и разделять общую комбинацию штаммов, но мне подобные нежности запретят. Вероятно, однажды анализы покажут мне с моим ребенком, что мы имеем право обняться — как обнялись мы с отцом после смерти мамы.

Кончив обдумывать свою жизнь, я покачал головой. Люди, создавшие это проклятие, заслуживали худшего из всех видов ада, который только способно вообразить человечество.

Возможно, этого они и добивались.

* * *

К четырем я закончил работу, мы с папой поехали домой, и я старался не замечать кристаллическую пыль, припудрившую его штаны. Убивать терны было и ему не по душе, так что теперь отец, наверное, на весь вечер засядет в гостиной — смотреть старые фильмы и надираться виски.

После обеда я проверил солнечные панели на крыше и батареи в подвале, а потом заново включил датчики движения и флуоресцентные лампы. Когда все оказалось в порядке и до темноты оставалось около часа, я прикинул, что успею навестить Эллину. Схватив ружье, я сказал отцу, что вернусь к закату.

Эллина росла в дальнем конце нашей земли, сразу за кукурузным и пшеничным полями. В отличие от большинства тернов ее кристаллические ветви чуть отсвечивали голубизной. Хотя мы с Эллиной дружили с детства, я по-настоящему узнал ее только после того, как в тринадцать лет они с Брэдом убежали из дома. Брэд возвратился через девять месяцев, зараженным и уже приближающимся к концу. Куда девалась Эллина, никто не знал, пока я не наткнулся на ее деревце, выросшее на нашем участке. Потом она сказала мне, что едва прикоснулась к Брэду и как будто взорвалась. Она упала на землю, криком вымаливая кроху времени.

Я сел под ветвями Эллины, закрыл глаза и опустил ладонь на шип. Она немедленно появилась возле меня, улыбнулась, нагнулась и обняла. И хотя я знал, что запретное объятие существует только в моем воображении, волнение заставило меня поежиться. Удивила меня и четкость связи с Эллиной. Она никогда не обнаруживала той затуманенности, в какую впадает большинство тернов по прошествии нескольких проведенных в одиночестве дней.

Даже мой отец, наотрез отказывавшийся разговаривать с тернами, включая маму, однажды поздоровался с Эллиной, а потом сказал, что она не такая, как все. Он также заметил, что некоторые почки на ветвях Эллины продолжают расти, хотя большинство тернов прекращают давать новые ветви через несколько месяцев после бурного первого роста.

— Как там Брэд? — спросила она.

Я открыл ей свои воспоминания о Брэде. Эллина нахмурилась, узнав, что отец Брэда не поливал его. Тернам для жизни необходимо больше воды, чем другим деревьям. С начала засухи я носил воду к Эллине два раза в неделю.

— Моя вина, — буркнул я. — Не знал, что воду у его отца отключили. Но теперь я сам займусь этим.

Эллина поблагодарила.

— А как у тебя дела с Шоной? — спросила она.

— Вчера послала мне воздушный поцелуй. Но мамаша ее дико сердится на меня за то, что я подержал ее руку в перчатке.

Эллина рассмеялась.

— Теперь Шона будет хотеть тебя еще больше. Девочкам всегда нравятся скверные мальчишки.

Я было подумал, что кому-кому, но не Эллине давать советы относительно «скверных мальчишек», потому что это Брэд превратил ее в терновник, но я слишком любил Эллину, чтобы сказать ей такое. Конечно, поскольку наши чувства и мысли протекали по моим собственным венам, она прочла мою мысль едва ли не раньше, чем это сделал я сам. Рассмеявшись в моей памяти, она склонила голову набок.

— Увы, мистер Майлс Стентон, вы слишком хороший парень, чтобы сойти за хулигана. Но если Шона будет видеть в тебе запретный плод, это поможет. Если, конечно, ты ощущаешь к ней нечто большее, чем обыкновенное плотское желание и легкую увлеченность.

Я вздохнул. Было бесполезно спорить с ней в отношении того, что я ощущаю или не ощущаю к Шоне, потому что Эллина просто скажет, мол, она видит мои мотивы с большей ясностью, чем я сам.

Тем не менее мне было обидно, что Эллина так вот отмахивается от моей любви к Шоне.

Потом мы Эллиной поговорили о придуманной ею истории и о реакции на нее Брэда. Когда-то в школе Эллина писала сочинения лучше всех, и некоторые из ее произведений даже появлялись в сетевых журналах. Сочиняла она и теперь, но ныне аудитория ее ограничивалась мной и Брэдом. Однажды я попытался записать ее рассказ, однако картинки, которые она сооружала в моей голове, отказывались соответствовать известным мне словам.

Я спросил у Эллины, не сочинила ли она что-нибудь новенькое; в ответ она поведала мне чудесную историю о принцессе, потерявшейся в большом городе. Однако на половине рассказа, когда принцесса должна была вот-вот отыскать волшебный ключик, который вернет ее домой, Эллина остановилась.

— Рядом с нами кто-то есть, — прошептала она в панике.

Я попытался проснуться, но транс, в который погрузил меня шип Эллины, оказался настолько крепким, что я не смог этого сделать. Внезапно ствол Эллины дрогнул, и шип в моей руке переломился. Я повалился на землю. Когда же посмотрел вверх, небо над головой оказалось темным, кроме нескольких освещенных луной облаков. В испуге я вскочил.

Ночью под открытым небом здесь могли оказаться только терновые смертники.

Ветви и ствол Эллины слегка светились биолюминесцентными огоньками. Я тихо выругался, поднял ружье и пожалел, что не прихватил с собой обыкновенный фонарь. Решившегося напасть смертника он не остановит, но отпугнуть может. Перспектива смерти редко пугала их, но боль останавливала.

Оставив Эллину, я направился к грунтовке, пролегавшей между полями отца и кустарником, поднявшимся на заброшенных пригородных землях. Идеальное место для засады. Но выбора у меня не оставалось. И я помчался по дороге так быстро и тихо, как только мог.

Я уже видел освещенную дверь моего дома, видел отца, стоявшего возле нее и вглядывавшегося во тьму, дожидаясь меня, и начал расслабляться — и тут трое людей выступили из тени ближайшего дерева. Я повернулся, чтобы бежать, но мне преградили дорогу другие люди.

Я навел ружье на женщину, стоявшую прямо передо мной. Она была полунага, слабые полоски свечения на коже выдавали следы инфекции, одолевавшей ее тело.

— Обними меня, — соблазнительным голосом простонала она. Стоявший возле нее мужчина со смехом принялся ее тискать; он был наг, как и большинство окружавших меня смертников. Вирус наделял их почти безумным желанием трогать других людей. Однако этого человека выделяли числа, вытатуированные на его груди и руках. Простые числа и основные пары, квадратные уравнения и знаменитая формула Эйнштейна $e = mc^2$. Краска татуировки чем-то привлекала вирусы, поэтому цифры слабо светились, когда он двигался.

Я никогда еще не видел стольких терновых смертников сразу и невольно переводил ружье с одного на другого.

Но если я застрелю одного, другие схватят меня, прежде чем я успею дослать в ствол второй патрон. Один из смертников потянулся ко мне, однако татуированный отодвинул его.

— Прости, — сказал он. — На этой последней стадии вирус просто вопит в нас, особенно когда рядом незараженный.

Я кивнул, изображая сочувствие.

— Понимаю. Если вы перестанете преграждать мне дорогу…

Группа обступила меня плотнее.

— Во-первых, мне хотелось бы спросить о том терне, с которым ты не так давно разговаривал, — произнес мужчина.

— Это моя подруга. Я забочусь о ней.

Очевидно, человека с числами интересовало не это. Но прежде чем он успел задать новый вопрос, стоявшая возле него полунагая женщина бросилась на меня. Я выстрелил ей прямо в грудь, успев заметить хлынувшую кровь и свежую рану, а человек с числами закричал и попытался остановить остальных смертников, стремящихся схватить меня. Одного я сбил с ног прикладом, нырком ушел от другого и припустился бежать, когда кто-то схватил меня за правую ногу. Я повалился на землю, старясь дослать следующий патрон, однако смертники были уже совсем рядом.

Тут воздух распорол выстрел, потом другой, третий, Перекатившись, я увидел отца, стрелявшего по смертникам. Схватив собственное ружье, я пополз к нему. К тому времени, когда я успел перезарядить его, остальные смертники уже исчезли, последним я увидел человека с числами, исчезавшего во тьме. Подстреленные вопили на земле, пока их раненые тела пытались укорениться перед смертью.

— Пошли, — крикнул отец, хватая меня за руку и подтягивая к дому. — Их слишком много.

Мы побежали изо всех сил, но вопли и визг еще раздавались у нас за спиной, когда мы закладывали входную дверь. Убедившись в том, что смертники не атакуют дом, отец обхватил мое лицо

обеими голыми руками и спросил, все ли в порядке.

— Они тебя не тронули? Кровью не забрызгали?

Я качнул головой, потрясенный вторым в жизни прикосновением отца. Он вновь спросил, не коснулся ли кто меня, но я мог думать только о тепле его рук на моем лице. Я попытался вспомнить, не тронул ли меня кто-нибудь из смертников. Тот, кто схватил меня за ногу, зацепил только брюки и ботинки. И я не видел на себе их крови. Но, может быть, кто-нибудь все-таки коснулся меня. Уверенности не было.

Крепко обняв меня, отец пробормотал молитву, а затем взял ружье.

— Моя стража — первая, — объявил он.

Снаружи доносились вопли: раненые смертники все укореняли свои проклятые тела в земле.

* * *

Солнце встало безмолвно, раненые терновые смертники действительно нашли свою смерть, когда вирус перестроил их тела в кремний и целлюлозу. Теперь, под солнцем, саженцы терна будут быстро расти и достигнут своей полной высоты за месяц-другой: тела их вместе с солнечным светом поглотит матрица в сто раз более эффективная, чем хлорофилл зеленого листа. Обходя дом, я принялся гадать о том, где же укрылись остальные смертники. Для заразившегося активным вирусом пребывание на солнце становится мучительной процедурой, отчего смертники избегают солнечных лучей и ярко освещенных улиц.

Отца мучило похмелье после вчерашнего. Он чувствовал себя виноватым, его продолжало тревожить, не подхватил ли я активный вирус от смертников или от его собственного прикосновения. Словом, он открыл наш сейф и извлек из него все скопленные деньги.

Мы поехали прямо в аптеку, где отец рассказал обо всем, что случилось.

— Вам надо сообщить об этом шерифу, — с сочувствием в голосе произнесла докторша, принимая купюры из облаченной в перчатку руки отца и пересчитывая их. Я знал, что у нас едва хватает денег на один-единственный анализ, так что о двух не было и речи.

Однако, к моему удивлению, она вернула отцу назад некоторую сумму и позвала меня на исследование. Отец его не проходил, хотя и коснулся меня. Я стал протестовать, но врачиха велела мне заткнуться и вести себя как подобает мужчине.

— Все шансы за то, что у вас будут одинаковые результаты, — пояснила она.

На обработку анализа уходило около четырех часов, поэтому мы с папой направились в контору шерифа. Алиса Коффи, занимавшая эту должность, уже слышала о том, что в окрестностях бродит целый сонм терновых смертников.

— Известия об этом передаются службами безопасности последние несколько месяцев, — сказала она. — Группы смертников проходят через наш регион, нападая на все мемориальные рощи, которые встречаются по дороге. Очевидно, среди них возникло какое-то учение, проповедующее греховность таких рощ, однако конкретную цель их действий определить трудно.

Шериф предложила нам на время перебраться поближе к городу, но отец ответил ей, что все будет в порядке.

Отъехав в город, мы до полудня работали в мемориальной роще, а затем опять возвратились к аптеке. Я пытался оставаться спокойным, пока мы сидели и дожидались выхода доктора, но нутро мое стиснуло так, что я едва мог дышать. Когда она сказала, что все в порядке, меня так затрясло, что отцу пришлось помочь мне подняться на ноги.

Понимая, что мне нужно немного побыть одному, отец решил закончить работы сам. Я подъехал к дому Шоны, желая с кем-то поговорить, однако ее мать одарила меня подозрительным взглядом и сказала, что Шона отправилась за покупками. Тогда я поехал домой. Возле полей лежали тела смертников. Они походили на скукожившиеся мумии, из каждого иссохшего тела к солнцу пробивался полуметровый серебряный побег.

По-прежнему нуждаясь в собеседнике, я отправился к Эллине, однако там меня ожидала картина, для которой просто не было слов.

Ствол Эллины был порублен, почти все ветви ее погибли. Оставались живыми только единственная веточка, прикрепленная к короткому обрубку ствола, и торчавшие из земли корни.

Пригнувшись, я осторожно уколол палец об один из уцелевших шипов. Эллина немедленно возникла в моей памяти — расплывчатая, в лихорадке, но живая. Сперва она не смогла вспомнить, кто я такой, но, получив воспоминания из своей уцелевшей ветви, улыбнулась. Она сказала, что смертники напали на нее ночью; они рубили ее на части и веселились, укалываясь о ее иглы.

Я росился домой за инструментами, и, вернувшись, старательно выкопал корни Эллины, царапая лопатой ее выбеленные солнцем кости. Обернув остатки терна влажным

мешком, я перенес ее в оранжерею позади нашего дома.

* * *

Остаток дня я провозился над Эллиной, и возвратившийся домой отец присоединился ко мне. Мы поместили ее под мощные лампы и засыпали плодородной почвой. Папа полагал, что дело почти безнадежное, но все-таки не исключал, что она выживет.

— Странно все-таки, что это сделали смертники, — проговорил он уже потом, когда мы сидели на крыльце, наблюдая за закатом. В руках у меня было ружье, у отца на коленях лежала автоматическая винтовка, которой я у него еще не видел. — И я совершенно не понимаю, зачем смертники нападают на мемориальные рощи. Ведь они сами станут деревьями через несколько недель или месяцев. Зачем же своих-то губить?

Потом папа сказал, что, выезжая из города, слышал, будто шериф и пожарные собирают всех помощников и готовятся к худшему. Национальная гвардия также уже наготове.

Однако ту ночь мы с папой провели спокойно. На горизонте, со стороны города, вспыхнуло пламя, затрещали выстрелы. Если бы телефоны и прочие сети еще работали, мы узнали бы, что произошло. Однако последние десять лет в этой части штата все сети были настолько перегружены, что мы просто не смогли вклиниться и потому просидели всю ночь на крыльце, давя комаров и дожидаясь рассвета.

На следующее утро, когда мы с отцом подъезжали к городу, в воздухе пахло дымом. Первым делом мы направились к дому Шоны. Оказалось, что ее жилище, как и дом Брэда, превращено в пепел. Ни Шоны, ни ее родных не было видно, но один из соседей сказал, что Шона и ее мать получили ранения и находятся в госпитале. Отправившись по соседству, к Брэду, я обнаружил посреди остатков гостиной обугленный труп его отца. Старина Сардж, пес Брэда, лежал возле тела хозяина: очевидно, погиб, пытаясь защитить его.

Дерево Брэда на заднем дворе казалось целым. Однако когда я тронул шип, чтобы сообщить Брэду скорбную весть, кристаллическая структура рассыпалась на мелкие части. Покачав головой, отец проговорил, что пламя пожара убило и Брэда.

Пока я плакал, отец гладил меня по плечу прикрытой перчаткой рукой. Конечно, даже гибель Брэда не оправдывает такого риска, как новое прикосновение.

Мы похоронили отца Брэда и Сарджа возле останков терна, и

я произнес несколько слов, напомнив Брэду о том, как мне будет не хватать его и как любила его Эллина. Потом мы въехали в город. Обгорелые баррикады перекрывали большинство дорог, перед ними дюжинами лежали трупы терновых смертников, причем некоторые из них пытались укорениться даже в асфальте Мейн-стрит. Баррикады по-прежнему занимала Национальная гвардия. Усталый сержант движением руки пропустил нас внутрь. Мы остановились у госпиталя, чтобы навестить Шону и ее мать, но врачи и сестры были загружены до предела, и нас отказались впустить.

Не имея возможности помочь, мы с отцом отъехали в мемориальную рощу. Оказалось, что нападение терновых смертников на баррикады и дома при всей своей кровопролитности оказалось всего только отвлекающей диверсией. Куда более крупная группа напала на городские мемориальные рощи, повалив топорами и мачете серебристые деревья. Две рощи, находившиеся в более бедных и внешних районах города, были полностью уничтожены: на деревьях не осталось ни шипов, ни ветвей, но более богатый мемориал, где работали мы с отцом, оказался поврежденным лишь частично. Шерифа мы обнаружили около самых старых деревьев рощи, принадлежавших родственникам семейства Блондхейм. Ветви их были наполовину обрублены, несколько растений сгорело.

— Сюда пришли несколько сотен, — проговорила шериф Коффи, — и вел их некий смертник по имени Ченс, на коже которого светились числа. Служба безопасности утверждает, что он был профессором математики, пока не закрылись последние университеты. В любом случае, мы выбили их отсюда раньше, чем они сумели сжечь всю рощу. Но Блондхейм все вопит, что мы сделали мало.

Услышав о смертнике с татуировками на коже, я сказал шерифу Коффи, что этот же человек участвовал и в нападении на меня, однако ее отвлекло возвращение миссис Блондхейм, которая принялась умолять отца, чтобы он спас ее деревья. Мы обследовали их. Нескольким уже ничего бы не помогло, однако другие были небезнадежны — при быстрой помощи. Я было начал объяснять миссис Блондхейм, что вне зависимости от наших стараний деревья все равно потеряют воспоминания, хранившиеся в утраченных ветвях, но отец строгим взглядом приказал мне заткнуться. Я оглядел поврежденную рощу и, заметив мамино дерево, отправился переговорить с ней, пока папа и шериф обсуждали дела с миссис Блондхейм.

Мама всегда была рада видеть меня, особенно теперь, когда стала терном. Я рассказал ей об Эллине, о нападении на рощу и о

том, что Брэд и его отец погибли, а Шона находится в госпитале. Тут я не выдержал и зарыдал. Мама крепко обняла меня и сказала, что все будет хорошо. Она говорила так, как будто я был ребенком, проснувшимся после ужасного кошмара.

Однако как только я успокоился, боль моя быстро смутила мать — и смятение это означало, что она уже забыла все, о чем я только что сказал ей. Она снова спросила меня, как дела у Брэда и Эллины. Глядя в ее дивные, глубокие, небесной синевы глаза, я увидел в них собственное отражение — ребенок, которого она знала перед смертью. Для мамы я никогда не вырасту, потому что она не сможет измениться, ибо душа и воспоминания ее жестким и неизменным образом впечатались в кристаллическую структуру дерева. Что бы ни произошло в нашей жизни, мама всегда останется такой, какой была перед смертью.

И хотя лгать я не люблю, снова рассказывать ей о Брэде и Эллине было невыносимо.

— У них все в порядке, — проговорил я, надеясь, что она не заметит лжи.

— Вот и отлично, — сказала она, обнимая меня напоследок. — Друзья нужны всем.

Остаток дня мы с отцом провели в роще, укрепляя поврежденные деревца. К полудню собралась большая толпа горожан, проверявших деревья родственников и друзей или пытавшихся помочь нам с отцом. Явившийся капитан Национальной гвардии едва не затеял мятеж, предложив людям собраться в центре города, где будет легче отразить следующую атаку, вместо того чтобы защищать мемориальную рощу. Несколько горожан уже наставили на него ружья, когда Коффи успокоила бунт, заявив, что мы будем защищать всех, включая терновые деревья.

Когда до сумерек оставалось несколько часов, отец погрузил наши инструменты в грузовик и сказал, что нам пора. Шериф предложила нам остаться в городе и переночевать в одной из комнат ее особняка. Папа поблагодарил, но сказал, что нам и дома неплохо.

По дороге домой мы встречались с друзьями и знакомыми, готовившимися защищать город и мемориальную рощу. Мне было так стыдно оставлять их, что я осел поглубже на сиденье, чтобы не было видно. Я спросил отца, почему мы не можем оставаться в городе. Мне хотелось защищать Шону. Мне хотелось защищать мамино дерево. Мне хотелось быть рядом с соседями. Однако отец сказал, что иногда лучше не поступать, как все, и не стал развивать эту тему.

* * *

За последующие несколько дней терновые смертники еще два раза нападали на город. По ночам мы с отцом по очереди охраняли наш дом. Утром мы выезжали в город и работали, пытаясь сохранить деревья. Шериф Коффи сказала, что по линии безопасности сообщили о постоянных атаках на мемориальные рощи в нескольких соседних городах и городках. Как только смертники уничтожали в городе все рощи, они оставляли горожан в покое.

На третий день я наконец получил возможность увидеть Шону, начинавшую приходить в себя после опасного удара по голове. Ее мать впервые не стала прогонять меня. Я послал Шоне воздушный поцелуй и велел поправляться. Шона улыбнулась со своей больничной койки и протянула ко мне ничем не прикрытую руку, миновавшую мою буквально на волосок. Мамаша ее нервно хихикнула и сказала, что Шона еще не в себе.

— С ней все будет в порядке, — бормотала она себе под нос. — С ней все будет в порядке.

Когда мы с отцом вернулись домой, я бросился в оранжерею проведать Эллину. Она выглядела много лучше, на стволе и оставшейся ветке уже топорщились проростки новых иголок. Я осторожно кольнул ладонь.

— Она заражена, — нахмурилась Эллина.

— Что?

— Шона. Она заражена. И поэтому попыталась тронуть тебя.

Я кивнул. Бесспорно: о том, как ведут себя только что зараженные люди, Эллина знает больше моего.

Я попытался почувствовать к себе и Шоне жалость, подходящую к этому известию, однако после всех смертей и переживаний последних нескольких дней ощутил лишь тупую усталость.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.

— Лучше. Но забавно, что вся эта рубка была совсем неболезненной. Только привела меня в смятение… на какое-то время.

Я улыбнулся. Все это время я помогал Эллине припомнить некоторые вещи, наделяя ее собственными воспоминаниями взамен отсутствующих. Каждое новое воспоминание увеличивало количество почек на ее теле. Потом мы с Эллиной поговорили о похоронах Брэда. Она попыталась придумать слова для его надгробия. Я сказал, что сделаю камень, как только уляжется это безумие.

Прежде чем я ушел, Эллина рассказала мне о том, что

разговаривала с Ченсом, татуированным смертником, изрубившим ее на части.

— Ему было жаль меня, но он сказал, что я все пойму потом. Еще он попросил прощения у тебя. Это меня тогда несколько смутило, но я совершенно уверена в том, что просил он твоего прощения, а не моего, хотя рубил-то меня.

Я спросил у Эллины, почему Ченс не закончил свое дело и не убил ее. Эллина не знала. И предупредила, чтобы я был осторожен.

— Они люди решительные, — сказала она. — И нет на свете ничего страшнее, чем решительный человек.

* * *

В ту ночь мы с отцом сидели на крыльце. В городе царила тишина, и только яркие прожекторы Национальной гвардии бросали туманную дымку на далекие сосны и дубы.

Отец спокойно считал патроны, когда из тьмы перед домом до наших ушей донесся смешок.

— Эй, там, не надо этого делать, — крикнул отец. — Мы вам ничем не мешаем.

— Согласен, — ответил голос. — Но мне надо поговорить. Вы согласны выключить свои прожекторы?

Я едва не крикнул «нет», но отец жестом остановил меня. Войдя в дом, я отключил прожекторы на фасаде. Однако лампы, светившие на оранжерею, выключать не стал. Мне не хотелось, чтобы эти сукины дети смогли подобраться к Эллине. Я ожидал, что отец рассердится на меня, но он просто согласно кивнул, когда я вернулся на крыльцо.

Когда наши глаза привыкли к темноте, мы заметили возле линии деревьев несколько дюжин слабо светившихся смертников. Один из них шагнул вперед и остановился в нескольких метрах напротив крыльца. Кожу его покрывали светящиеся числа.

— Значит, вы и есть Ченс, — проговорил отец. — По правде сказать, я просто в бешенстве от того, что вы сделали с Эллиной и едва не сотворили с моим сыном.

Ченс пожал плечами.

— Я пытался остановить нападавших на вашего сына… В любом случае, мне не хочется разговаривать обо всем этом. Мне хотелось бы знать, почему вы двое не в городе.

— Это не наша война, — ответил отец.

— Но я видел вас за работой в мемориальной роще.

Отец на мгновение задумался.

— Я садовник. И всегда был им. Помогая деревьям, я облегчаю людям скорбь утраты. Но это не значит, что я готов умереть, защищая колючки.

Ченс улыбнулся и одобрительно похлопал в ладоши.

— Да! Люди не понимают именно этого. Деревья навсегда останутся неизменным отзвуком человека, которым некогда были. Многие из нас, зараженных, считают: худшее из того, что нас ждет, — это оказаться заточенным на несколько сотен лет в том мгновении, когда мы умерли: Словно старое фото или видео. Его достают только для того, чтобы освежить воспоминания.

Отец не стал ничего отвечать, но я увидел, что он согласен со словами Ченса.

— А как насчет дерева вашей жены? — спросил Ченс.

Упоминание о маме заставило отца ощетиниться, он переложил винтовку в руке.

— Моя жена умерла, мистер Ченс! И мне не нравится ваше вмешательство в мои личные дела.

Ченс нервно хихикнул.

— Согласен, — проговорил он. — Вы совершенно правы. И мы не станем тревожить вас или вашего сына, если вы не будете воевать.

— Но мы должны каждый день работать в роще, — отрезал отец.

— Ничего другого я не ожидаю.

Поблагодарив отца и меня, Ченс повернулся и направился назад, к линии деревьев. Ему оставалось уже немного, когда я соскочил с крыльца и бросился следом.

— Подождите, — крикнул я. — Но почему вы не убили Эллину?

Ченс повернулся. Я не мог видеть его лица в темноте — только числа, светившиеся на руках и груди.

— Потому что мы не собирались убивать ее… мы помогли ей. Никто из нас не остается таким, каким был вчера — по-настоящему мы живы только тогда, когда растем. А иногда, чтобы расти, нужно чего-то лишиться. Вы в первую очередь должны понять это.

Я запротестовал, требуя более подробных объяснений, однако среди растворявшейся во тьме толпы смертников послышались смешки. Рассмеялся и Ченс, и я вернулся назад на крыльцо.

Утром я переговорил с Эллиной, передав ей слова Ченса. Эллина как будто бы похорошела за ночь, на ней раскрывались многочисленные почки, а несколько шипов покрупнее превращались в небольшие веточки. Я еще никогда не видел, чтобы терн так быстро возвращался к жизни из едва ли не

предсмертного состояния, и Эллина раскраснелась от моего комплимента.

— Возможно, Ченс прав, — проговорила она. — Сейчас я чувствую себя такой живой… Как будто все возможно!

Однако то, что мы с отцом делали для Эллины у себя дома, не срабатывало для деревьев из мемориальной рощи. Хотя смертники этой ночью не нападали, еще несколько деревьев пали жертвой полученных ранее повреждений. Мы с отцом делали все возможное — обламывали больные ветки, замазывали порезы и ссадины на стволах, — однако он сказал мне, что выживут из них немногие. Как будто у них не хватало желания жить. Мне было жаль умирающие деревья, и когда я заметил, что одно из них было той самой девочкой, которая несколько дней назад поздоровалась со мной, я прикоснулся к ее иголкам. Однако мысли ее оказались такими спутанными и растрепанными, что утешать, собственно, было некого.

Обеденное время я провел у мамы, рассказывая ей, как идут дела у Эллины, и о том, что сказал нам Ченс. Конечно, мама забыла мои слова сразу после того, как услышала их. Я подумал, не следует ли поступить, как Ченс, и срезать с ее деревца несколько ветвей и шипов. Заставить ее отрастить новые воспоминания и жизнь. Однако я был слишком слаб; я просто не мог проделать этого с мамой. И когда она обнимала меня на прощание и говорила, чтобы я приглядел за папой, что-то оторвало меня от ее шипа. Я отступил на шаг и увидел перед собой разгневанную миссис Блондхейм.

— Ну-ка, за работу, — завопила она. — Прохлаждается здесь, теряет напрасно время, а мои деревья погибают.

Я попытался объяснить ей, что раненые деревья все равно погибнут, что бы мы с ними ни делали, потому что давно перестали жить, однако мои возражения еще более разгневали миссис Блондхейм. Она принялась колотить меня тростью, приказывая мне возвращаться к работе, и тут появились отец и шериф. Отец ловко перехватил в воздухе трость миссис Блондхейм, готовую вновь обрушиться на меня.

— Как ты смеешь! — выдохнула миссис Блондхейм.

Отобрав у старухи трость, отец передал ее шерифу.

— Мы здесь все закончили, — проговорил он. — Шериф, если мы понадобимся, ищите нас дома.

Миссис Блондхейм в ужасе уставилась на отца.

— Немедленно возвращайтесь к работе, иначе я прикажу выкопать вашу жену. Я прикажу изрубить ее, как поступили с нашими деревьями эти негодяи.

Посмотрев на мамино дерево, отец печально кивнул.

— Моя жена давно умерла. И вы ничем не можете повредить ей.

Он повел меня прочь. Миссис Блондхейм закричала Коффи, чтобы та арестовала нас, но шериф не стала обращать на вопли внимания.

* * *

Через два дня смертники в последний раз напали на рощу. Редкие горожане пытались обороняться, однако шериф и Национальная гвардия держали своих людей подальше от рощи, перекрывая терновым смертникам путь к жилой части города. Как пояснила нам впоследствии шериф, наступает такой момент, когда ты должен понять, за что стоит умирать — а с точки зрения Алисы Коффи, мертвые новых смертей не стоили.

На следующее утро мы с отцом отправились на руины мемориальной рощи. На мамином дереве почти не осталось ветвей. Я попробовал позвать маму, чтобы проверить, находится ли она еще в дереве, борется ли за жизнь, как Эллина, но не услышал ответа. Мы выкопали ее кости из-под корней и похоронили их возле Брэда и его отца. Папа рассудил, что на заднем дворе Брэда можно устроить хорошее кладбище. Я согласился и съездил на нашу ферму за костями Эллины. Похоронили мы их возле Брэда.

После этого я отправился в госпиталь. Шона находилась в темном изоляторе. Мамаша ее уже вела переговоры с миссис Блондхейм о том, чтобы посадить ее в восстановленной мемориальной роще. Я было попытался убедить ее не делать этого, а выпустить Шону из изолятора, чтобы она могла порадоваться последним оставшимся ей месяцам жизни.

— А когда она умрет, не оставляйте ее как есть. Обрезайте ветви. Заставляйте расти и меняться. Однажды она поблагодарит вас за это.

Однако матушка Шоны и миссис Блондхейм отнеслись к моему предложению с таким ужасом, будто я посоветовал им зарезать Шону во сне. Я начал было спорить, но скоро понял, что существуют такие люди, на спор с которыми не стоит тратить времени. Поэтому я постоял у двери изолятора, сказал Шоне, что люблю ее, и ушел.

* * *

Я закончил трудиться над могильными камнями следующей весной, постаравшись буквами передать благодарность Эллины каждому из усопших. Поскольку она отказалась сочинять слова для собственных костей, я просто написал слово «другу» на ее надгробии. И понял, что она довольна.

Хотя терновые смертники продолжали совершать нападения на рощи по всему региону, Эллину более никто не тревожил. Когда она достаточно подросла, я пересадил ее возле крыльца, чтобы разговаривать с ней каждый день. Эллина вновь засветилась слабыми люминесцентными огоньками. И хотя сама идея была мне не по нраву, я пообещал Эллине, что если она начнет останавливаться на том, кем и чем была, я снова срежу с нее ветви и шипы.

— Чтобы ты могла расти, — сказал я ей с улыбкой.

Но пока мне незачем беспокоиться обо всем этом. Мы сидели с Эллиной, ладонь моя лежала на ее колючках, мы ежились под прохладным ветерком, прислушивались к стрекотанию цикад, следили за движением звезд по небу. Осмелев, я спросил Эллину, что именно заставило ее хотеть жить и жить. Она рассмеялась и обняла меня, а потом поцеловала в губы моего разума, да так, что я забыл о своем вопросе и просто ответил ей поцелуем.

Перевел с английского Юрий Соколов

© Jason Sanford. When Thorns are the Tips of the Trees. 2008. Публикуется с разрешения автора.

Глеб Елисеев
В общем, все умерли?

Человечеству не привыкать ходить по краю пропасти, порождая жуткие болезни, которые лишь чудом не превращаются в серию губительных пандемий. Может быть, потому что на страницах фантастических романов все это давно уже произошло? По крайней мере, московский критик не исключает такой возможности.

Болезни и порождающие их вирусы и бактерии — неизменные спутники человечества. Впрочем, как верно отмечал американский фантаст М.Крайтон: «Большинство людей, едва заслышав о бактериях, тут же вспоминает о болезнях. На деле же болезнетворны лишь три процента бактерий; остальные либо безвредны для человека, либо даже полезны… По существу, мы обитаем в океане бактерий… Потенциально все они смертельно опасны, однако человек постепенно приспособился к ним, и лишь некоторые из них способны теперь вызывать у него болезни».

И все же отдельные вирусы способны вызвать не только болезни, но чудовищные эпидемии, выкашивавшие население целых городов и стран. Такого рода напасти казались невообразимыми и непобедимыми, воспринимались как Божья кара или близкие признаки подступающего конца света. Ужас перед моровыми поветриями был настолько велик, что даже в XVI веке старец Филофей, создатель теории «Москва — третий Рим», призывал не бороться с болезнями, во всем положившись на волю Всевышнего.

Развитие медицины привело к тому, что многие эпидемические хвори сейчас считаются полностью побежденными. Однако подсознательный ужас перед ними остается, и этот нутряной страх исправно озвучивают писатели и кинематографисты. Как ни парадоксально, но фантастов в этом частенько обгоняют литераторы «основного потока». А конкурировать с «Пиром во время чумы» А.С.Пушкина или, скажем, «ТВС» Э.Багрицкого, согласитесь, непросто. Постоянно кажется, что реалисты уже все сказали и показали — от социальной катастрофы в условиях пандемии до психологических изгибов вымирающего общества. Ну что еще можно написать после «Чумы» А.Камю или «Слепоты» Ж.Сарамаго? Реакции людей всегда одинаковы, и вирус самого невероятного происхождения, если он вызывает летальный исход, будет провоцировать такой же

ужас, как самая обычная холера или тиф. Поэтому НФ-книги или фильмы, живописующие локальное медицинское бедствие, вроде повести В.Брюсова «Республика Южного Креста», романа «Летальная улица» С.Барнса или киноленты «Эпидемия» В.Петерсена, вызывают не больше эмоций, нежели документальное кино о реальной эпидемии.

Фантастам пришлось искать иные повороты темы, находить свой подход к проблеме «Человечество vs смертельная болезнь», являющейся по сути ответвлением темы «глобальная катастрофа». Открыть тут что-то принципиально новое достаточно трудно. В итоге, как ядовито отмечал С.Лем, обширные усилия писателей обычно сводятся к двум исходам: «Все умерли» или «Почти все умерли». Приходится изрядно попотеть, чтобы создать полноценное художественное произведение, исходя из столь примитивных предпосылок.

Впрочем, даже в НФ-произведениях пандемия зачастую использовалась только как фон или один из элементов, объясняющих странности повествования. В качестве антуражного элемента фантасты привлекали даже вполне реальные болезни, однако их развитие гипертрофировалось, превращаясь в полноценное глобальное бедствие. В одном из рассказов цикла «Старомодное будущее» Б.Стерлинг «призвал» коровье бешенство, которое фактически уничтожило всю западную цивилизацию. У.Гибсон в «Трилогии моста» сначала значительно преувеличил опасность СПИДа, превратив его в быстро распространяющуюся эпидемию, а затем описал, как была создана вакцина из крови, уничтожившая грозную болезнь. В фантастическом боевике Р.Питерса «Война 2020 года» автором была изобретена своеобразная мутация того же СПИДа, также распространившаяся из Африки — «болезнь Рансимана». Однако эта эпидемия оказалась значительно более смертоносной, уродующей людей, быстро переросшей в реальную пандемию и даже повлиявшей на расклад сил в мировой политике.

Кстати, роман Питерса стал своеобразной «переходной формой» между книгами, в которых автор описывает реальные болезни, пусть и в преувеличенной форме, и произведениями, где рассказывается о мире, который эпидемии изменили навсегда. И таких романов мировая НФ знает существенно больше.

* * *

Современный читатель, который обычно конец человеческой цивилизации связывает с тривиальной ядерной войной или

космической катастрофой, часто не подозревает, насколько популярной была тема глобальной пандемии на раннем этапе становления фантастической словесности. Всеобъемлющая чума, уничтожающая большую часть человечества, авторам конца XVIII — начала XIX века казалась наиболее правдоподобным средством для того, чтобы покончить с потомками Адама и Евы. Даже названия у книг были одинаковые. Самые заметные произведения — «Последний человек, или Омегарус и Сидериа» Ж.-Б.Кузена де Гранвилля и просто «Последний человек» Мэри Шелли, а также одноименные поэмы Т.Кэмпбелла и Т.Худа. Авторы не только красочно живописали страдания умирающих от неизвестных болезней, но и муки немногих уцелевших, практически не имеющих шансов выжить на почти обезлюдевшей планете.

Однако НФ жюль-верновской эпохи, преисполненная социального оптимизма и почти слепой веры во всесилие науки, на какое-то время изгнала из литературы кошмарные видения гибнущего человечества, которыми были одержимы писатели-романтики. Лишь в эпоху неоромантизма, когда грозные предчувствия чудовищного XX века не внушали оптимизма, тема оказалась вновь востребованной. Именно тогда Д.Лондон создал каноническое произведение — повесть «Алая чума». Это и сегодня одна из самых ярких картин ужасных последствий эпидемии неизвестного происхождения.

Именно Лондону фантастика обязана сюжетной посылкой, ставшей базовой для книг о глобальных эпидемиях: несмотря на все усилия людей, отменить нежданный Страшный Суд не удается, и герои могут лишь наблюдать, как в крови и муках завершается история человечества. Именно так развиваются события в известных НФ-романах Д.Стюарта «Земля без людей» и А.Будриса «Кое-кто не умер». Одну из самых впечатляющих (с литературной точки зрения) картин пандемии нарисовали братья Стругацкие в повести «Жук в муравейнике». Конечно, в их книге катастрофа, как и полагалось в советской НФ, разразилась не на процветающей коммунистической Земле, а на чужой планете, прозванной Надежда. Тем не менее населена эта планета «почти людьми», и поэтому распад их цивилизации потрясает больше, чем иные картины гибели Земли. Впечатляет даже само название болезни, погубившей несчастных аборигенов — «бешенство генных структур».

С середины XX века в книгах о глобальных эпидемиях фантасты все чаще и чаще акцентируют внимание читателей на одном ключевом моменте повествования — в неожиданной гибели от неведомой заразы часто оказывается виновато само человечество. Иногда это происходит от чрезмерного

любопытства ученых. Впрочем, в самом известном романе на эту тему — «Штамме Андромеда» М.Крайтона — возникшая коллизия разрешается более оптимистично. Ученые случайно забросили в космос бактерии на космическом зонде, после чего эти бактерии мутировали из безопасных в смертоносные. Однако другие исследователи, пусть и с колоссальными трудностями, сумели предотвратить пандемию, угрожавшую Земле.

Другие фантасты оказались более беспощадны к медикам-неудачникам. В рассказе Ф.Пола «Шаффери записан в бессмертные» полусумасшедший экспериментатор умирает в безвестности, так никогда и не узнав, что выведенный им токсин уничтожил почти все население Земли. Болезнь назвали «синдром Шаффери», а имя безумца оказалось известно всем уцелевшим.

Еще чаще главными виновниками гибели землян от страшных болезней оказываются не ученые, а политики и военные. Причиной же биологической катастрофы становился не злой умысел этой публики, а ее вопиющая некомпетентность. Например, у С.Комацу в романе «День возрождения» неосторожные эксперименты британской армии с боевыми вирусами выходят из-под контроля. У Г.Видала в романе «Калки» человечество формально уничтожает индуистский мессия, десятая аватара бога Вишну, но пользуется он для этого бактериологическим оружием, созданным американскими военными. Политические махинации губят жителей Земли в романе Ч.Ярбро «Время Четвертого всадника» — пытаясь решить демографическую проблему, «лишних» людей стали уничтожать направленными инфекциями, но в результате по миру покатилась волна эпидемий.

Военные оказываются виновны в уничтожении почти всех землян и в романе С.Кинга «Противостояние». Произошла утечка убийственного штамма вируса гриппа, названного «капитан Триппс», сначала поразившего население США, а затем и остальной мир. Американские военные даже ускорили всеобщую катастрофу, мстительно приказав своим агентам вскрыть ампулы с вирусом на территории СССР и Китая. Но в дальнейшем С.Кинг, будучи все же писателем-мистиком, а не социальным фантастом, показывает, что направлял и развивал катастрофические события посланник демонических сил — «темный человек» Рэндалл Флэгг. Более приземленно (но и более достоверно) описывает общественную обстановку в условиях охвативших всю Землю эпидемий А.Громов в романе «Год лемминга». Для борьбы с пандемией была создана специальная Санитарная служба, ставшая одним из самых могущественных политических

институтов.

Самый своеобразный виновник гибели земного общества был выведен Х.Л.Борхесом в рассказе «Тлен, Укбар, Orbis Tertius». На этот раз психическую эпидемию, полностью изменяющую психологию людей, спровоцировала группа интеллектуалов. Они сотворили энциклопедию выдуманного мира Тлена, прочитав которую, люди начинали верить в его подлинность. И постепенно наша обыденная реальность стала уступать реальности воображаемой, а мир Земли — превращаться в мир Тлена.

Чтение книг, подробно излагающих, как человечество корчится в смертельной горячке, у читателей вызывает как испуг, так и странное ощущение собственной безопасности. «Выдуманные герои умерли, но мы-то живы и здоровы…» Что ж, и это фантасты учли. О том, как ужасы царства массовых смертей используют, чтобы пощекотать нервы обывателям из сверхпроцветающего будущего, написали Г.Каттнер и К.Мур в рассказе «Лучшее время года». В этом произведении путешественники во времени прибывают в современные США, чтобы увидеть начало убийственной эпидемии «Синей Смерти».

И все же рисовать крах цивилизации, вызванный пандемией, большинству фантастов было скучно. Значительно больше их привлекала возможность изобразить мир, появившийся после того, как эпидемии утихли и на развалинах современного мира возникло совершенно новое общество.

Одним из первых об этом написал еще Г.Уэллс в романе «Облик грядущего», где великий английский фантаст набросал картины будущего, возникшего после серии глобальных войн и вызванных ими болезней. О деградации людей после атомной и бактериологической войны весьма язвительно отозвался О.Хаксли в романе «Обезьяна и сущность».

Подробнее и тщательнее остальных описал изменения (в том числе и биологические) в мире после пандемии Д.Стюарт в книге «Земля без людей». Автор скрупулезно излагает, как изменяется опустевшая планета, как трансформируется ее экология и, самое главное, как немногочисленные выжившие сначала пытаются сохранить остатки старого общества, а затем начинают созидать новое. В финале главный герой видит своих потомков-дикарей, представителей уже иного мира, практически ничего не помнящего об уничтоженной эпидемией цивилизации. Привлекательной чертой романа «Земля без людей» было отсутствие мрачного пессимизма, столь характерного для более поздней англоязычной фантастики. Д.Стюарт упорно подчеркивал, что человечество не погибнет, а лишь изменится. В похожих тонах выдержан и роман У.Такера «Долгая громкая

тишина», где излагается, как Америка пытается возродиться после разрушительной ядерной и бактериологической войны.

Д.Стюарт заложил традицию описания мира после эпидемий, согласно которой писатели разрабатывают тщательную, наполненную колоритными подробностями «робинзонаду» общепланетного масштаба. Этой линии следовали Ч.Грант в романах «Тень Альфы», «Вознесение» и «Легион», Ч.Ярбро в «Ложном рассвете», П.Мэрфи в «Городе, вскоре после» и А.Нурс в «Четвертом всаднике». А у С.Робинсона в романе «Телемпат» к смертоносной пандемии добавилось еще и инопланетное вторжение, так что главному герою пришлось сражаться с двумя напастями сразу.

Особым поворотом темы глобальных эпидемий становится вариант «Земли без мужчин», когда пандемия избирательно выкашивает только представителей сильного пола. Об этом писали Д.Уиндем в повести «Ступай к муравью», Р.Мерль в романе «Охраняемые мужчины» и Д.Типтри-младший в «Хьюстон, Хьюстон, как слышите?». При этом авторы явно не скрывали своего скепсиса по отношению к возникшему обществу, полемизируя с феминистическими утопиями, столь характерными для американской НФ конца XX века.

* * *

Биологическое оружие, несомненно, является одним из древнейших, ибо еще ассирийские воины забрасывали вражеские крепости трупами скончавшихся от чумы, надеясь вызвать эпидемию у защитников твердыни. Однако в литературе интерес к бактериологическим средствам массового уничтожения подогрела чудовищная бойня Первой мировой войны.

Хотя после германских газовых атак «королями» грядущих полей сражений считались отравляющие вещества, убийственным бактериям все-таки нашлось место в визионерских кошмарах фантастов 1920-х годов. И.Эренбург в романе «Трест Д.Е. История гибели Европы» описывал, как одна за другой гибнут в ходе войн европейские страны, в том числе и от применения биологического оружия. В меньшем масштабе (в размере одной столицы Франции), но также с картиной жестоких эпидемий рассказал о будущей войне и Б.Ясенский в книге «Я жгу Париж». М.Булгаков в пьесе «Адам и Ева», напротив, предрекал гибель СССР как от отравляющего газа, так и от стеклянных бомб с чумными бациллами.

Естественно, в рассказах об использовании боевой чумы не

отстали от советских коллег и западные фантасты. Причем некоторые из них прямо называли виновников боевого применения смертоносной заразы — например, С.Мик в романе «Красная опасность» подробно рассказал, как жители крупнейших западных городов стали жертвой советского бактериологического оружия.

Позднее, когда место главного орудия массового поражения в войне уверенно заняла ядерная бомба, убийцы-бактерии стали упоминаться в качестве «подсобного средства». Локальное применение биологического оружия описано у Ф.Робинсона в «Факторе кошмара» или Г.Саттона в «Векторе». В последнем случае автора больше интересовало, как изобразить попытки военных скрыть последствия случайного распыления смертельных вирусов над американским городом.

Интригующе выглядит использование биологического оружия в НФ-книгах, когда его применяют зловредные инопланетяне для покорения нашей планеты. Подробно эта тема была раскрыта в цикле Д.Джеррольда «Война против Хторра», где эпидемии оказались своего рода артподготовкой перед началом биологического заражения Земли.

Даже более традиционные истории о скрытном инопланетном вторжении часто подразумевают некую форму инопланетной заразы. Или вполне физическую, вроде спор, убивающих людей во «Вторжении похитителей тел» Д.Финнея, или психологическую, сначала воздействующую на органы зрения или слуха, а потом преображающую людей в инопланетян — как у О.Неффа в «Белой трости калибра 7,62».

Иногда инопланетное нашествие превращается в эпидемию психического паразитизма — незримые или микроскопические организмы порабощают человечество, не давая ему свободно развиваться: именно это происходит у Р.Сильверберга в «Пассажирах» и у Т.Уайта в «Одержимых фуриями».

Однако не всегда пришельцы стремятся уничтожить землян при помощи эпидемий, бывает наоборот: люди губят обитателей иных миров. Порой это происходит ненамеренно, как у Р.Брэдбери в рассказе «И по-прежнему лучами серебрит простор луна…», когда марсиане вымерли от занесенной с Земли эпидемии ветрянки. В других ситуациях оружие используется вполне сознательно. В цикле Д.Мартина «Путешествия Тафа» описан даже боевой звездолет, предназначенный исключительно для биологической войны.

Убийственные вирусы являются одним из вариантов сверхоружия и в романах по игровой вселенной «Вархаммер 40 000». Именно вирусными ракетами бомбят в этих книгах планеты,

захваченные демонами Хаоса, черные корабли инквизиции Земной империи. После таких бомбардировок на планетах не остается ничего живого, а сама атака носит мрачное название «Экстерминатус» — «Окончательное уничтожение».

И все-таки, по счастью, земляне не только пытаются стереть с лица всех встреченных планет их обитателей при помощи бактерий и вирусов, но зачастую помогают несчастным аборигеном. В некоторых книгах жители Земли создают целые медицинские подразделения, следящие за состоянием здоровья как в земных колониях, так и у инопланетных соседей: например, в цикле произведений М.Лейнстера «Медицинская служба», посвященных приключениям специализированного космического корабля с говорящим названием «Эскулап-20».

* * *

Специфическим поворотом темы стали истории про злых и голодных зомби, сожравших всех вокруг. Подобные монстры имеют скромное отношение к творениям гаитянских мастеров вуду, способных вызвать ложную смерть у человека, дабы затем превратить его в послушного раба. Безмозглые твари, способные лишь набрасываться на окружающих, да в лучшем случае вопить: «Мозги!!!», впервые появились в текстах и кинокартинах, изображающих страшную судьбу человека, уцелевшего среди мутантов (вроде «Омега-человек» Л. Морроу или «Омега» А.Лонга). Однако самую значительную роль в создании такого образа зомби сыграла классическая и неоднократно экранизированная книга Р.Матесона «Я — легенда». Завязка истории в романе американского фантаста типична для произведений о глобальных эпидемиях. Неизвестно откуда возникшая болезнетворная гадость быстро распространилась по Земле, превратив большинство людей в безумных вампиров, одержимых жаждой крови. Случайно получивший иммунитет герой книги Матесона охотится на чудовищ до тех пор, пока не сталкивается с сохранившими разум кровососами, пытающимися восстановить цивилизацию. Американский писатель проявляет традиционную для него любовь к сардоническим парадоксам, превращая героя в «Дракулу наоборот» — аномалию в мире, где вампиризм является нормой жизни.

Именно текст Матесона вдохновил Д.Ромеро на создание классического фильма «Ночь живых мертвецов», после которого образ зомби в НФ не только навсегда изменился, но и стал связываться с глобальной эпидемией безумия. В данном случае

виновником бедствия в очередной раз оказался земной космический зонд, вернувшийся с Венеры. Неизвестная зараза поразила человечество, а термин «зомби» преобразился в синоним словосочетания «оживший мертвец».

Впрочем, в литературе тема «зомби-эпидемий» оказалась не слишком популярной. Помимо новеллизаций фильмов Ромеро читателям запомнился разве что роман С.Кинга «Мобильник». Здесь психическая эпидемия, обращающая людей в безумцев, жаждущих человеческой плоти, началась по сигналу, единовременно переданному по сотовым телефонам.

* * *

Оказывается, пандемии не только уничтожают род людской, но иногда… улучшают его!

Обычно в НФ человечество меняется к лучшему (резко умнея или повышая свои моральные качества) в результате психической эпидемии, вызванной неким космическим фактором. Это может быть кометный газ, как у Г.Уэллса в романе «В дни кометы», или межзвездная радиация, как у П.Андерсона в романе «Волна мозга», или просто нечто необъяснимое, своего рода душа иной планеты, воздействующая на людей и преображающая их (как у Р.Брэдбери в рассказе «Были они смуглые и золотоглазые»). Однако в иных случаях людей изменяет вполне «реальное» заболевание, протекающее тяжело и мучительно, но в итоге полностью перерождающее больных, переводя их на новый этап эволюции. Ярче всего описал подобную ситуацию У.Тенн в рассказе «Недуг». Впрочем, вера в благодетельность болезней у фантастов все-таки достаточно слаба, и поэтому результат таких вроде бы благотворных напастей часто оказывается весьма и весьма неочевидным. Например, у С.Павлова в «Лунной радуге» неизвестная болезнь-мутация, с одной стороны, вроде бы превращает подхвативших ее космонавтов в сверхлюдей, а с другой — делает их изгоями в нормальном земном обществе. И уж совсем к странным результатам приводит «эпидемия космической энтропии» в романе Д.Балларда «Кристаллический мир». В результате ее появляется эстетически, может быть, и более совершенная Земля, но целиком и полностью лишенная органической жизни.

Иногда виновниками такого рода «полезных» пандемий также оказываются инопланетяне. Они совершают своего рода «гуманитарные интервенции», пытаясь сделать человечество более приемлемым членом галактического сообщества. В романе

Г.Уэллса «Звездное рождение: биологическая фантазия» марсиане атакуют Землю мутагенным оружием. И что же? По воле английского фантаста жители третьей от Солнца планеты действительно становятся лучше. А в трилогии «Космогенезис» американки О.Батлер люди заражаются от инопланетян какой-то дрянью лишь для того, чтобы оказаться способными давать общее потомство, качественно превосходящее и людей, и пришельцев.

Иногда после таких, внешне благотворных пандемий на свет появляется нечто, может быть, и находящееся на более высоком уровне развития, но уже нечеловеческое. В романе Г.Вира «Музыка, звучащая в крови» разумные клетки-нооциты сначала проникают в организм открывшего их ученого, а потом распространяются как повальная эпидемия, поражая всех землян. В итоге на планете возникает могущественный единый сверхорганизм, однако являющийся не человечеством, а чем-то уже совсем иным. Похожую идею развивает и П. Ди Филиппо в рассказе «Любимый компонент», где, преодолев период гибельных болезней и непродуманных генетических экспериментов, все живые существа на Земле объединяются в единый организм — Урбластему.

В рассказе «современного классика» НФ Дэвида Брина «Вирус альтруизма», опубликованном в «Если» два года назад, ученые выводят некий штамм, который при попадании в кровь делает человека сострадательной личностью. И представьте себе, многие идут на это добровольно, хотя сначала действия медиков были подпольными, они пытались вызвать пандемию. Человечество действительно начинает выглядеть более пристойно, однако главный герой наотрез отказывается проходить эту «процедуру», предпочитая помогать ближним своим по собственному, осознанному выбору, а не в результате воздействия медицинских технологий.

Вообще же к идее любых решительных усилий по превращению эпидемий в нечто благотворное фантасты относятся весьма скептично. Еще О.Стэплдон в каноническом романе «Последние и первые люди», на долгие годы ставшем сокровищницей фантастических идей, описал, как медики Первого всемирного государства полностью одолели все заразные болезни, навсегда, казалось им, уничтожив саму угрозу глобальной пандемии. И к чему же это привело в итоге? Во время всеобщего социального кризиса, вызванного истощением природных ресурсов, были обнаружены древние боевые вирусы, которые тут же поспешили использовать в междоусобной войне, а в результате почти все человечество погибло.

Не меньшее недоверие вызывают у фантастов усилия по

медицинскому улучшению человеческого рода. В таких книгах, как «В государстве природы» А.Кларка, «Возвращение со звезд» С.Лема, «Почему нет?» Р.Маколей, «Химера» С.Галлахера и «Времени четвертого всадника» Ч.Ярбро, критике подвергаются любые евгенические эксперименты, в том числе и проведенные при помощи «прирученных вирусов».

* * *

В очередной раз пытаясь вообразить немыслимое, фантасты сделали его привычным и обыденным. Все ужасные пандемии, что могли обрушиться на человечество, давно это сделали на страницах НФ-книг. Выступая в неосознаваемой роли современных шаманов, стуча в бумажные бубны своих книг, писатели отводят от читателей возможные глобальные бедствия. Ведь в этом их главная (хотя и тайная) социальная функция. И, может быть, благодаря их стараниям ни Синяя смерть, ни Алая чума не поразят нас в будущем.

[image]

Рецензии

АПОКАЛИПСИС. Антология

СПб.: Азбука-классика, 2009. - 480с. Пер. с англ. (Серия «Лучшее»). 10000 экз.

Очередная тематическая антология живописует безрадостные картины нашего будущего.

Сюжет, который с известной долей юмора сводится к формуле «Москва разрушена, осталось Тушино», задает строгие ограничения для рассказчиков, что позволяет обнаружить действительно интересных писателей, а также выявить типовой набор приемов и образов. Большинство авторов, например, непременно вспоминают о крысах как об источнике ценного меха и питательного мяса (только Джордж Мартин делает крысу другом человека в рассказе «Темным-темно было в туннелях»). Впрочем, рассказ Дейла Бейли «Конец света, каким мы его знаем» многие из подобных штампов успешно разрушает.

Сильная эмоциональная окраска характерна для всех историй сборника, но если Орсон Скотт Кард создает лиричный психологический этюд в «Работах по спасению имущества», то «Апокалиптический натюрморт» Ричарда Кэдри не предъявляет ничего, кроме вызывающей бессмыслицы.

Правило «Шоу должно продолжаться» действует и в разрушенных мирах. В сборнике представлено несколько любопытных рассказов, посвященных и этой теме, — Джонатана Летема, Джеймса Ван Пелта и Нила Баррета-младшего.

Наиболее удачные тексты коллекции не просто описывают постапокалиптический мир, но и разыгрывают в его декорациях нетривиальные истории. Добавим к уже названным произведениям такие рассказы, как «Народ песка и шлаков» Паоло Бачигалупи, в котором речь идет о вымирании не столько человечества, сколько человечности; «После Судного дня» Джерри Олшена, сталкивающего христианское светопреставление и атеистическое мировоззрение; и уже известного нам «Миротворца» Нэнси Кресс.

Отдельно заметим, что включение в тематические антологии «Азбуки» оригинальных предисловий наконец-то стало традиционной практикой, что не может не радовать.

Сергей Шикарев

КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА. Антология

СПб.: Азбука-классика, 2009. - 864 с. Пер. с англ. (Серия «Лучшее»). 5000 экз.

Когда-то все начиналось и было впервые и вновь. Космические корабли бороздили межзвездные просторы, а отважные герои спасали планеты и прекрасных принцесс от монстров и прочих злодеев.

Объемистый том «Космическая опера» — первая часть оригинальной антологии Дэвида Хартвелла и Кэтрин Крамер «The Space Opera Renaissance» (вторая часть антологии под названием «Новая космическая опера» благодаря воле издательства была выпущена в прошлом году).

На сей раз нас ждет экскурс в историю жанра — от первых творений начала XX века до сочинений 90-х годов.

Открывает антологию отличная статья от составителей под названием «Как барахло стало бриллиантом», живописующая историю космооперы — жанра и термина. Сей критический опус, пожалуй, не уступает по увлекательности художественным текстам, представленным в книге. Предисловие и комментарии к произведениям добавляют к общей картине немало любопытных подробностей. Ну, где еще можно узнать, что Ли Брэкетт в Голливуде работала над сценарием «Глубокого сна» по роману Раймонда Чандлера вместе с нобелевским лауреатом по литературе Уильямом Фолкнером!

Авторы сборника, среди которых Э.Гамильтон, Д.Уильямсон, Р.Шекли, К.Смит, С.Дилэни, Д.Симмонс и П.Гамильтон, как и многие тексты, хорошо знакомы читателю НФ со стажем. Отрадно, что в антологии оказался и знаковый, но не столь известный у нас, Колин Гринленд, чей роман «Вернуть изобилие» оказал колоссальное влияние на британскую космооперу.

Именно собранные в одном томе произведения дают возможность проследить за эволюцией космооперы, ее постепенной трансформацией и последовательным усложнением. Это позволяет рецензенту, как и в случае с «Новой космической оперой», рекомендовать книгу к прочтению.

Сергей Шикарев

Тэд УИЛЬЯМС. ИГРА ТЕНЕЙ

Москва — СПб.: Эксмо — Домино, 2010. - 864 с. Пер. с англ. Е. Большелаповой (Серия «Мастера меча и магии»).

3000 экз.

Почти три года спустя после выхода первого тома издательство «Эксмо» возобновило издание саги Тэда Уильямса «Порубежье Теней» (Shadowmarch — в интерпретации переводчиков «Игра Теней»). Второй том вышел на языке оригинала в 2007 году. Цикл тогда еще виделся автору как трилогия, хотя уже объем второго романа вселял некоторые опасения относительного следующего тома. И опасения эти подтвердились — последний роман оказался слишком велик, а нас ждет еще и четвертый.

С учетом того, что планирование объема автора подвело, действие в цикле развивается вполне динамично. Читателю остается только, не переводя дыхания, следить за приключениями героев, баталиями против нечеловеческих сил, перипетиями политических интриг в духе «династической фэнтези»… И все это лишь отражение и фон глобальных, космических потрясений описываемого фантастического мира — как всегда и бывало в объемных сагах Уильямса. Несомненно, именно переплетение сюжетных линий увлекло автора настолько, что свести их в одном томе эпопеи он не сумел. Пока же, во второй книге, нити эти далеки оттого, чтобы сойтись воедино.

Довольно трудно оценивать цикл до тех пор, пока он не закончен даже автором. Но с уверенностью можно сказать: перед нами «типичный Уильямс». Ценители его таланта разочарованы не будут. Писатель все так же владеет сюжетом и языком, все так же склонен ставить перед читателем непростые моральные и философские вопросы, все так же умело облекает их в увлекательную форму. Метод же «перепутанных линий» Уильямс освоил едва ли не лучше всех современных фэнтезийных авторов. В этом смысле «Игра теней» ничуть не хуже «Памяти, печали, шипа» или «Иноземья».

Уставшие от причудливых кружев прежних книг Уильямса вряд ли купят книгу. Всем прочим — рекомендую.

Сергей Алексеев

Дэвид ДАРХЕМ. КРОВАВОЕ ЗАКЛЯТИЕ, ИЛИ АКАЦИЯ

Москва: АСТ — Полиграфиздат, 2010. - 640 с. Пер. с англ. А.Куклей. 3000 экз.

Д.Дархем, автор широко известного масштабного исторического романа «Гордость Карфагена», обратился к жанру

эпической фэнтези.

Медленно угасающая империя Акация, в которой на протяжении 22 поколений правила одна династия, неудержимо приближается к точке трагического распада. Из ледяных земель севера вооруженные ненавистью и запретной черной магией спешат на расправу жестокие воины народа мейн, со стороны степей надвигаются дикие кочевники. Гибель императора от руки убийцы — начало непростого пути для четырех наследников.

Книга Дархема отличается от огромного числа сходных фэнтезийных саг резко выраженной социально-этической составляющей. Для чернокожего автора это вполне предсказуемый и в то же время удачный ход. Например, залогом нерушимости имперской власти и стабильности в Акации является особая субстанция, получаемая от загадочных торговцев в качестве платы за услуги принимающих маленьких детей. Несложно провести простые параллели с европейской колонизацией Африки и возвышением ряда крупных племен за счет продажи в рабство белым людям своих менее удачливых и воинственных соседей. Подобными несложными аллюзиями к историческим реалиям и проблемам нашего мира проникнута вся книга.

И все же Акация не просто инструмент для отражения объективной реальности. Это еще и тщательно проработанный яркий мир, в котором есть место и неудержимой смелости, и жалкой трусости, и черному коварству, и великой любви.

Единственным значительным недостатком романа является перегруженность второстепенными фактами, способствующими детализации мира, но тормозящими развитие сюжета. Этот же недуг можно встретить, к примеру, в произведениях Джорджа Мартина или Кэтрин Кертц. С другой стороны, на эти грабли не наступил разве что профессор Толкин. Так что Дархем оказался в неплохой компании.

Николай Калиниченко

Чарльз УИЛЬЯМС

СОШЕСТВИЕ ВО АД

Москва: Вече, 2010. - 256 с. Пер. с англ. П.Молчанова, Е.Тарасовой. (Серия «Мастера мистической прозы»). 3000 экз.

МЕСТО ЛЬВА

Москва: Вече, 2010. - 384 с. Пер. с англ. П.Молчанова, Е. Тарасовой. (Серия «Мастера мистической прозы»). 3000 экз.

Свершилось событие из числа наиболее долгожданных для ценителей классической литературы вымысла — на русском языке наконец полностью издано все знаменитое семикнижие мастера английского мистического романа Чарльза Уильямса. Творчество этого члена кружка «Инклингов» доходило до нашего читателя гораздо медленнее, чем труды его прославленных коллег Дж. Р.Р.Толкина и К.С.Льюиса. И вот теперь издательство «Вече» добавило к уже изданным у нас ранее переводам четырех «мистических детективов» остававшиеся три.

На самом деле в двух из них ничего криминального не происходит, не считая преступного стремления несовершенных людей перейти отведенные им пределы реальности. «Сошествие во ад» — предпоследний роман Ч.Уильямса, вдохновленный собственными же идеями о судьбах и природе человеческой души, а отчасти и мистическими опытами. «Место льва» сталкивает человека со сверхъестественным бытием, трактуемым в свете античной мистики и философии Платона, но в христианском осмыслении. На вышедшем в одном томе с «Местом льва» романе «Тени восторга» лежит печать духовных сомнений автора. Недосказанность авторской точки зрения ведет здесь к кажущейся размытости обычно отчетливых у Уильямса границ между «добром» и «злом».

Теперь, по крайней мере, прозаическое (есть еще и поэтическое) наследие третьей ключевой фигуры из числа «Инклингов» дошло до наших читателей во всей полноте. Что дает пищу для размышлений: к примеру, насколько необходимо, как нередко делается, строить всех «Инклингов» в один ряд? Романы Уильямса позволяют оценить как сходство, так и его расхождения с собратьями по перу. Но, как бы то ни было, читатель получит удовольствие от качественной прозы во вполне достойном переводе.

Сергей Алексеев

Вл. Гаков
Невообразимый Тенн

Уильям Тенн не дожил всего несколько месяцев до своего 90-летнего юбилея, который мир научной фантастики отмечает в этом месяце. За свою долгую жизнь в литературе американский писатель так и не стал живым классиком — может быть, потому что последние сорок лет практически перестал писать. Но того, что он успел создать за первую половину жизни, вполне хватит на почетное место в Зале Славы англоязычной science fiction.

«То, что Уильям Тенн внезапно потерял интерес к научной фантастике, — писал Джон Клют в своей „Иллюстрированной энциклопедии научной фантастики“ (1995), — это проблема одновременно и писателя, и самого жанра в послевоенные десятилетия. Тенн… начал публиковать свои мудрые, ироничные, а часто и печальные рассказы в 1946-м, а к семидесятым, в основном, прекратил писать фантастику. Для нее это оказалось большей неприятностью, чем для самого Тенна. Потому что сегодня, спустя более чем полвека, тональность рассказов Тенна представляется даже более современной, чем когда-либо. А его сатирический взгляд на разнообразные претензии человечества — это как раз то, в чем человечество сегодня нуждается более всего». И завершил критик свой короткий очерк о Тенне буквально криком души: «Как нам не хватает Тенна!».

Вообще писатель при жизни не испытывал дефицита в комплиментах. Причем они часто приходили от коллег, коих никак не заподозришь в трепетной деликатности по отношению к собратьям по перу. Взять хотя бы короткую аттестацию вечно язвительного и порой беспощадного в своих оценках Брайана Олдисса: «Невообразимый Уильям Тенн». В устах Олдисса подобная оценка дорогого стоит.

Главная проблема «отложенной» популярности Уильяма Тенна (который, право же, заслуживает большего, чем о нем уже написано) кроется в специфике жанра. Не фантастики вообще, а именно англоязычной science fiction, которая не испытывала недостатка в превосходных юмористах и сатириках. Но, во-первых, они редко и частенько неудачно писали романы, а в фантастике «размер имеет значение», и это относится и к объему произведения, и к «сумме прописью» в чеках, получаемых автором от издателей. А во-вторых, сатира и юмор редко приносили

авторам высшие премии в жанре. Которые, как ни крути, тоже становились едва ли не единственной дорожкой к тому же «бестселлерному» статусу.

За четверть века до того, как в НФ вспыхнула новая звезда по имени Уильям Тенн, в Лондоне родился мальчик, которого звали Филипп Класс.[35]

Случилось это 9 мая 1920 года. Родители были евреями, хотя назвать эту семью образцовой еврейской даже у их сына впоследствии язык не поворачивался. Как вспоминал писатель, фамилия словно специально была «выписана» на небесах его родителям, которые «всю жизнь вели друг с другом классовую борьбу, поскольку отец был социалистом, а мать — империалисткой».

Американцем Фил Класс стал в возрасте двух лет, когда родители вместе с тремя детьми эмигрировали в США и осели в нью-йоркском Бруклине. Вскоре мальчик приобщился к чтению science fiction — тогдашней довоенной фантастики, которую он позже охарактеризовал как «интеллектуальную порнографию»… После окончания школы Филипп Класс сразу же отправился на фронт — началась война. Он был определен в инженерные войска, воевал в Европе, а после победы еще какое-то время носил военные нашивки, служа техником в секретной лаборатории американских ВВС, где велись работы над радаром. Потом молодого специалиста приметили люди из руководства знаменитой фирмы Bell Laboratories, где тогда создавалась самая настоящая «фантастика». В широком диапазоне — от первых транзисторов до первого в мире сверхзвукового истребителя. Туда и переманили Класса.

Работая над фантастическими инженерными проектами, молодой сотрудник и сам начал пописывать фантастику. На первых порах, как водится, для себя. А потом еще какое-то время поработал научным редактором в уже завоевавшем популярность журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction».

В 1957 году Филипп Класс женился и спустя три года вместе с женой переехал в соседнюю Пенсильванию, где получил должность преподавателя литературы в местном колледже. Через девять лет его пригласили преподавать ее же, но уже в знаменитый Университет штата Пенсильвания, расположенный в городке с говорящим названием Юниверсити-Парк. Сначала с Классом подписали контракт на год, но в итоге он проработал в университете почти четверть века.

Казалось бы, преподавание литературы — и военный инженер, да еще без университетского диплома. Но Филипп Класс преподавал не теорию или историю литературы (чем заняты

специалисты-филологи), а ее саму — иначе говоря, готовил не будущих филологов, а будущих писателей. В Америке это встречается сплошь и рядом, и, в отличие от нашего Литинститута и курсов, куда принимают тех, кто проходит творческие конкурсы, в американские университеты с целью «стать дипломированным писателем» поступить может любой. Профессор Класс, в частности, гордился тем, что среди его учеников был студент, который впоследствии придумал «суперсолдата» Рэмбо — того самого, которого триумфально сыграл в кино Сильвестр Сталлоне.

А еще приглашение некоего инженера Филиппа Класса на должность «наставника будущих писателей» состоялось в значительной мере потому, что уже тогда всей читающей НФ Америке был хорошо известен автор, подписывавший свои рассказы псевдонимом Уильям Тенн.

Первый опубликованный рассказ «Александр-наживка» Уильям Тенн сочинил еще в период работы в Bell Laboratories. Не мудрено, что главной НФ-изюминкой в рассказе была попытка ученых с помощью радара «прозондировать» Луну. Новелла вышла в мае 1946 года в знаменитом журнале «Astounding Science Fiction» (будущий «Analog»). А спустя несколько месяцев безнадежно устарела: реальные ученые из специальной лаборатории войск связи США успешно поймали радарный луч, отраженный от нашего естественного небесного спутника. Начинающий писатель-фантаст был разочарован, но рук не опустил. Тенн вспоминал: «Тот первый рассказ был вообще-то так себе — напечатали, и ладно. Он сильно уступал другим, опубликованным в журнале, и я решил расстараться, чтобы мой второй рассказ получился на уровне».

Получился. Вторым произведением Тенна, вышедшим спустя год, стал хорошо известный нашим читателям рассказ «Игра для детей». По мнению многих, один из лучших у Тенна. Во всяком случае после второй попытки славу писателя, как одного из ведущих сатириков и юмористов послевоенной американской НФ, уже никто не подвергал сомнению.

В некрологе Уильяма Тенна справивший свой 90-летний юбилей Фредерик Пол вспоминал: «На филадельфийской Конвенции 1947 года было, как всегда, множество трепа, который в основном сводился к двум темам: „Ну, как ты?“ и „Где служил?“. Потому что недавно закончилась Вторая мировая, и мы не видели друг друга годы. Но как только указанные две темы обсуждений оказывались исчерпанными, чаще всего поднималась третья: „А ты читал „Игру для детей“?“. Рассказ только что появился в „Astounding“, и автором был никому не ведомый

Уильям Тенн».

Вообще-то Филипп Класс писал не только фантастику — под другими псевдонимами выходили детективы, научно-популярные статьи и книги и даже любовные романы. Но прославился он только в фантастике. При том, что сочинил по американским меркам всего ничего. Почти полсотни рассказов за первое десятилетие творческой деятельности и полтора десятка — за последующие сорок лет. Плюс роман и повесть — не самые удачные.

Начало же было бурным. Одним из первых литературных агентов новоиспеченного Уильяма Тенна стал тоже не абы кто — сам Теодор Старджон. Он же в конце сороковых открыл начинающему автору мир американского фэндома — в последнем, кстати, долго бытовало мнение, что это всего лишь новый псевдоним Генри Каттнера. Символичное заблуждение! Но совсем скоро — после появления таких шедевров, как «Бруклинский проект», «Шутник», «Нулевой потенциал», «До последнего мертвеца», «Освобождение Земли», «Срок авансом» и «Уинтроп был упрямцем», — автора уже ставили в один ряд с тем же Каттнером, а также Робертом Шекли, Фредериком Брауном и Эриком Фрэнком Расселлом. Наиболее смелые критики и вовсе выводили творчество Уильяма Тенна из великой литературной традиции, у истоков которой стояли Свифт и Вольтер.

Доля истины в последнем сравнении присутствовала. Потому что Уильям Тенн мог быть просто заразительно-смешным, а мог подниматься до беспощадной, гневной и сардонической сатиры в духе более поздних Лафферти или Воннегута. Тот же упомянутый выше «Бруклинский проект» можно читать как уморительную и «окончательную» (в том смысле, что все сказано, тема закрыта) байку на тему временных «хроноклазмов». А можно — и так читали рассказ 1948 года тогдашние продвинутые американские фэны — как совсем несмешную сатиру на милитаристскую паранойю, на вековое презрение «яйцеголовых» со стороны военных и политиков. И конкретно — на сенатора Маккарти и затеянную им в первое послевоенное десятилетие «охоту на ведьм». Впоследствии Тенн не скрывал, что именно это и имел в виду, сочиняя свою историю о секретных экспериментах с машиной времени.

В 1968 году одновременно вышли его единственный роман «О людях и чудовищах» и единственная же повесть, изданная отдельной книгой, «Лампа для Медузы». Роман, переписанный из рассказа «Люди в стенах», критики сравнили со свифтовским «Путешествием Гулливера». Только на сей раз в положении знаменитого путешественника, попавшего не в Лилипутию, а в

Бробдингнег, ощутило себя земное человечество, завоеванное инопланетными гигантами. Люди ютятся в своих жилищах, как мыши в наших домах. Но и, как мыши, практически неуничтожимы — вот вам и весь оптимизм…

Наконец, в 1974 году вышел рассказ, название которого говорит само за себя: «Таки у нас на Венере есть рабби!». В советские времена о переводе его нечего было и думать — абсолютный «непроходняк». Это сатирический рассказ о «Втором исходе» соплеменников автора на Венеру и о состоявшемся там Межзвездном неосионистском съезде. На котором главная буча развернулась вокруг вопроса по сути процедурного: можно ли считать евреями делегатов-инопланетян, говоривших на иврите, но при этом выглядевших как мятые, изжеванные коричневые подушки с короткими серыми щупальцами? Хотя для «окончательного решения» вопроса с публикацией рассказа в СССР достаточно было и «бронштейнско-троцкистской резолюции, направленной против Союза Советской Уганды с Родезией»…

В Америке рассказ тоже наделал много шума. Но в этой новелле — местами смешной, местами горькой и едкой — был весь Уильям Тенн. В одном из интервью он дал себе емкую и, как всегда, парадоксальную характеристику: «Я мистик. Знаете, такой сверхрациональный ортодоксальный иудей-атеист-мистик».

После этого вышло всего три рассказа — последний датирован 1994 годом. И писатель Уильям Тенн замолчал окончательно и бесповоротно.

Его отношения с любимым жанром уже несколько десятилетий напоминали прозу супружеской жизни — когда уже много «совместно прожито» и страсти молодости давно выветрились. Писатель по-прежнему высоко ценил «самую современную форму литературы, фундаментально замешанную на промышленных и научных революциях последних двух веков». Но его все больше и больше раздражало в суженой «обилие идиотизма, дурного письма, кликушества, насаждения культов и всего прочего, что совершенно неуместно, если речь идет о взрослой литературе».

И произошло то, что Фредерик Пол назвал «исходом писателя» — из мира, где его любили и ценили: «Он не умер — он просто ушел преподавать в Университет штата Пенсильвания. После чего оказался потерян для своих нью-йоркских друзей, потому что его университетский кампус затерялся где-то на территории очень большого штата Пенсильвания. И для литературы — потому что обнаружил, что преподавать ему интереснее, чем писать фантастику. А жаль».

Профессор Филипп Класс продолжал учить писать студентов, как до этого писатель Уильям Тенн, живя в районе нью-йоркской богемы Гринвич-Виллидже, помогал советами своим молодым коллегам. Таким, как Дэниел Киз, которого Тенн отговорил идти на уступки редактору, настоятельно рекомендующему Кизу закончить рассказ хэппи-эндом: «Если изменишь в этом рассказе хоть слово, я расшибу твоему редактору обе коленные чашечки!» — заявил Кизу вообще-то незлобивый Уильям Тенн. Молодой автор послушался, и мы, читатели, в итоге получили «Цветы для Элджернона». А молодой автор за «отбитый» рассказ — обе высшие премии, «Хьюго» и «Небьюлу».

После выхода на пенсию профессор Класс с женой переехали в пригород Питтсбурга — Маунт-Лебанон, где Фрума Класс поступила на работу в издательство и сама начала писать рассказы, в том числе фантастические.[36]

По произведениям самого Тенна ставились драматические постановки (правда, большей частью силами студенческих трупп), фэны постоянно приглашали его на свои конвенции. А в 1999-м Ассоциация американских писателей-фантастов назвала Уильяма Тенна «заслуженным автором в отставке» (Author Emeritus) — по аналогии с университетским званием (Professor Emeritus).

Но до своей смерти, которая последовала 7 февраля этого года, Уильям Тенн не выпустил больше ни одного рассказа. Его роман с научной фантастикой закончился. Хотя и те полсотни рассказов, что он успел написать за два послевоенных десятилетия, вполне тянут на посмертную славу. Наверное, сам он так и посчитал — что получил ее авансом.

Давайте общаться! И не только в сети

В начале апреля в подмосковном пансионате «Лесные дали» прошла юбилейная (уже десятая!) литературная конференция по проблемам фантастики «Роскон».

По сравнению с предыдущим, «кризисным» «Росконом» количество участников возросло почти в полтора раза — съехалось около 400 гостей не только из России, но из Польши, Японии, Германии, Испании, Украины, Белоруссии, Казахстана и других стран. На «Росконе» встретились писатели, редакторы, журналисты, молодые авторы и просто любители фантастики.

Программа мероприятий удовлетворяла самым разнообразным вкусам. Любителям интеллектуальных бесед предлагались семинары и лекции, например: «Разум в понимании фантастов» от М.Галиной, «Уродство как стимул» от В.Головачева, «Сингулярность — дыра в мироздании, или Как сделать машину времени с воспламенением от расширения» от физика-фантаста С.Слюсаренко, «Аля гер как на войне: альтернативная история Первых мировых» от Г.Панченко.

Молодые авторы могли поучиться ремеслу на мастер-классах Сергея Лукьяненко и Ника Перумова, посетить коллоквиум А.Громова, разбирающего типичные ошибки употребления астрономических терминов в фантастических произведениях (ночью можно было посмотреть на звезды и планеты в новенький 150-кратный телескоп, собранный лично Громовым), заглянуть на практикум Н.Басова.

Сторонниками рождения истины в споре были предложены литературные дуэли «Проекты против творчества» (В.Орехов и Ю.Бурносов против Г.Л.Олди) и «Снятся ли андроидам вампиры? („возрождение НФ“: pro et contra)» (И.Минаков и А.Первушин vs А.Ройфе и А.Щербака-Жукова).

Поклонников музыки ожидали полярные шоу. В первый день конвента пела известная интеллектуальная бард-группа «Адриан и Александр», а во второй — с концертом выступил музыкант, поэт-хулиган, куртуазный маньерист Вадим Степанцов со своей новой группой.

Киноманы в течение конвента могли наблюдать мини-фестиваль отечественных любительских экранизаций Стивена Кинга (представлено 17 работ длительностью от двух минут до часа). Состоялось два предпремьерных кинопоказа. Сначала

участникам показали фильм «Видриэр, или История моего космоса» по одноименному рассказу Аделаиды Фортель. Фильм уже завоевал несколько фестивальных призов, но в прокат не выходил. Экранизацию повести Владислава Крапивина «Дети синего фламинго» — ленту «Легенда острова Двид» представили режиссер и сценарист фильма. Хотя сам В.Крапивин остался недоволен экранизацией и специально к росконовской премьере прислал целый меморандум, зрителям, а особенно присутствовавшим на конвенте детям писателей, фильм понравился.

Также стоит отметить финал конкурса «Роскон-грелка». Все потенциальные участники конвента могли написать рассказы на заранее объявленную оргкомитетом тему. В этом году тема звучала так: «Завтра не будет Луны». Обсуждение и голосование по рассказам в первом туре проходило в Сети, а те, кто прошел в финал, приехали на «Роскон», чтобы на месте выбрать победителей. Все авторы были анонимны, обсуждение рассказов проходило по системе «адвокат/прокурор», которые назначались координатором случайным образом. Победила работа Анны Игнатенко, при этом топ-десятка рассказов была опубликована в сборнике, напечатанном в количестве ста экземпляров по системе принт-он-деманд уже на следующий день после подведения итогов финала. Журнал «Если» планирует опубликовать один из рассказов финальной десятки.

Основным действом конвента, как всегда, стали литературные премии. Приз, организованный журналом «Если», — Мемориальная премия им. Кира Булычёва, — достался Михаилу Успенскому за роман «Райская машина». Приз «Алиса» за лучшую детскую фантастику, также связанный с именем великого российского фантаста, получил роман Андрея Жвалевского и Евгения Пастернака «Время всегда хорошее». Премия «Фантаст года» за самые высокие тиражи была вручена Вадиму Панову. «Большой Роскон» за вклад в фантастику получили легендарная переводчица Ирина Гавриловна Гурова и меценат Арсен Аваков.

Однако главная неожиданность ждала участников, когда были объявлены результаты голосования в номинации «Лучший роман года»: «Золотой Роскон» завоевал роман Сергея Слюсаренко «Кубатура сферы», вышедший в рамках проекта «Сталкер». Это был своеобразный ответ участников конвента на результаты литдуэли «Проекты против творчества». Занявший второе место Сергей Лукьяненко (роман «Недотепа») совсем не расстроился, а прокомментировал это так: «В достаточно унылый, но при этом коммерчески сверхуспешный проект „Сталкер“

(„Играй в игрушку, читай книжку“) Сергей Слюсаренко едва ли не первым написал нормальный литературный текст… По играм делать хорошие книжки очень сложно. Это я вам не просто так говорю, я это знаю…». «Бронзовый Роскон» завоевал роман Г.Л.Олди и А.Валентинова «Алюмен».

Обладателей «Золотого Роскона» в номинации «Повесть, рассказ» оказалось двое: Олег Дивов («Стрельба по тарелкам») и Дмитрий Колодан, Карина Шаинян («Жемчуг по крови»). Серебряный и бронзовый призы получили, соответственно, Евгений Лукин («Чичероне») и Владимир Васильев («Ведьмачье слово»).

Завершился «Роскон» грандиозным фейерверком в честь юбилея.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

Курсор

«Лето индиго» — так будет называться российская фантастическая комедия. Сюжет ленты Александра Павловского по сценарию Владилена Арсеньева разворачивается вокруг четверых одаренных ребят, отдыхающих в летнем лагере под присмотром профессора. В это время парочка инопланетян-недотеп прибывает в лагерь, чтобы нейтрализовать уникальные способности детей планеты Земля. Съемки картины закончились более двух лет назад, но кризис помешал своевременному выходу фильма. В основных ролях выступают патриархи Евгений Князев и Владимир Долинский, а также юный певец Паша Артемов.

Знаменитая повесть Харлана Эллисона «Парень и его пес» (завоевавшая в 1969 году приз «Небьюла») продолжает вдохновлять кинематографистов. Анимационную версию поставит обладатель «Хрустального медведя» режиссер Дэвид Ли Миллер по собственному сценарию. Постапокалиптический мир, по которому бродят подросток Вик и его спутник пес-телепат Вик, уже обретал экранное воплощение в 1975 году, в главной роли тогда снялся молодой Дон Джонсон.

Премию имени Джеймса Типтри-мл. на этот раз завоевали сразу две книги. Это «Облако и пепел» Грира Гиллмана и «Ооку: Внутренние палаты» Фуми Йошинаги. Напомним, что премия вручается произведениям, расширяющим и осмысляющим понятие «взаимоотношения полов». Победитель получает произведение искусства (каждый раз разное), тысячу долларов, шоколадку и право поносить «Диадему Типтри».

Студия Angry Films приобрела права на экранизацию бестселлера канадского адвоката, блоггера, борца за свободное распространение информации в Интернете и писателя-фантаста Кори Доктороу «Младший Брат». Название Little Brother явно обыгрывает оруэлловский термин «Старший Брат» — Big Brother (по традиции ошибочно переводящийся на русский как Большой Брат). Герой книги, юный компьютерный гений Маркус, и трое его приятелей-подростков оказываются неподалеку от места чудовищного теракта и попадают в руки федералов по подозрению в терроризме. После трех дней допросов и психологических пыток друзья выходят на свободу, обнаружив, что их родной Сан-Франциско превратился в «полицейское государство». Тинейджеры решают организовать подпольное

сопротивление, атакуя власти через Сеть.

Учреждена новая кинопремия. Она вручается за фильмы в различных вариантах 3D и называется Lumiere Awards, ничтоже сумняшеся повторив название известной французской кинопремии. Главным лауреатом стал, конечно же, «Аватар». Кроме приза за лучший игровой фильм, кинополотно Камерона получило призы еще в шести номинациях. Лучшей анимацией года признан «Вверх!», отдельным призом отмечена «Коралина в Стране Кошмаров».

Тем временем руководство студии Warner Bros, официально сообщило, что отныне все потенциальные блокбастеры, выпускаемые студией, будут выходить только в 3D.

Тимур Бекмамбетов и его компания Bazelevs, недавно вошедшая в список кинофирм, получивших российскую государственную поддержку, планируют спродюсировать постановку научно-фантастического триллера «Самый темный час». Постановка доверена американцу Крису Гораку. Это будет история пяти подростков (четырех американцев и русской девочки), которые попадают в Москву в момент нападения на нее инопланетян. На этом продюсерские инициативы Бекмамбетова не исчерпываются. Совместно с Тимом Бартоном они займутся экранизацией только что вышедшего романа хулиганистого адаптатора классики под зомби-хоррор Сета Грэма-Смита «Авраам Линкольн: Охотник за вампирами». Роман написан как стилизация под дневники Авраама Линкольна, который, оказывается, был не только Президентом США…

In memoriam 23 марта умерла писательница Галина Николаевна Щербакова. Она родилась в 1932 году в Дзержинске Донецкой области, детство провела в немецкой оккупации. Работала журналистом и учителем. Как писатель прославилась почти мгновенно — после публикации в 1979-м в журнале «Юность» повести «Вам и не снилось» и последовавшей в 1980 году одноименной экранизации. Всего на счету Галины Щербаковой более 20 книг, в основном реалистических. Читатели «Если» смогли познакомиться с ее мемуарами об Ариадне Громовой, опубликованными в первом номере 2009 года.

Агентство F-пресс

Personalia

ДЕЛЭНСИ Крэйг
(DeLANCEY, Craig)

Писатель и ученый-философ Крэйг Делэнси закончил факультеты антропологии и филологический Университета Рочестера в 1987 году. Позже он защитил сразу две диссертации в Университете штата Индиана: магистерскую — по компьютерным наукам и докторскую — по философии. Работал в известном консалтинговом агентстве McKinsey, а в настоящее время преподает философию в Университете штата Нью-Йорк.

С конца 1990-х годов Делэнси начал писать прозу и пьесы. Его дебют в научной фантастике состоялся в 1998 году с рассказом «Музыка хромосом». С тех пор вышло еще шесть фантастических новелл.

ДЭНИЕЛ Тони
(DANIEL, Tony)

Американский писатель Тони Дэниел родился в 1963 году, работал редактором на популярном сайте научной фантастики sfifi.com. Ныне читает лекции в Университете штата Техас в Далласе, где проживает с женой и двумя детьми.

Первый рассказ в жанре — «Прохождение ночных поездов» — датирован 1990 годом. С тех пор он опубликовал еще более 30 рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Приложение к „Закату Роботов“ (1999), и четыре романа — „Военная тропа“ (1993), „Землянин“ (1997) и два в серии „Метапланетное“. Рассказ „Жизнь на Луне“ (1995) был номинирован на премии „Хьюго“ и „Небьюла“, повесть „Смерть разума“ (1992) и короткая повесть „Сухая, тихая война“ (1996) — на премию „Хьюго“, а рассказ „Радио „Прага“ (1998) — на Премию имени Теодора Старджона.

КРЕСС Нэнси
(KRESS, Nancy)

Одна из ярких представительниц современной американской „мягкой“ (иначе говоря, гуманитарной) научной фантастики Нэнси Кресс родилась в 1948 году в Буффало (штат Нью-Йорк) и закончила Университет в Платтсбурге. Проработав некоторое время в рекламном агентстве, Кресс с середины 1970-х годов полностью переключилась на литературную деятельность. Ее первой публикацией стал рассказ „Блуждающие на Земле“ (1976), а первым романом — „Принц утренних колоколов“ (1981).

Подлинное признание пришло к писательнице после выхода романа

„Чуждый свет“ (1988). Первый роман трилогии о „Неспящих“ — „Нищие в Испании“ (1991) — принес автору „золотой дубль“: „Хьюго“ и „Небьюлу“. В последующие годы увидели свет еще две трилогии: „Перекрестный огонь“ и вторая — „Вероятностная Луна“ (2000), „Вероятностное Солнце“ (2001) и „Вероятностный космос“ (2002). Последний роман был награжден Мемориальной премией имени Джона Кэмпбелла. Перу Кресс принадлежат еще 10 одиночных романов и 80 рассказов и повестей, лучшие из которых составили три сборника. В коллекции литературных наград Нэнси Кресс еще две премии „Небьюла“. Самый свежий трофей писательницы — премия „Хьюго“ этого года за повесть „Нексус Эрдманна“.

Нэнси Кресс — автор двух научно-популярных книг: „Начала, середины и концы“ (1993) и „Динамичные характеры“ (1998). В 1998 году она вторично вышла замуж за коллегу по перу — известного писателя-фантаста и ученого Чарлза Шеффилда, а после его смерти в 2002-м вернулась в родной штат Нью-Йорк, чтобы быть поближе к своим взрослым детям.

МОУЛЗ Дэвид
(MOLES, David)

Молодой американский прозаик и поэт Дэвид Моулз о себе сообщает следующее: „Проживал на трех континентах и в шести временных поясах, надеясь со временем собрать полный комплект и тех, и других. В свободное от литературных занятий время увлекаюсь восточным единоборством кендо, коллекционирую бессмысленные университетские дипломы (учился в Американском колледже в Осаке, колледже в Санта-Крузе и Линкольн-колледже в Оксфорде) и подрабатываю, где можно, чтобы оплачивать свои авиабилеты“.

В фантастике Моулз дебютировал в 2003 году рассказом „Девушка Тео“. С тех пор опубликовал еще несколько рассказов и был составителем (в соавторстве) двух антологий. В 2004-м номинирован на Премию имени Джона Кэмпбелла, вручаемую лучшему начинающему автору.

САЛЛИВАН Тим
(SULLIVAN, Tim)

Американский писатель и сценарист Тимоти Роджер Салливан родился в 1948 году в городе Бангор (штат Мэн), Закончив Университет Флорида-Атлантик с дипломом филолога, Салливан переехал в Калифорнию, где прожил 12 лет, публикуя рассказы и романы в разных жанрах, а также сочиняя сценарии для Голливуда. Салливан сам снялся в фильме ужасов „Смеющиеся мертвецы“ (1989), поставленном известным писателем-фантастом, режиссером и композитором тайцем

Сомтоу Сухариткулом. В 2000 году покинул Голливуд и перебрался на юг Флориды, где проживает по сей день, продолжая писать.

Свой первый фантастический рассказ „Тахионная ветошь“ Салливан написал еще в 1977 году. С тех пор он опубликовал более двух десятков рассказов и повестей и восемь НФ-романов.

СКИЛЛИНСТЕД Джек
(SKILLINCSTEAD, Jack)

Какие бы то ни было биографические сведения об американском писателе Джеке Скиллинстеде отсутствуют даже на его домашней веб-страничке, и рассказывать о себе он не любит. Известно лишь, что в фантастике он дебютировал рассказом „Мертвые миры“ (2003) и с тех пор опубликовал еще полтора десятка произведений „малой формы“. Кроме фантастики Д.Скиллинстед пишет детективную прозу.

СЭНФОРД Джейсон
(SANFORD, Jason)

Начинающий американский писатель-фантаст Джейсон Сэнфорд родился и провел детство в сельской местности в штате Алабама. Работал в археологических экспедициях и добровольцем в Корпусе мира, объездил свет, а потом осел на Среднем Западе, где и проживает в настоящее время с женой и двумя детьми, редактируя им же основанный литературный журнал „storySouth“ (именно в такой орфографии).

На счету писателя-фантаста Сэнфорда пока всего три опубликованных произведения короткой формы.

ФРЕДЕРИК Карл
(FREDERICK, Carl)

Американец Карл Фредерик (родился в 1963 году) по образованию физик-теоретик, специализировался в квантовой теории относительности. По окончании университета защитил диссертацию и работал в НАСА и Корнеллском университете, а в последнее время — в компании, занятой разработкой программного обеспечения.

Фредерик посещал курсы для молодых авторов Odyssey и дебютировал в научно-фантастической литературе рассказом „Ход муравьем“, опубликованным в 2003 году в журнале „Analog“ („Если“ № 3, 2005); там же и в том же году вышел и второй рассказ Фредерика — „Инцидент с космическими мышками“. Оба эти произведения были отмечены на ежегодном конкурсе молодых фантастов „Писатели будущего“. С тех пор автор опубликовал около двух десятков рассказов. В настоящее время Карл Фредерик живет с женой, двумя детьми и домашним роботом в сельской местности в окрестностях Итаки (штат Нью-

Йорк).

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

В жаргоне многопользовательских ролевых игр — персонаж, безвозмездно получивший снаряжение существенно более мощное, чем то, которым обычно пользуются другие персонажи такого же уровня. Снаряжение передают высокоуровневые игроки — либо недавно начавшим играть знакомым, либо своим же новым персонажам. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Иммерсивный — создающий аффект присутствия.

З

Сокр. от European Social Fund — Европейский социальный фонд (англ.); сокр. от Free Software Foundation — фонд бесплатно распространяемого программного обеспечения (англ.); сокр. от Screen Actors Guild — Гильдия актеров кино (англ.); сокр. от American Federation of Television and Radio Artists — Американская федерация артистов радио и телевидения (англ.).

4

Жизненная сила, существование и свойства которой лежат в основе китайской философии и медицины. Само слово в буквальном переводе с мандаринского диалекта китайского языка означает «воздух» или "дыхание".

5

Грифер (от англ. grief — горе, печаль, несчастье) — человек, играющий в многопользовательские ролевые игры не для достижения обычных игровых целей, а для того, чтобы расстроить или разозлить других игроков.

6

Человек, прекрасно разбирающийся в компьютерных технологиях и одержимый этими технологиями до такой степени, что это наносит вред его социальным навыкам. Аналог английского geek (гик). В Японии (откуда и пришло слово "отаку") зачастую употребляется применительно к людям, помешанным на аниме.

7

От англ. Distributed Deny of Service — распределенный отказ в обслуживании. Вид хакерской атаки на сайт, заключающейся в одновременной отсылке запросов с множества компьютеров к одному и тому же серверу, который в результате не справляется с нагрузкой и перестает функционировать.

8

Интернет-персонаж, известный среди игроков в многопользовательские ролевые игры (особенно World of Warcraft). Впервые появился в видеоролике, показывающем, как группа игроков тщательно планирует стратегию предстоящей битвы, после чего Лирой Дженкинс, пропустивший это обсуждение, просто бросается вперед, выкрикивая свое имя в качестве боевого клича.

9

Пренебрежительное название индейцев. Здесь каламбур, основанный на сокращении «ИнДжин». (Прим. перев.)

10

К римлянам, 8:28. (Здесь и далее прим. перев.)

11

"Разве нет бальзама в Галааде? разве нет там врача? Отчего же нет исцеления дщери народа моего?" (Иеремия, 8:22).

12

Группа койсанских языков (Западная Африка).

13

Парадокс, предложенный физиком Э.Ферми, подвергает сомнению возможность обнаружения внеземных цивилизаций. Лежащие в основе парадокса допущения называют принципом Ферми.

14

Сверхмассивная черная дыра в центре Галактики.

15

Роман Эдвина Э.Эбботта, изданный в 1884 году.

16

Так называемые "вирусы разума", идеи-паразиты человеческого сознания, к которым автор концепции Р.Докинз относит и религиозные представления.

17

Из речи Авраама Линкольна в Куперовском союзе 27 февраля 1860 года.

18

Звездное шаровое скопление в созвездии Змеи, одно из самых крупных известных сегодня.

19

Высокоразвитый австралопитек, первый представитель рода Homo.

20

Генетически модифицированные организмы. (Здесь и далее прим. перев.)

21

Изречение приписывается Луцию Афранию.

22

Сеньора, с вами все в порядке? Вы ранены? (исп.)

23

"Зовите меня Измаил" — так начинается первая глава романа Германа Мелвилла "Моби Дик, или Белый Кит". (Здесь и далее прим. перев.)

24

Сидящий Бизон, или Татанка Йотанка — легендарный вождь индейцев сиу, в 1876 году возглавивший борьбу против переселения в резервации нескольких индейских племен.

25

СВД — ныне существующая и США Служба внутренних доходов, АЗЧ — придуманное автором Агентство по защите человека.

26

Ян Вермеер (1632–1675) — один из самых ярких представителей голландской школы живописи. Сравнение относится к его картине "Аллегория живописи", где изображен мраморный пол в черно-белую клетку.

27

В.Шекспир, «Макбет». Перевод М.Лозинского.

28

Candy Alley означает Улица Сластей.

29

Шкала Альмера — ежегодно обновляемый список популярности, "горячая десятка" звезд Голливуда.

30

Оплодотворение вне организма.

31

Норма Десмонд — героиня фильма "Бульвар Сансет", бывшая звезда экрана, живущая в иллюзорном мире, где она по-прежнему популярна и всеми любима.

32

Южный Централ — один из неблагополучных районов Лос-Анджелеса.

33

Лакс — международный аэропорт в Лос-Анджелесе.

34

Кудзу, кудцу (лат. — Pueraria lobata) — волокнистое пищевое, лекарственное и кормовое растение; на юге США использовалось для предотвращения эрозии почв, в настоящий момент — широко распространенный сорняк. (Прим. перев.)

35

Во многих источниках местом рождения ошибочно назван американский город Де-Мойн штата Айова, но там на полгода раньше родился другой Филипп Класс — известный ученый, специалист в области авионики и, что самое главное, знаменитый на всю Америку яростный и непримиримый борец с "мифом об НЛО". Биографы и литературные критики путали их всю жизнь. (Здесь и далее прим. авт.)

Вообще, среди родни Филиппа Класса наблюдается своего рода "литературная аномалия". Кроме Фрумы Класс, писавшей научно-фантастическую поэзию и рассказы, в жанре эпизодически «отметились» младший брат Филиппа — ученый-антрополог Мортон Класс, его дочь Джуди Класс (несколько рассказов и роман "на тему" популярного теле- и киносериала "Звездный путь"), а в "просто литературе" — ее сестра Перри и брат Дэвид и двоюродная сестра самого Филиппа — Шейла Соломон Класс.